

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

4(16) 2007
М а й

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№4'2007

Общество

■ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Л. Преснякова

Предвыборный пасьянс:
те же плюс "Справедливая Россия" 5

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

П. Бавин

Февральская революция и свержение монархии:
взгляд из России XXI века 24

■ ПРОФЕССИИ

М. Иванова

Престиж белого халата 31

■ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

И. Шмерлина

О трудовых ценностях и привычке к работе
(Заметки по материалам текущих исследований) 46

Е. Вовк

Несколько слов о ревности:
представления и эмоциональный опыт 67

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев 53

Форум

■ БЕСЕДА

У нас в гостях

Владимир Александрович Ядов73

■ ОТКЛИК

О нашем журнале

(Т. Малкина, Д. Дондурей, В. Семенов)82

Мастерская

■ НАУКА СОЦИОЛОГИЯ

Е. Петренко

Социологический опрос и выборка87

А. Чуриков

Случайные и неслучайные выборки
в социологических исследованиях89

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...85

Е. Вовк

Фальсифицированные товары
в сегодняшней торговле81

Главный редактор
Александр Ослон
Зам. главного редактора
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик
"Общество"

Григорий Кертман
"Форум"

Леонид Блехер
Георгий Любарский
"Мастерская"

Иван Климов

"Цифры"
Людмила Преснякова

"Между прочим"
Анатолий Черняков

Арт-директор

Анна Данилова

Ответственный секретарь

Мария Каневская

Маркет-менеджер

Светлана Басманова

Редакторы выпуска

Анастасия Егорова

Мария Каневская

Корректор

Наталья Шарова

Оригинал-макет

Любовь Софейчук

Рисунки

Ольга Кириченко

Андрей Мирзоян

Учредитель и издатель
Фонд "Общественное мнение"

Президент

Александр Ослон

Директор по исследованиям

Елена Петренко

Директор по технологиям

Алексей Чуриков

Финансовый директор

Марианна Кононова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:

Фонд Ельцина

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4

Тираж 700 экз.

Цена свободная

Номер подписан в печать

05.06.2007 г.

Адрес редакции журнала:

119421, Москва,

ул. Обручева, 26, корп. 2

тел.: (495) 745-87-65

факс: (495) 745-89-03

e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:

<http://socreal.fom.ru>

© "Социальная реальность"

Отпечатано в типографии

ООО "Группа Море"

101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

Л. Преснякова

Предвыборный пасьянс: те же плюс “Справедливая Россия”

Нынешний год в России – выборный; по сравнению с предвыборным раскладом четырехлетней давности расстановка сил на политической арене несколько изменилась: в частности, вместо трех партий, позиционировавших себя по-разному (“Родина”, Партия пенсионеров и Партия жизни), появилась “Справедливая Россия”, вступившая в конкуренцию – пока на выборах в регионах – с сегодняшними “зубрами” (“Единой Россией”, КПРФ и ЛДПР) и аутсайдерами прошлых выборов (СПС и “Яблоком”).

Как сегодня воспринимаются массовым сознанием основные политические игроки¹, какими видятся потенциальным избирателям перспективы новой партии?

Политические имиджи основных игроков партийного поля

Если политологи, эксперты однозначно определяют “Справедливую Россию” как еще одну “партию власти”, то среди рядовых граждан сегодня готовы назвать ее таковой 20% респондентов, тогда как в полтора раза больше опрошенных – 34% – не соглашались с этим определением, и почти половина (46%) затруднились ответить на соответствующий вопрос².

Сравнивая, какая из двух партий – “Единая Россия” или “Справедливая Россия” – по своим позициям ближе к президенту, большинство опрошенных также, по существу, отказывают последней в статусе “партии власти”: 54% называют “единороссов”, 2% – “эсеров”, и 16% полагают, что обе эти партии в равной мере близки к В. Путину.

Однако при сравнении с другими партиями “Справедливая Россия” представляется россиянам вполне лояльной по отношению к главе государства

¹ Общероссийские опросы о восприятии шести политических партий проводились по единой схеме, что позволяет сопоставить их результаты. Сроки проведения опросов: о “Единой России” – 10–11 февраля, “Справедливой России” – 3–4 февраля, ЛДПР – 17–18 февраля, КПРФ – 3–4 марта, СПС – 10–11 марта, “Яблоке” – 24–25 марта 2007 года (каждый опрос проходил в 100 населенных пунктах 44 субъектов РФ, выборка – по 1500 человек). Также используются данные общероссийского мегаопроса “ГеоРейтинг” от 5–19 февраля 2007 года (1930 населенных пунктов, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов).

² Он звучал так: “*Партию «Единая Россия» часто называют «партией власти». В то же время такие партии, как КПРФ, ЛДПР или СПС, «партиями власти» обычно не называют. А партию «Справедливая Россия», по Вашему мнению, можно или нельзя назвать «партией власти»?*”

(*график 1*): 22% респондентов считают, что “эсеры” полностью поддерживают политику действующего президента, еще 24% говорят о частичной поддержке этой партией официального курса (и 4% – о ее оппозиционности).

ЛДПР также видится респондентам довольно близкой по своим позициям к президенту – 16% убеждены, что она полностью поддерживает его политику, еще 47% уверены в наличии частичной поддержки, и только каждый десятый воспринимает эту партию как оппозиционную.

Чаще россияне относят к оппозиционным партиям “Яблоко” (20% уверены, что эта партия не поддерживает политику В. Путина), КПРФ (17%) и СПС (15%), однако значительные доли опрошенных (примерно от четверти до половины) полагают, что и эти партии частично поддерживают курс президента; еще по 5–8% убеждены, что они поддерживают его полностью.

Как видно из *графика 1*, примерно по половине опрошенных затруднились сказать что-либо определенное о позиционировании “Справедливой России”, “Яблока” и СПС относительно нынешнего президентского курса. Если в случае с первой это, очевидно, объясняется несформированностью имиджа новой партии, то в случае с “правыми” может быть обусловлено как тем, что их стали забывать, так и неопределенностью их политических позиций, претерпевших за последние годы немало изменений (в особенности это относится к СПС).

Если говорить об оценке влиятельности партий, то по этому показателю сегодня лидирует “Единая Россия” – 59% участников опроса убеждены, что она оказывает влияние на положение дел в стране (причем 46% считают ее влияние сильным). Называют влиятельной ЛДПР 45% респондентов (говорят о ее сильном влиянии 12% опрошенных), КПРФ – 43% (8% считают ее влияние сильным). “Справедливую Россию” называют таковой 24% респондентов (и 4% говорят о ее сильном влиянии), при этом заметная доля опрошенных (42%) затруднились сказать что-то определенное на этот счет. Чаще всего респонденты отказываются в какой бы то

График 1. Позиционирование партий относительно В. Путина

Табл. 1. Оценки влияния партий

% от населения

Как Вы полагаете, какое влияние оказывает <название партии> на положение дел в стране: сильное, слабое или вообще не оказывает влияния?						
	“Единая Россия”	“Справедливая Россия”	ЛДПР	КПРФ	СПС	“Яблоко”
Сильное	46	4	12	8	2	1
Слабое	13	20	33	35	15	22
Вообще не оказывает влияния	15	33	33	36	42	50
Затрудняюсь ответить	26	42	22	21	41	28
На Ваш взгляд, <название партии> оказывает положительное или отрицательное влияние на положение дел в стране? (Ответы заявивших, что партия оказывает влияние на политическую жизнь страны, и затруднившихся ответить, оказывает ли она влияние)						
	“Единая Россия”	“Справедливая Россия”	ЛДПР	КПРФ	СПС	“Яблоко”
Положительное	43	18	26	29	7	11
Отрицательное	8	2	12	7	5	4
Затрудняюсь ответить	34	46	28	28	47	35

ни было влиятельности “Яблоку” и СПС – соответственно 50 и 42% участников опроса убеждены, что эти партии никак не воздействуют на ситуацию в стране.

Характер влияния всех партий респонденты гораздо чаще оценивают позитивно, нежели негативно. Так, воздействие “Единой России” на положение дел в стране считают положительным 43%, КПРФ – 29%, ЛДПР – 26%, “Справедливой России” – 18%, “Яблока” – 11%, СПС – 7% участников опроса.

При этом представления россиян об идеологии сегодняшних партий никак не назовешь исчерпывающими. Только ЛДПР и КПРФ связываются в сознании более или менее осязаемого числа наших сограждан с определенной политической риторикой: соответственно 30 и 35% опрошенных смогли дать какие-либо ответы на открытые вопросы о том, с какими лозунгами, призывами и обещаниями ассоциируется у них каждая из партий. В случае с “Единой Россией” доля ответов на такой вопрос составила 24%, а по остальным партиям она еще меньше: о лозунгах “Справедливой России” взялись высказаться 15%, СПС – 12%, “Яблока” – 11% респондентов.

Судя по репликам тех, кто отвечал на вопросы о содержании призывов и обещаний партий, имиджи основных участников политического процесса в массовом сознании содержат как схожие черты, так и черты специфические, отражающие особенности каждой партии.

Первая общая черта вроде бы разных по своей идеологии партий – то, что практически каждой из них приписываются лозунги и призывы социального характера: обещания улучшить уровень жизни и жилищные условия россиян, решать проблемы здравоохранения и образования. Чаще всего такие ассоциации возникают в связи с “Единой Россией” – их называют две трети ответивших на вопрос, или 15% респондентов по выборке (“достойную жизнь людям”; “обещание повысить зарплаты бюджетникам и пенсии”; “улучшение благосостояния граждан России”), и с КПРФ – более половины всех ответов, или 20% по выборке (“льготы для пенсионеров и других”; “обещают повысить зарплаты, пенсии”). В случае со “Справедливой Россией” такие ассоциации возникают у половины отвечавших на вопрос об известных им лозунгах партии, или у 8% рес-

пондентов по выборке в целом (“*обещают повысить пенсию в два раза*”; “*улучшить образование, улучшить медобслуживание*”). СПС приписывают призывы социального характера немногим менее половины ответивших на соответствующий вопрос, или 5% всех опрошенных (“*«Все для народа!»*, *наверное*”; “*пенсии увеличение в два с половиной раза*”), “Яблоку” – около четверти отвечавших, или 3% по выборке. Реже всего подобные ассоциации связаны у людей с ЛДПР – их называют пятая часть отвечавших на вопрос об известных им призывах партии, или 6% по выборке (“*каждому гражданину – по квартире*”; “*обещает материальное благополучие*”; “*поднять зарплату бюджетникам*”). Отметим, что респонденты не только часто упоминают про обещание повысить пенсии и зарплаты, отвечая на вопросы о лозунгах каждой из партий, но и говорят об этом практически одними и теми же словами. Социально ориентированная риторика характерна, конечно, для всех российских политических сил, однако любопытно, что граждане практически не различают нюансов дискурса разных партий на эту тему – возможно, эти нюансы не слишком внятно артикулируются, возможно, когнитивная некомпетентность не позволяет людям уловить различия, а может быть, в репликах респондентов просто находит отражение их запрос на то, что они хотели бы получить в результате деятельности партий.

Еще одна общая черта в имиджах политических партий: по 1–2% респондентов называют среди призывов каждой из них (кроме СПС и “Яблока”) обещания навести порядок, бороться с преступностью и коррупцией (а в случае с КПРФ – еще и с “олигархами”).

Наконец, объединяет партии в восприятии граждан и то, что всегда находится определенная доля респондентов, которые вместо ответа на вопрос о лозунгах той или иной партии раздражаются критикой в ее адрес, упрекая главным образом в расхождении между словами и делами, в бездействии и “словоблудии”. В случаях со “Справедливой Россией” и СПС эта доля составляет по 2%, с “Единой Россией” – 4%, с КПРФ и “Яблоком” – по 5%, а с ЛДПР – 8%. Последнюю также упрекают в агрессивности и шутовстве, коммунистам и “Яблоку” предъявляют претензии в том, что партии “устарели”, а “эсерам” – в чрезмерном стремлении к власти.

Теперь обратимся к отличительным особенностям в имиджах партий. Что касается “Единой России”, ее часто связывают с В. Путиным, называют “*партией президента*”. Лозунги партии “реконструируются”, исходя из названия (“*единение всего народа России*”). Аналогичная реконструкция по названию встречается и в ответах на вопрос о призывах и обещаниях “Справедливой России”: “*лозунг – «Справедливая Россия»*”; “*наверное, справедливость восторжествует...*” Некоторые говорят о сходстве этой партии с КПРФ (“*как КПРФ*”; “*она ближе к КПРФ*”) или противопоставляют ее “Единой России” (“*несогласие с «Единой Россией»*”), а кто-то убежден, что “*это «Единая Россия» разделилась пополам, и не более, все то же самое*”.

Особенность имиджа КПРФ заключается в том, что заметная группа ассоциаций с этой партией связана с традиционной коммунистической риторикой: обещаниями “*равенства и справедливости*”, призывами к национализации (“*все вернуть государству, все национализировать*”; “*чтобы все монополии национализировать*”), а также к возрождению социализма и СССР. У кого-то эта партия ассоциируется с лозунгами советского периода (“*Будь готов! Всегда готов!*”; “*вперед, к победе коммунизма!*”; “*вся власть – Советам!*”; “*заводы – рабо-*

чим, землю – крестьянам”; “Ленин жил, Ленин жив”; “Мир! Труд! Май!”; “народ и партия едины”; “с лозунгами «Вся власть – Советам!»”; “кто не работает, тот и не ест”; “слава КПСС!”).

ЛДПР больше всего запомнилась потенциальным избирателям политической риторикой своего лидера: партия ассоциируется с националистическими (“национальные призывы”; “за Россию, за русских”) и даже фашистскими лозунгами (“русский фашист”), внешнеполитическим экстремизмом (“ненависть к Америке”; “помоем сапоги в Индийском океане”; “завоевать весь мир”), имперскими амбициями (“сделать Россию сверхдержавой”) и высказываниями на тему гендерных и брачных сюжетов (“каждому мужику по три жены”; “всем женщинам – по мужчине”).

Союз правых сил связан в представлении россиян с идеями развития бизнеса и капитализма (“дорогу предпринимателям”; “капитализм для всех, в том числе и для пенсионеров”; “либеральная экономика, частная собственность, уменьшение влияния государства на экономику”), демократическими лозунгами и призывами (“демократия, гласность, открытость”; “обществу – права и демократию”; “права человека”; “свобода и демократия”), лозунгом “дестройка”; в представлении некоторых СПС – это “партия для богатых”, “поддерживают олигархов”.

“Яблоко” ассоциируют с его экономическими инициативами, в частности – с давней программой “500 дней” (“снизить налоги”; “перестройку за 500 дней – если бы допустили это, то страна была бы в расцвете”), кто-то считает эту партию защитницей “демократических и социальных свобод”, подчеркивает ее оппозиционность “правящей партии” или говорит о символике партии (“символ – яблоко с листком”), а также о ее лидере.

В целом же, как видно из приведенных реплик россиян, специфика риторики каждой из партий находит свое отражение в восприятии некоторых потенциальных избирателей, однако доля таковых очень невелика, большинству же весьма затруднительно определить и выразить содержание лозунгов и идеологии партий.

Соответствие целей партий интересам таких людей, как они, респонденты усматривают не так уж часто (график 2). Сегодня по трети опрошенных признают, что их интересы защищают “Единая Россия” и КПРФ (соответственно 35 и 32%). Цели ЛДПР близки 24% опрошенных, вдвое больше респондентов утверждают, что соответствия между устремлениями “либерал-демократов” и их собственными интересами нет (48%). О соответствии целей “Справедливой России” своим интересам сообщают 18% опрошенных, четверть (25%) говорят об отсутствии такового. Близость целей СПС и “Яблока” интересам таких, как они, людей усматривают соответственно 8 и 11% участников опроса. Отметим, что в случаях со “Справедливой Россией”, СПС и “Яблоком” заметные доли опрошенных (от 45 до 57%) затруднились определить, отражают ли эти партии их интересы. При этом по сравнению с 2003 годом³ заметно выросли доли тех, кто видит соответ-

³ Общероссийские опросы населения о КПРФ – от 13–14 сентября, об СПС – от 20–21 сентября, о “Единой России” – от 27–28 сентября, об ЛДПР – от 4–5 октября, о “Яблоке” – от 11–12 октября 2003 года (каждый опрос проходил в 100 населенных пунктах 44 субъектов РФ, выборка – по 1500 человек).

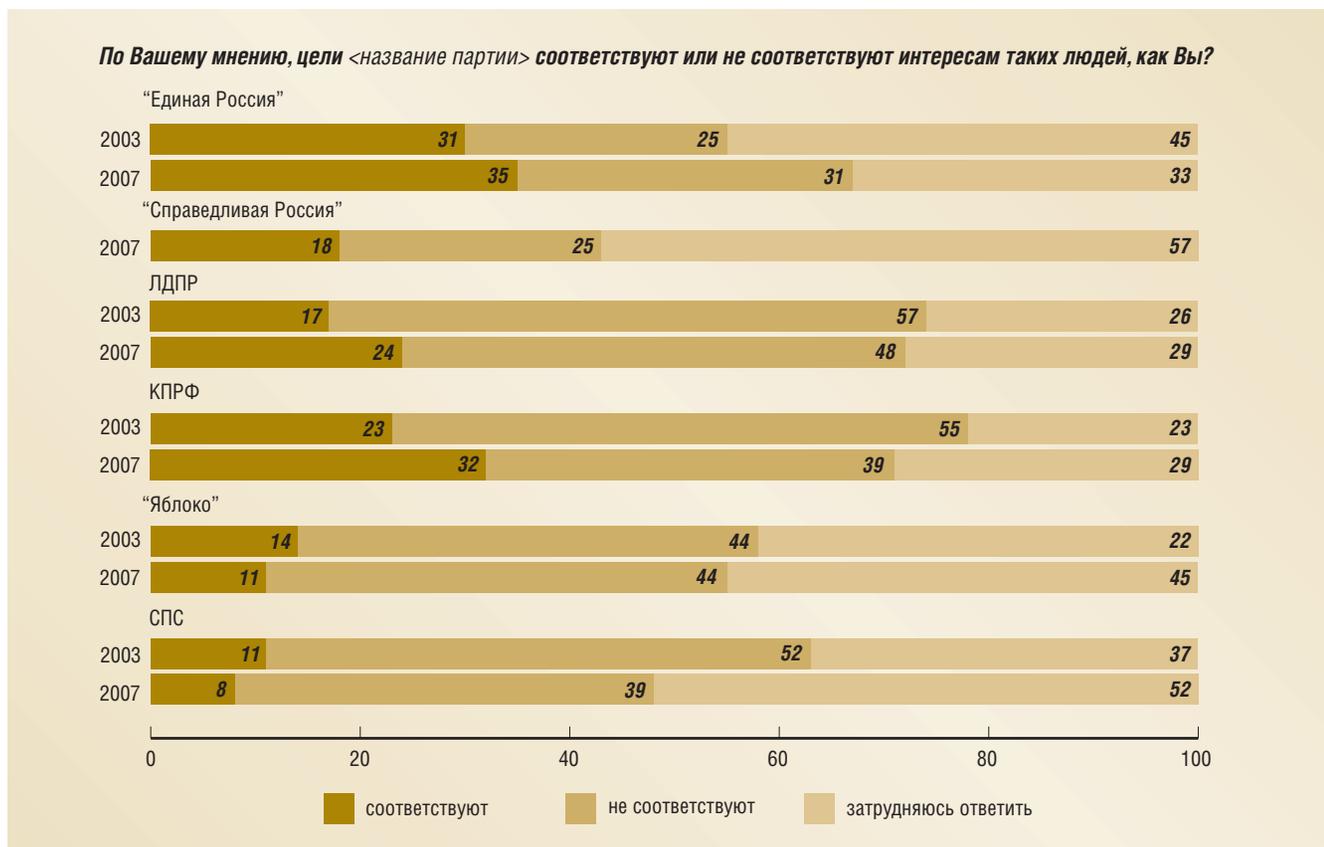

График 2. Динамика представлений россиян о соответствии целей партий их интересам

ствие между устремлениями ЛДПР и КПРФ – и своими, у “Единой России” этот показатель почти не изменился, зато увеличилось число граждан, которые не соотносят ее цели со своими интересами. Несколько сократились доли тех, кто считает выразителями своих чаяний “Яблоко” и СПС, но значительно выросла и доля не определившихся с ответом на такой вопрос об этих партиях.

Сегодня из рассматриваемых партий лишь шансы “Единой России” преодолеть 7%-ный избирательный барьер на предстоящих выборах не вызывают сомнения у подавляющего большинства респондентов: 78% опрошенных убеждены, что ей удастся это сделать (график 3). В возможностях ЛДПР быть переизбранной в парламент не сомневаются 57% опрошенных, КПРФ – 52%. Уверены, что в Думу нового созыва войдет “Справедливая Россия”, 39% россиян, заметно больше (47%) затруднились оценить ее шансы. И только 15 и 16% респондентов соответственно полагают, что и “правым” – СПС и “Яблоку” – удастся преодолеть 7%-ный барьер на предстоящих выборах (большинство же либо уверены, что этого не произойдет, либо затрудняются оценить шансы партий).

Мы поинтересовались у участников опроса, кто, по их мнению, победит на предстоящих думских выборах и кто окажется ближайшим преследователем лидера⁴. 72% опрошенных уверены, что больше всех голосов наберет “Единая Рос-

⁴ Общероссийский опрос населения от 17–18 марта 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

График 3. Оценки шансов партий преодолеть избирательный барьер

сия”, другие партии в роли победителя видят совсем немногие (“Справедливую Россию” назвали 3%, КПРФ – 2%, ЛДПР – 1%), еще 22% затруднились с ответом.

А вот мнения относительно того, кто займет второе место, разделились: 19% называют КПРФ (среди жителей села и людей в возрасте от 55 лет – по 25%), 18% – “Справедливую Россию” (второе место им чаще других прочат респонденты с высшим образованием и москвичи – 28 и 26% соответственно), ЛДПР – 9%. Другие партии назвали в сумме еще 10% опрошенных. Заметная доля респондентов – 43% – затруднились с ответом.

Отношение к партиям и их электоральный потенциал

С появлением новой партии – “Справедливой России” – восприятие гражданами общего партийного ландшафта не претерпело принципиальных изменений: сегодня, как видно из *табл. 2*, наибольшей поддержкой пользуется “Единая Россия”. Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, за нее проголосовали бы, по их словам, 30% респондентов. Все партии, включая “эсеров”, ощутимо отстают от лидера по этому и другим показателям.

Второе место в предпочтениях сограждан сегодня делят КПРФ и ЛДПР – им симпатизируют примерно по трети опрошенных (при этом противников у “либерал-демократов” больше, чем у коммунистов): каждый четвертый и каждый пятый допускают для себя возможность проголосовать за эти партии. Выражают готовность отдать им свои голоса на выборах (если бы они состоялись “в ближайшее воскресенье”) соответственно 8 и 6% респондентов.

“Справедливая Россия” несколько отстает от претендентов на второе место – ей симпатизирует примерно четверть россиян, почти столько же не исключают возможности отдать за нее свой голос (немногим больше, чем за ЛДПР, но немногим меньше, чем за КПРФ), ее потенциальный электорат составляет 6%. При этом определенное преимущество “эсеров” перед коммунистами

Табл. 2. Основные показатели партий

% от населения

	Заметность [❖]	Отношение к партии ^{❖❖}			Голосование ^{❖❖❖}		В ближайшее воскресенье проголосовали бы... ^{❖❖❖❖}	Относят себя к сторонникам партии ^{❖❖❖❖❖}
		положительно	отрицательно	затрудняюсь ответить	допускают	исключают		
“Единая Россия”	26	49	18	33	46	32	30	14
КПРФ	4	37	32	31	26	60	8	5
ЛДПР	5	32	39	29	21	63	6	4
“Справедливая Россия”	4	28	14	58	24	39	5	2
Союз правых сил	1	11	30	59	9	67	1	1
“Яблоко”	1	12	37	50	8	75	1	0

❖ Вопрос: “Деятельность каких партий заметна в вашем регионе в последние месяц-два?”

❖❖ Вопрос: “Как Вы в целом относитесь к <название партии> – положительно или отрицательно?”

❖❖❖ Вопрос: “В декабре 2007 года состоятся выборы в Государственную думу. Вы в принципе допускаете или исключаете для себя возможность проголосовать на выборах в Государственную думу за <название партии>?”

❖❖❖❖ Вопрос: “Представьте себе, что в ближайшее воскресенье проводились бы выборы в Государственную думу. За какую партию Вы бы проголосовали?”

❖❖❖❖❖ Вопрос: “Вы можете или не можете сказать о себе, что Вы сегодня поддерживаете какую-либо партию, являетесь ее сторонником? И если да, то назовите партию, сторонником которой Вы являетесь”.

и “либерал-демократами” заключается в том, что у многих пока не сложилось определенного мнения об этой партии. Негативное отношение к ней выражает лишь небольшая часть опрошенных, и потенциал роста политического веса у нее, соответственно, несколько выше, чем у этих конкурентов, давно присутствующих на политической арене.

В декабре 2007 года состоятся выборы в Государственную думу. Вы в принципе допускаете или исключаете для себя возможность проголосовать на выборах в Государственную думу за <название партии>?

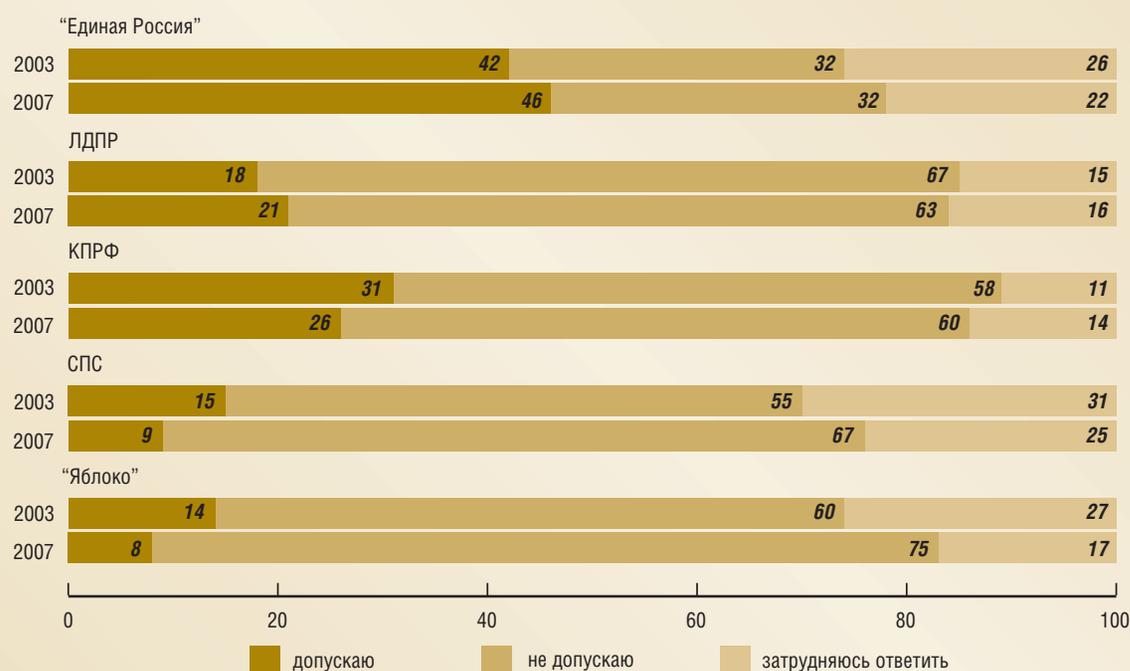

График 4. Динамика допускающих и исключаящих голосование за партии

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье проводились бы выборы в Государственную думу. За какую партию Вы бы проголосовали? (Карточка. Один ответ)

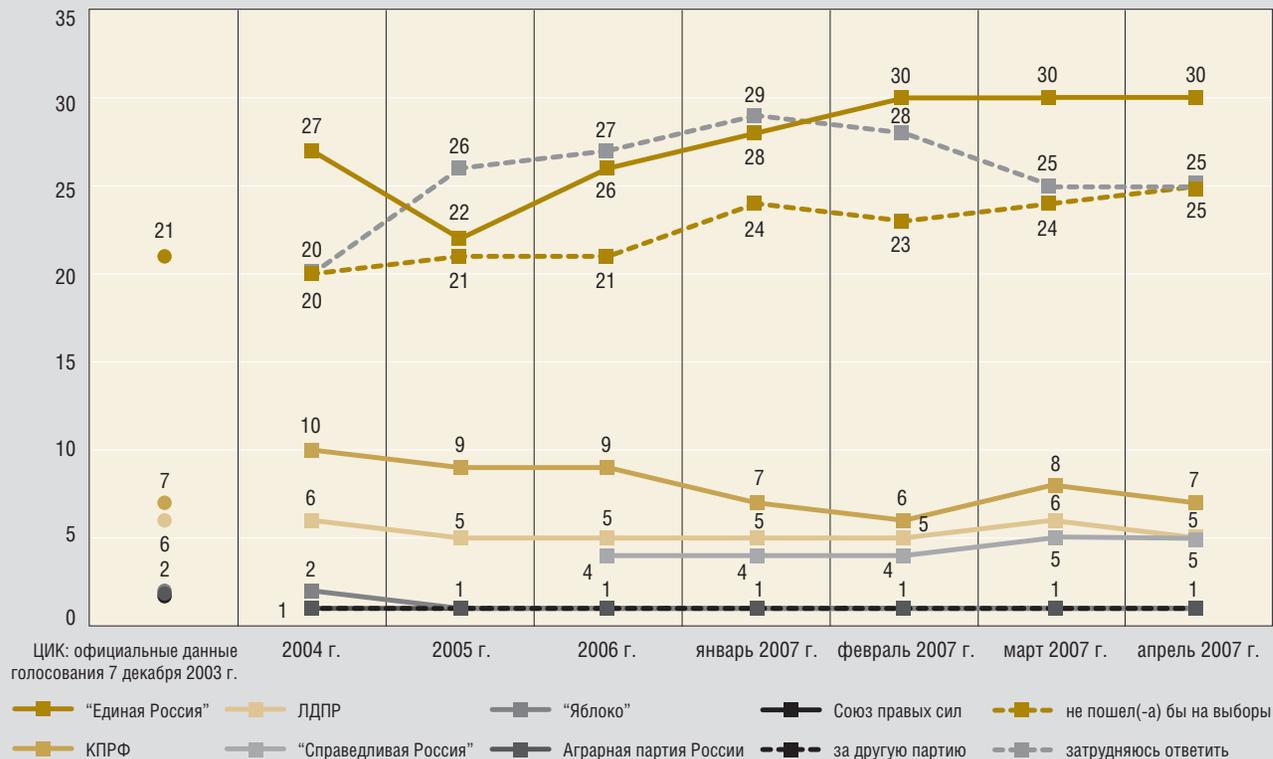

График 5. Динамика рейтингов партий

Партии, принадлежащие к правой части политического спектра – СПС и “Яблоко”, – пока относятся к группе аутсайдеров: доли симпатизирующих им и допускающих возможность проголосовать за них очень невелики, а электорат каждой не превышает 1%.

Следует отметить, что по сравнению с ситуацией накануне выборов 2003 года доли допускающих голосование за “Единую Россию” и за ЛДПР несколько возросли, тогда как по остальным партиям количество допускающих возможность отдать за них свои голоса заметно сократилось: у коммунистов – на 5 п.п., у СПС и “Яблока” – на 6 п.п.

Если мобилизационный потенциал партий (то есть доля людей, в принципе допускающих возможность проголосовать за них) за время между электоральными циклами менялся, то другой показатель – электоральные рейтинги, как видно на *графике 5*, не претерпевал принципиальных изменений (флуктуации практически не выходят за пределы статистической погрешности), несмотря на появление новой партии.

Впрочем, отсутствие значимой динамики электоральных рейтингов вполне закономерно – в период между выборами этот показатель отражает скорее общие установки сограждан по отношению к партиям, нежели их действительные электоральные намерения. К тому же событий, способных ощутимо повлиять на расклад политических сил, за это время не происходило, а тенденции укрепления или ослабления позиций отдельных партий только начинают проявляться, поскольку реальная борьба за голоса избирателей еще впереди.

График 6. Динамика отношения к партийным лидерам

Таким образом, на сегодня партией, имеющей наиболее благоприятные электоральные показатели, является “Единая Россия”. Ближайшие конкуренты пока значительно отстают от нее, причем на протяжении последнего выборного цикла эта ситуация не менялась, не претерпела она изменений и с появлением новой партии – “Справедливой России”. Борьба за второе место сегодня разворачивается между тремя партиями: КПРФ, ЛДПР и “Справедливой Россией”, при этом позиции “либеральных демократов” несколько укрепились, а вот коммунистов – наоборот, чуть ослабли.

Стоит сказать несколько слов об отношении к партийным лидерам и его динамике (см. *график 6*). Сегодня наибольшие эмоции у россиян вызывает лидер ЛДПР В. Жириновский – у него больше всего “поклонников” (33%), но и больше всего противников (23%); отметим, что в 2000 году приверженцев у лидера “либеральных демократов” было в полтора раза меньше, противников же – в полтора раза больше (соответственно 21 и 39%)⁵. Г. Зюганов, напротив, в последние годы теряет сторонников: если в 2001 году к нему хорошо относились 35%, то сегодня – 23% респондентов; при этом увеличивается доля тех, кто заявляет о безразличии к нему (с 38% шесть лет назад до 49% сегодня)⁶. Что касается Г. Явлинского, то значительно сократились доли и симпатизирующих этому политику (с 19 до 12%), и испытывающих к нему антипатию (с 23 до 12%)⁷.

Отношение к Б. Грызлову за последние годы менялось мало: в 2003 году у него было примерно столько же сторонников (26%) и противников (6%), сколько

⁵ Общероссийский опрос населения от 9–10 сентября 2000 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

⁶ Общероссийский опрос населения от 23–24 июня 2001 года.

⁷ Общероссийский опрос населения от 14–15 июля 2001 года.

и сегодня (26 и 5%), и треть россиян по-прежнему относятся к нему безразлично (было – 39%, стало – 37%)⁸.

Н. Белых сегодня менее всего известен россиянам – 67% заявили, что ничего не знают о лидере СПС, 6% затруднились выразить отношение к нему, еще 20% говорят о своем безразличии к этому политику; определенное отношение к нему сформировалось пока только у 7% россиян: у 4% – положительное, у 3% – отрицательное.

О лидере «Справедливой России» С. Миронове сегодня ничего, по их словам, не знают 31% наших сограждан, еще 11% затруднились сказать о нем что-либо определенное; 16% относятся к нему хорошо, 6% – плохо, еще 37% – безразлично.

Социально-демографические и географические особенности потенциальных электоратов партий

Наконец, рассмотрим, что представляют собой сегодня электораты основных участников предстоящей избирательной кампании и особенно «Справедливой России», претендующей одновременно и на избирателей, лояльных властям, и на настроенных по отношению к ним оппозиционно⁹.

Как видно из приводимых ниже данных, электораты всех партий, кроме «Единой России», имеют выраженные социально-демографические особенности.

Среди потенциальных избирателей «эсеров» больше, чем в среднем по выборке, женщин, респондентов старшего возраста и граждан с невысокими доходами. Электорат этой партии до некоторой степени похож на электорат коммунистов, за исключением гендерного и образовательного аспектов – среди избирателей КПРФ доля пожилых и малообеспеченных людей тоже выше, чем в общей выборке, но мужчин все-таки больше, чем женщин; кроме того, среди поддерживающих компартию выше средней доля жителей села и малообразованных респондентов (среди сторонников «Справедливой России» таковых, наоборот, меньше, чем по выборке в целом).

В структуре потенциального электората ЛДПР ощутимо преобладают мужчины, молодые люди (до 30 лет); здесь сравнительно мало как обладателей высшего образования, так и, напротив, наименее образованных – не окончивших среднюю школу.

Среди потенциальных избирателей СПС и «Яблока» выше средней доля людей хорошо образованных, с относительно высоким доходом (в этих электоратах – наибольшие группы людей с доходами более 5000 рублей на члена семьи); среди сторонников СПС можно чаще встретить москвичей, петербуржцев и жителей других мегаполисов, а среди поддерживающих «Яблоко» – москвичей и жителей крупных городов (*табл. 3*).

Сегодня о своем гипотетическом намерении проголосовать за ту или иную партию, как правило, говорят те же, кто голосовал за нее на думских выборах 2003 года. Так, среди готовых поддержать КПРФ 57% голосовали за нее в 2003 году,

⁸ Общероссийский опрос населения от 5–6 июля 2003 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

⁹ Электораты партий анализируются на основе массива данных, полученных в результате упомянутого выше мегаопроса «ТеоРейтинг», объем выборки в котором составляет 34 000 респондентов. При таком объеме выборки становится возможным статистически достоверный анализ даже небольших групп – таких, например, как электораты СПС и «Яблока», ведь 1% в этом случае – это примерно 340 человек.

Табл. 3. Социально-демографическая структура потенциальных электоратов партий

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Электораты [❖]					
		“Единая Россия”	“Справедливая Россия”	ЛДПР	КПРФ	СПС	“Яблоко”
Пол							
Мужской	48	43	<u>40</u> ^{❖❖}	67	51	50	56
Женский	52	57	60	<u>33</u>	49	50	<u>44</u>
Возраст, лет							
18–24	16	19	<u>6</u>	21	4	17	19
25–30	13	14	<u>7</u>	17	5	15	10
31–40	16	17	<u>10</u>	21	<u>8</u>	19	18
41–54	28	27	26	27	30	29	33
55–64	12	10	24	10	19	11	9
65 и старше	15	13	27	4	34	<u>10</u>	11
Образование							
Ниже среднего	12	10	13	9	18	5	8
Среднее общее	33	33	29	37	31	<u>22</u>	30
Среднее специальное	40	42	40	42	37	43	<u>32</u>
Высшее	15	15	18	12	14	30	30
Доход, руб.							
До 2000	22	21	17	25	25	10	13
2000–3000	23	24	28	21	30	21	<u>14</u>
3000–5000	25	26	28	25	27	26	26
Более 5000	19	20	20	19	<u>12</u>	35	36
Затрудняюсь ответить, не хочу отвечать	11	9	6	10	<u>6</u>	8	12
Тип населенного пункта							
Москва	8	7	9	6	6	12	15
Санкт-Петербург	3	3	6	2	2	8	3
Мегаполис	10	8	10	8	9	15	11
Большой город	17	15	18	19	17	20	24
Малый город	39	41	38	41	38	<u>32</u>	35
Село	23	26	19	24	27	<u>12</u>	<u>11</u>

❖ Электораты определялись по ответам на вопрос: “Представьте себе, что в ближайшее воскресенье проводились бы выборы в Государственную думу. За какую партию Вы бы проголосовали?” (Карточка. Один ответ).

❖❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом и курсивом с подчеркиванием.

среди поддерживающих “Единую Россию” таких “проверенных” избирателей 42%, у ЛДПР – 40%, у СПС – 41%, у “Яблока” – 39%. Остальные сегодняшние сторонники этих партий – как правило, те, кто в 2003 году не ходил на выборы, а бывшие сторонники других политических объединений в структуре сегодняшнего электората каждой из перечисленных партий составляют совсем небольшие доли.

А откуда, из чьих электоратов черпает сегодня поддержку “Справедливая Россия”, в предыдущих выборах, естественно, не участвовавшая? Во-первых, за эту партию сегодня намерены голосовать часть прежних сторонников “Единой России” (14% из сегодняшних потенциальных избирателей “эсеров” раньше го-

лосовали именно за “единороссов”), а также бывшие приверженцы вошедшей в ее состав “Родины” (это 16% сторонников новой партии). В электорате “Справедливой России” заметно и присутствие голосовавших ранее за Партию пенсионеров (9% электората “эсеров”) и КПРФ (6%). Возможно, на предстоящих выборах ряды приверженцев новой партии довольно значительно пополнятся за счет сторонников “Единой России” – людей, поддерживающих сегодняшнюю власть и выбиравших “единороссов” именно по этому принципу, но недовольных их действиями (или бездействием). Кстати, подобная тенденция уже проявила себя в ходе прошедших недавно выборов региональных парламентов, на которых “Справедливая Россия” впервые вступила в политическую борьбу и нередко активно оппонировала “единороссам”: во всяком случае, на групповых дискуссиях, проходивших накануне голосования, респонденты часто выражали свое недовольство “Единой Россией”, заявляли, что она слишком долго находится у власти и фактически монополизировала политическое пространство, выражали желание видеть на ее месте другую партию и в качестве таковой называли именно “Справедливую Россию”.

Теперь обратимся к социальным и политическим установкам представителей электоратов различных партий, которые мы здесь рассмотрим на примере нескольких индикаторов – оценок респондентами вектора развития страны, ситуации в своем регионе, а также работы властей федерального и регионального уровней (табл. 4).

Сторонники “Единой России” демонстрируют наибольший оптимизм в суждениях об общенациональной и региональной ситуации, а также наибольшую удовлетворенность действиями президента и главы своего региона.

Приверженцы “эсеров” чуть чаще, чем участники опроса в целом, склонны считать направление, в котором сегодня движется страна, неверным и негативно отзываться о ситуации в своем регионе, однако уровень поддержки властей среди них не отличается от среднего по выборке.

“Либеральные демократы”, а также “яблочники” чаще других выражают недовольство работой В. Путина и вектором развития России, однако их оценки ситуации в своем регионе и работы своего губернатора мало отличаются от средних показателей. Потенциальные избиратели СПС сравнительно часто выражают поддержку курсу развития страны и благожелательно оценивают ситуацию в своей области, но также чаще критикуют деятельность В. Путина на посту главы государства. А наибольший пессимизм проявляют сторонники КПРФ – в этой группе больше, чем в среднем, недовольных и направлением развития страны, и положением дел в своем регионе, и работой властей.

Наконец, электораты партий различаются по своим психологическим особенностям. Чаще других заявляют, что их благосостояние зависит скорее от них самих, нежели от внешних обстоятельств¹⁰, – то есть демонстрируют интернальную установку, – потенциальные избиратели СПС (45%), “Яблока” (38%), ЛДПР (37%) и “Единой России” (37%), при том что в целом по выборке такую

¹⁰ Вопрос: “Скажите, пожалуйста, от чего в большей мере зависит Ваше материальное положение – лично от Вас (от Ваших усилий, характера, трудолюбия, расчетливости и т. д.) или от внешних обстоятельств (от ситуации в стране, от случайностей, от удачи и т. д.)?”

Табл. 4. Оценки вектора развития страны, ситуации в регионе, работы властей федерального и регионального уровней % от групп (по столбцам)

	Население в целом	Электораты					
		“Единая Россия”	“Справедливая Россия”	ЛДПР	КПРФ	СПС	“Яблоко”
Как Вы считаете, в целом сегодня Россия развивается в правильном или в неправильном направлении?							
В правильном	49	69 [♦]	45	46	<u>30</u>	62	<u>43</u>
В неправильном	32	<u>17</u>	40	38	56	<u>23</u>	42
Затрудняюсь ответить	19	<u>14</u>	15	16	14	16	15
Если говорить в целом, Вы довольны или недовольны положением дел в нашей области (крае, республике)?							
Доволен(-а)	39	51	<u>34</u>	37	<u>29</u>	46	43
Недоволен(-а)	53	<u>43</u>	59	57	65	52	49
Затрудняюсь ответить	8	7	7	7	6	2	8
Как Вы считаете, президент В. Путин работает на своем посту хорошо или плохо?							
Хорошо	78	93	79	71	<u>63</u>	<u>72</u>	68
Плохо	14	4	15	20	28	23	25
Ничего не знаю о его работе	2	1	1	2	1	0	1
Затрудняюсь ответить	6	2	6	7	7	5	6
Как Вы считаете, руководитель вашей области (края, республики) работает на своем посту хорошо или плохо?							
Хорошо	53	66	53	53	<u>48</u>	53	57
Плохо	30	<u>22</u>	34	34	39	32	<u>25</u>
Ничего не знаю о его работе	8	5	6	6	6	7	7
Затрудняюсь ответить	9	7	6	7	7	9	11

♦ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом и курсивом с подчеркиванием.

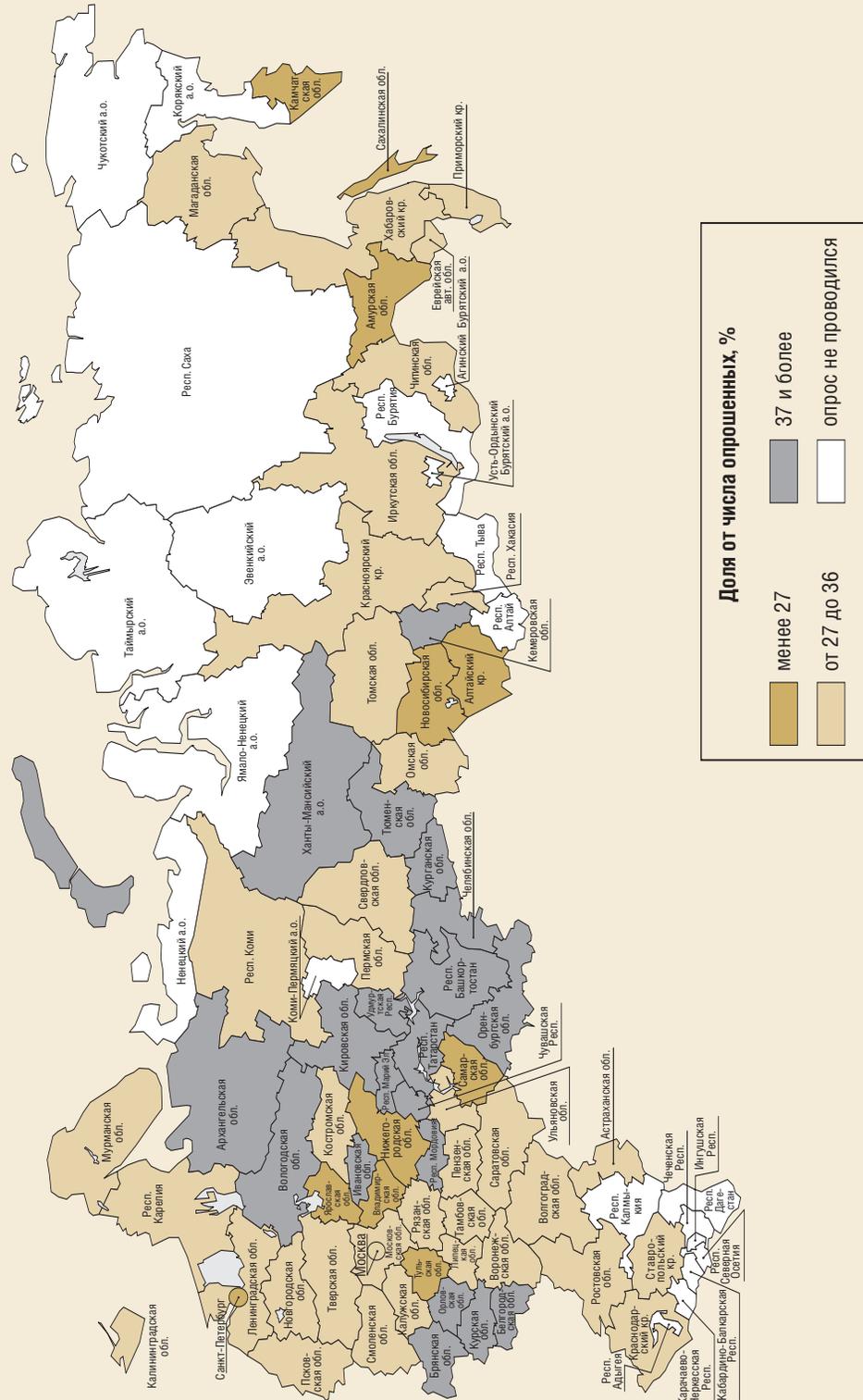
позицию занимают 32% опрошенных. А вот среди сторонников “Справедливой России” и КПРФ больше экстерналов – в этих группах чаще, чем в среднем, ответственность за материальное положение возлагается на внешние факторы (так считают соответственно 72 и 78% опрошенных – против 61% по выборке).

Что касается проявлений региональной специфики в партийных предпочтениях потенциальных избирателей, то, как видно из *карты 1*, “Единая Россия” наиболее популярна в республиках Поволжья (Мордовии, Татарстане, Удмуртии, Башкирии, Чувашии, Марий Эл), в Оренбургской и Кировской областях, а также в южных регионах Центрального округа (Белгородской, Брянской, Орловской, Курской областях) и в некоторых регионах Урала (Тюменской и Челябинской областях, ХМАО). При этом в Орловской, Брянской, Оренбургской областях, а также в Мордовии наряду с “единороссами” сравнительно популярны коммунисты, а в Марий Эл – ЛДПР и “Справедливая Россия”.

Потенциальных избирателей КПРФ обнаруживается больше всего в ряде регионов Центрального округа – Смоленской, Калужской, Орловской, Тамбовской, Тульской областях, в Поволжье (Чувашия и Мордовия, а также Ульяновская область), в Сибири (Красноярский край и Хакасия), в Псковской области и на Сахалине (*карта 2*).

Намереваются голосовать за “Единую Россию”, в % от опрошенных

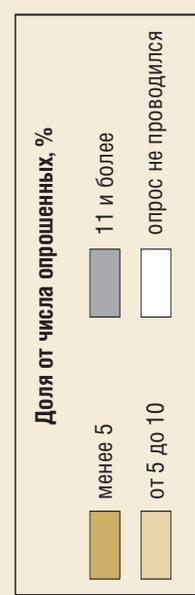
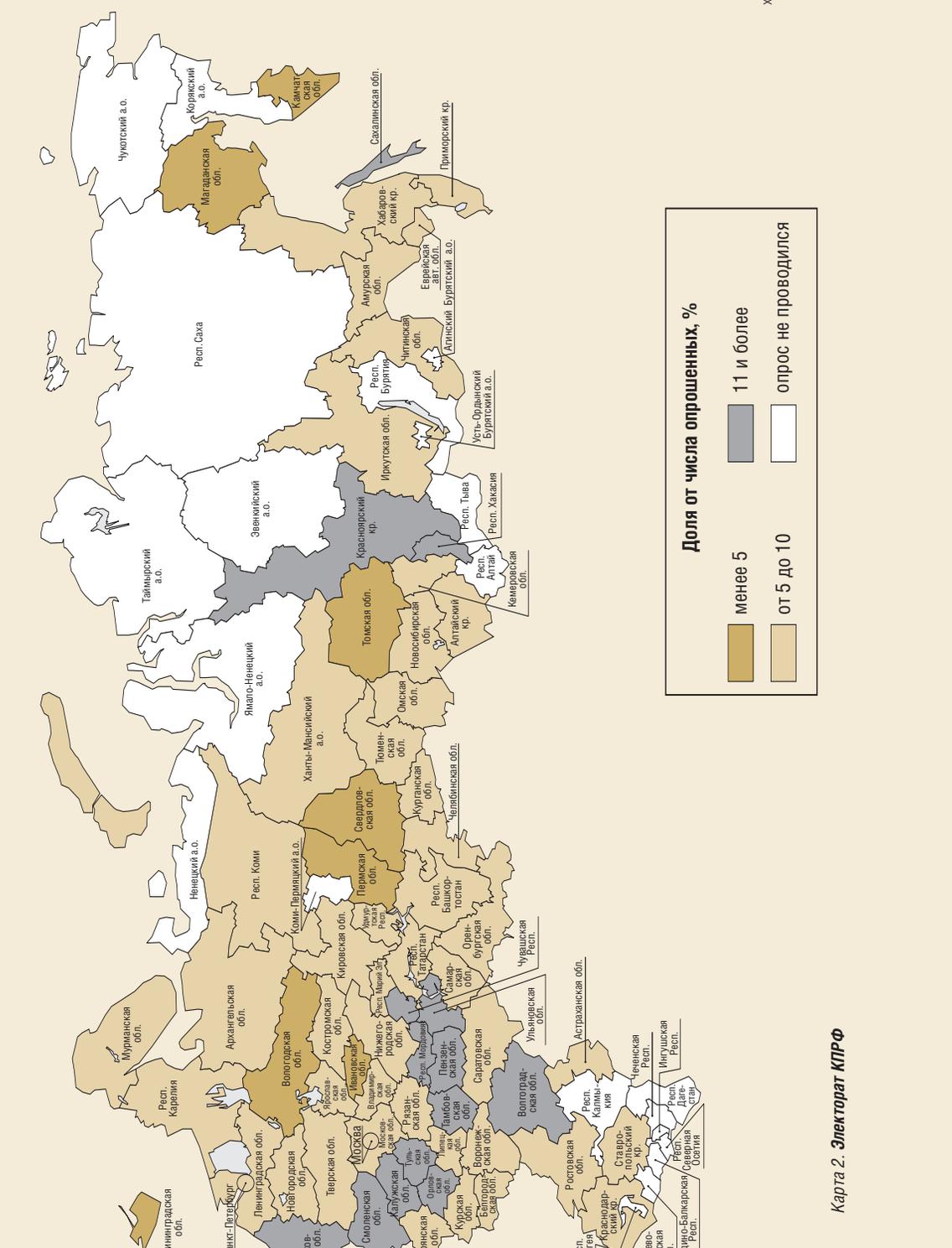
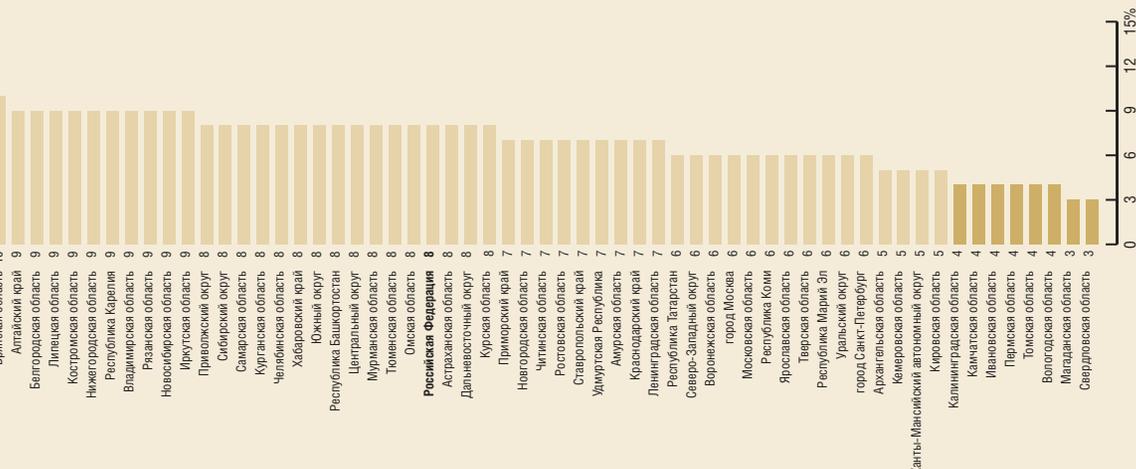
Представьте себе, что в ближайшее воскресенье проведутся выборы в Государственную думу. За какую партию Вы бы проголосовали?

Карта 1. Электорат “Единой России”

Намереваются голосовать за КПРФ, в % от опрошенных

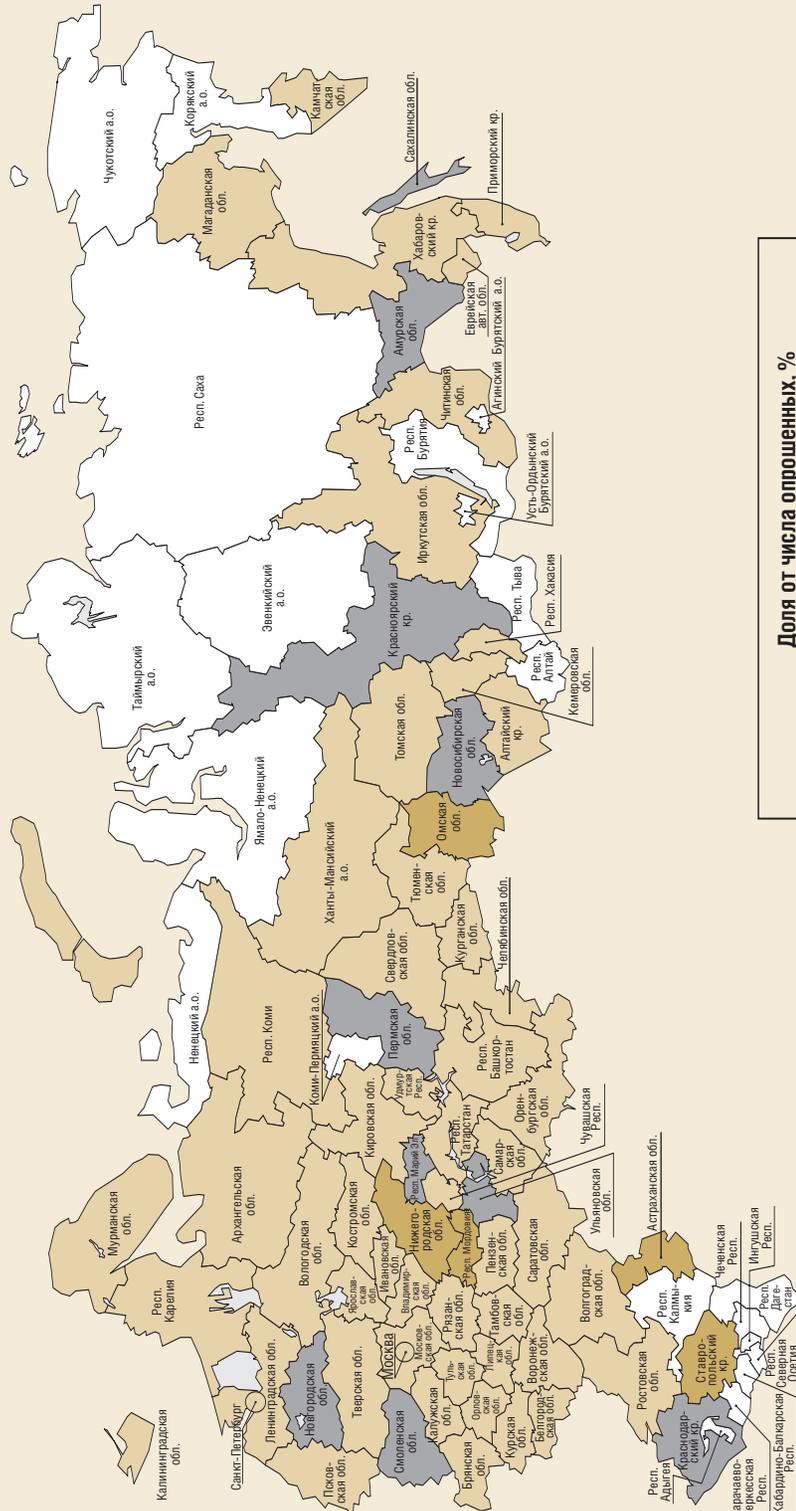
Представьте себе, что в ближайшее воскресенье проведутся выборы в Государственную думу. За какую партию Вы бы проголосовали?

Карта 2. Электорат КПРФ

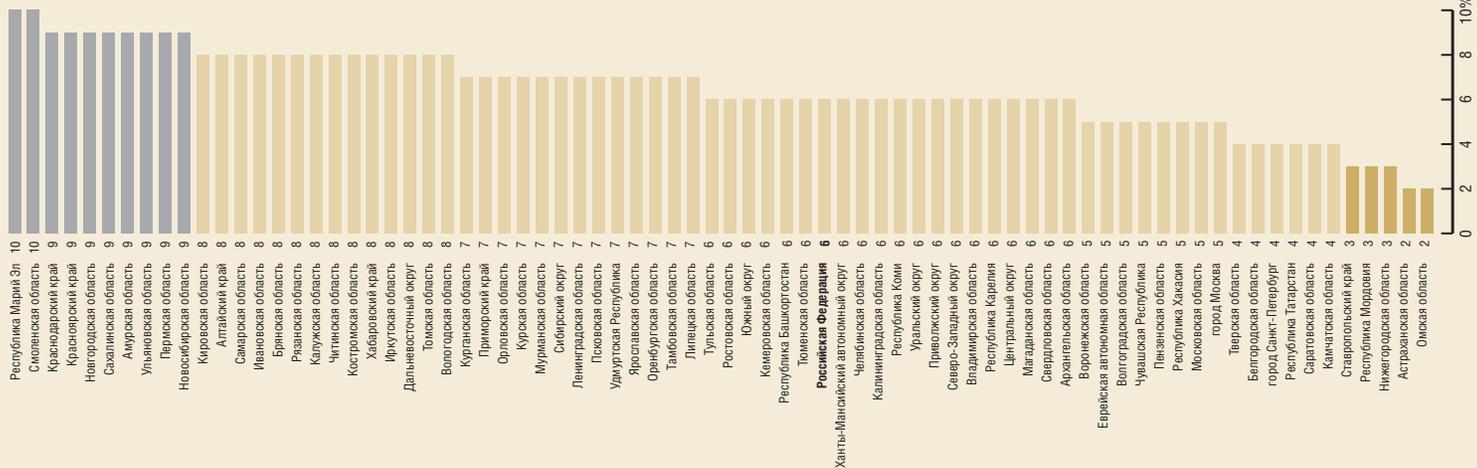
Намереваются голосовать за ЛДПР, в % от опрошенных

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье проведутся выборы в Государственную думу. За какую партию Вы бы проголосовали?

Доля от числа опрошенных, %

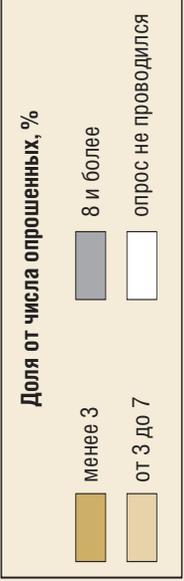
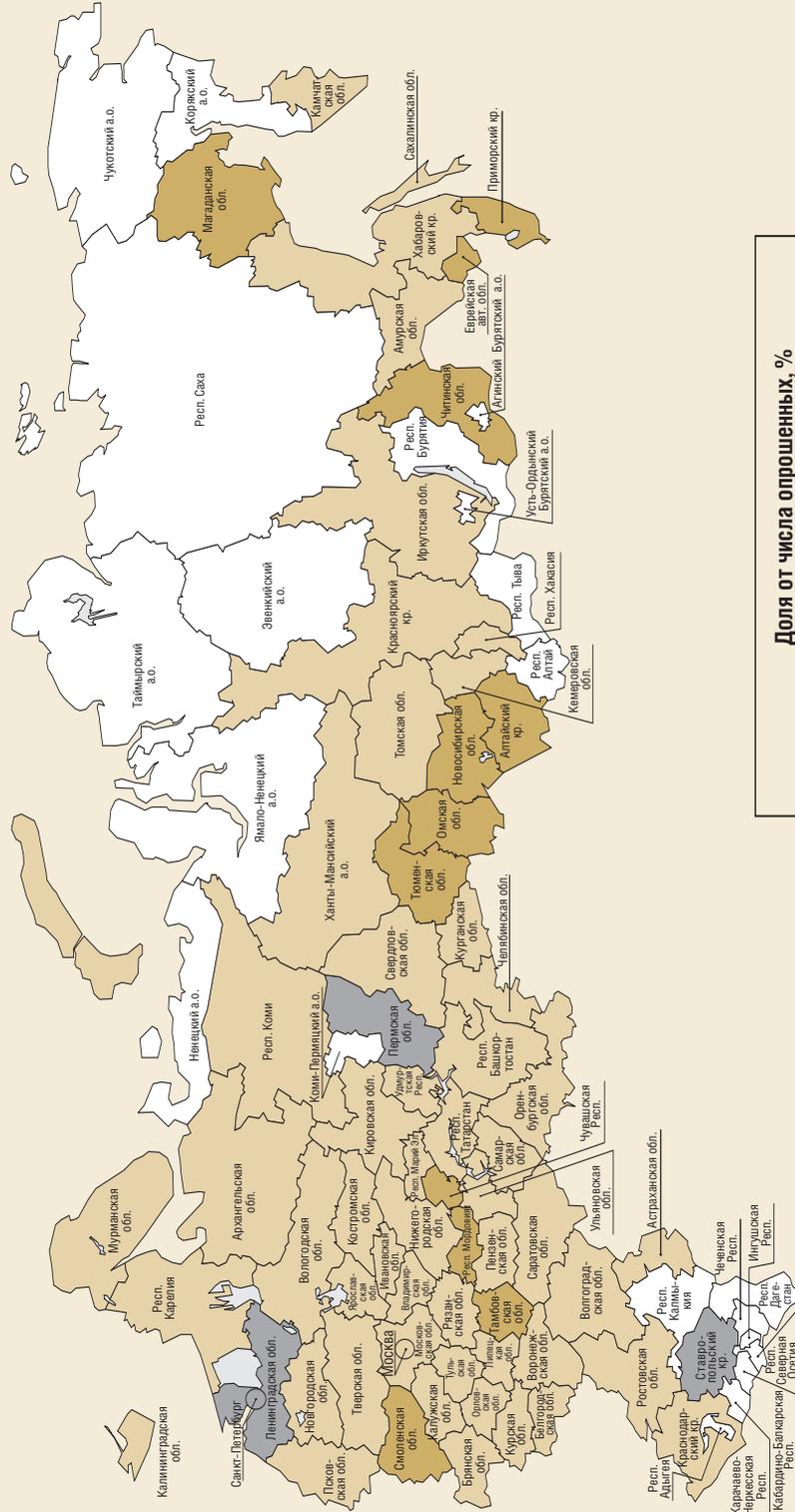
- менее 4
- от 4 до 8
- 9 и более
- опрос не проводился

Карта 3. Электорат ЛДПР

Намереваются голосовать за “Справедливую Россию”, в % от опрошенных

Представьте себе, что в ближайшее воскресенье проводились бы выборы в Государственную думу. За какую партию Вы бы проголосовали?

Карта 4. Электрат “Справедливой России”

Гипотетический электорат ЛДПР в Европейской части страны чаще встречается в Республике Марий Эл, в Пермском крае, в Ульяновской, Смоленской и Новгородской областях, в Сибири – в Красноярском крае и Новосибирской области, на Дальнем Востоке – в Амурской и Сахалинской областях (*карта 3*).

Потенциальных сторонников «Справедливой России» больше всего на Ставрополье, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, в Пермском крае; в этих регионах, а также в Ивановской, Вологодской областях и на Камчатке у этой партии больше сторонников, чем у коммунистов (*карта 4*).

* * *

Итак, резюмируя вышеприведенные данные, отметим, что с появлением нового игрока расстановка сил на партийном поле не претерпела принципиальных изменений: самой заметной, влиятельной и популярной партией по-прежнему является «Единая Россия», причем ее позиции с момента предыдущих выборов практически не изменились. Остальные партии, включая «новичка», ощутимо отстают от лидера по всем показателям.

Второе место в предпочтениях сограждан делят КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», ненамного отстающая от «старожилов» по степени заметности, популярности и по уровню поддержки. При этом у КПРФ наблюдается «нисходящая динамика» – за последние четыре года сократилось число допускающих для себя возможность проголосовать за нее, а также симпатизирующих ее лидеру, тогда как в случае с ЛДПР картина противоположная – по этим и другим показателям партия и ее лидер только прибавили «очков».

Образ «Справедливой России» в массовом сознании пока не сформировался, а значит, ее потенциал полностью еще не реализован; в пользу того, что он есть, свидетельствует преобладание благоприятных оценок этой партии на фоне почти полного отсутствия негатива по отношению к ней, приписывание ей определенной долей опрошенных влиятельности, позиционирование ее ближе к главе государства по сравнению со всеми остальными (кроме «Единой России») партиями. Двойственное положение «эсеров» – как второй «партии власти» и вместе с тем политической силы, оппонирующей «единороссам», – дает им шанс побороться с последними за голоса избирателей, лояльных по отношению к действующей власти. Однако вопрос, сумеют ли они этим электоральным ресурсом воспользоваться, остается открытым. Отметим, что по своей структуре и установкам сегодняшний электорат «эсеров» ближе к избирателям КПРФ, нежели «Единой России», – среди них больше, чем в общей выборке, людей пожилых и недовольных курсом развития страны (в отличие от приверженцев «единороссов», отличающихся большим оптимизмом и обладающих большими социальными ресурсами). Но конкуренция «Справедливой России» с коммунистами за «левого» избирателя, несмотря на некоторое ухудшение позиций КПРФ, обещает быть нелегкой – ведь, как известно, коммунистический электорат традиционно отличается дисциплинированностью и последовательностью в симпатии к своей партии.

Что же касается «правой» части политического спектра, то пока представляющие ее партии – «Яблоко» и СПС – выглядят явными аутсайдерами. Позиции обеих партий за последние годы только ухудшились, их стали забывать, а представления об их целях и программах становятся все более размытыми. ■

П. Бавин

Февральская революция и свержение монархии: *взгляд из России XXI века*

В преддверии 90-й годовщины Февральской революции 1917 года мы решили выяснить, какое место занимает это событие в том сегменте массового сознания россиян, который принято называть “исторической памятью”.

В работах французского историка Пьера Нора настойчиво проводится противопоставление Истории и Памяти как противоборствующих явлений по отношению к бытованию того или иного события в сознании общества: Память сакрализует прошлое, придает ему застывшую форму монумента, в то время как История стремится разрушить этот монумент, она десакрализует события [Нора. 1999]. В какой-то момент на стыке Истории и Памяти нация создает “места памяти” – знаки “в чистом виде”, обладающие двойным свойством: а) они закрыты в себе самих, являются самодостаточными объектами; б) они обретают способность к порождению новых значений, выходящих за рамки памяти или расширяющих ее относительно того объекта, которому эти “места” посвящены¹.

Российской Февральской революции в этом плане не повезло: по сути, ни одного “места памяти” об этом событии в современной российской действительности не существует. О чем это свидетельствует – об отсутствии Истории события? Или об отсутствии Памяти? С Историей вроде бы все неплохо: главные события трех решающих дней 27 февраля – 1 марта 1917 года чуть ли не поминутно расписаны и в сохранившихся документах и телеграммах представителей власти, и в мемуарах главных действующих лиц (в частности, можно упомянуть “Дни” В. Шульгина и “Воспоминания” П. Милюкова).

¹ На материале российской культуры классическим примером второй функции “места памяти” может служить мавзолей В.И. Ленина на Красной площади в Москве.

Что касается Памяти, то здесь ситуация много сложнее. Причины замалчивания самих событий февраля 1917 года в советское время очевидны – помимо прочего, сам факт этой революции оспаривал уникальность достижений большевиков в деле свержения царизма в России. Но после снятия идеологических запретов можно было ожидать большего внимания (и почтения) если не к тем событиям, весьма неординарным для российской истории, то хотя бы к главным действующим лицам эпопеи с отречением главы государства в разгар мировой войны. Накануне годовщины февральских событий в “Российской газете” была опубликована большая статья А.И. Солженицына, посвященная осмыслению и сути, и итогов этой революции [Солженицын. 2007]². С одной стороны, Солженицын (в своем сегодняшнем предисловии) говорит о значении Февральской революции и о том, как “безжалостно” обошлись с памятью о ней при советской власти: “В СССР всякая память о Февральской революции была тщательно закрыта и затоптана. (Праздник 12 марта, в котором отмечалась годовщина Февральской революции, – большевики упразднили уже в середине 20-х годов.) А между тем именно Февраль трагически изменил не только судьбу России, но и ход всемирной истории. И так неотвратимо-глубоко было забвение, что вот лишь 90-я годовщина Февраля может дать толчок нашей памяти, просвет к осознанию”.

С другой стороны, в конце статьи он уже сам делает все, чтобы Память о тех событиях никак не могла возникнуть. Делает он это самым простым способом – размазывая всех творцов революции по скатерти истории: “Вот – бледный, жалкий итог столетнего, от декабристов, «Освободительного движения», унесшего столько жертв и извратившего всю Россию! <...> Размазнию князя Львова «Сатирикон» тогда же изобразил в виде прижизненного памятника самому себе «за благонравие и безвредность». Милюков – окаменелый догматик, засушенная вобла, не способный поворачиваться в струе политики. Гучков – прославленный брестер и разоблачитель, вдруг теперь, на первых практических шагах, потерявший весь свой задор, усталый и заплутавший. Керенский – арлекин, не к нашим кафтанам. Некрасов – зауряд-демагог, и даже как интриган – мелкий. Терещенко – фиговистый великосветский ухажёр” [Солженицын. 2007].

Статья вызвала достаточно широкий резонанс, и “Российская газета” на своем сайте разместила серию откликов на текст нобелевского лауреата. Во всех этих откликах в той или иной степени поддерживается и развивается не столько первый приведенный тезис Солженицына, сколько тоналность второй цитаты. Причем если Солженицын призывает помнить эту дату как трагическую, поминальную по царской России, то современные деятели интеллектуальной элиты высказываются жестче: “Февраль 1917-го – не та дата, которую стоит праздновать. В течение нескольких дней была разрушена российская государственность, а с ней и великая страна” [Никонов. 2007].

Память сакрализует прошлое, придает ему застывшую форму монумента, в то время как История стремится разрушить этот монумент, она десакрализует события

² Статья была написана в 1980–1983 годах как итог размышлений над этим периодом российской истории в процессе работы над монументальным трудом “Красное Колесо”.

Теперь интересно посмотреть, как на фоне подобной антипамяти со стороны представителей интеллектуальной элиты существует память о февральских событиях в массовом сознании³. Воспользуемся данными опроса ФОМ, проведенного накануне годовщины Февральской революции⁴.

Подавляющее большинство опрошенных россиян – 85% – “знают” или “слышали” об этом факте отечественной истории. Однако в данном случае безуслов-

Причины замалчивания событий февраля 1917 года в советское время очевидны – сам факт этой революции оспаривал уникальность достижений большевиков в деле свержения царизма в России

но более значимым является “встречный” показатель – 15% россиян либо уверены, что ничего не слышали о Февральской революции, либо затруднились с ответом.

Теперь обратимся собственно к тому, что вспоминается людям при упоминании словосочетания “Февральская революция” в контексте российской истории (соответствующий открытый вопрос был первым по данной теме, поэтому никаких дополнительных указаний на 1917 год не было).

Сразу бросается в глаза, что 56% опрошенных затруднились с ответом, а еще 4% заявили, что им не вспоминается ровным счетом ничего, – таким образом, для 60% россиян словосочетание “Февральская революция” является, по сути, пустым звуком, не связанным ни с каким образом, действием или личностью отечественной истории. Причем чем моложе респонденты, тем меньше они знают об этой странице отечественной истории: если в средней возрастной группе затруднились с ответом 50% опрошенных (а еще 4% заявили, что не имеют никаких ассоциаций), то среди респондентов в возрасте от 18 до 35 лет от ответа уклонились две трети из числа тех, кому был задан вопрос. Очевидно, что тема Февральской революции освещалась преимущественно в научно-историческом контексте – ни известных фильмов, ни спектаклей, ни песен ей посвящено, разумеется, не было. Поэтому легко предположить, что для большинства россиян основным источником информации о тех событиях были школьные уроки истории. И на этом фоне бросается в глаза то обстоятельство, что люди среднего возраста больше знают о феврале 1917-го, чем молодые респонденты, которые позже окончили школу и, по идее, должны лучше помнить содержание школьного курса истории⁵.

Обратимся к ответам тех 40% россиян, у которых возникли какие-либо ассоциации с февральскими событиями. Примерно в каждом четвертом из значимых суждений мы встречаем указания на реалии, непосредственно относящиеся к событиям февраля 1917 года.

“Была свержена монархия”; “низложение царской власти”; “отречение царя Николая II от престола”; “падение монархии”; “буржуазная революция”; “буржуазный переворот”; “двоевластие государства”; “избрали вре-

³ Разумеется, мы ни в коей мере не допускаем возможности прямого влияния приведенных суждений на массовое сознание. Они просто свидетельствуют о том дискурсе, в котором существует в современном обществе память о Февральской революции.

⁴ Общероссийский опрос от 17–18 февраля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

⁵ Впрочем, можно предположить, что и качество преподавания истории в школе, и внимание, уделяемое ему системой школьного образования в целом, и место истории в иерархии школьных предметов заметно снизились за последние 10–15 лет. Однако это тема отдельного исследования.

менное правительство”; *“Керенский*”; *“Керенский пришел к власти”* (ответы на открытый вопрос).

Авторы другой группы суждений (примерно шестая часть от массива значимых ответов) в явном виде приписывают Февральской революции реалии и оценки, относящиеся к другим событиям, чаще всего – “позаимствованные” у революции Октябрьской.

“Бедные восстали”; *“восстание рабочих и крестьян”*; *“народ восстал”*; *“Ленин в кепке”*; *“Ленин на броневике”*; *“Ленин пришел к власти”*; *“большевики”*; *“власть Советов”*; *“после этого бедным жить лучше стало”*; *“у власти рабочие и крестьяне”*; *“1905 год, революция”* (ответы на открытый вопрос).

Чаще всего (примерно треть от массива значимых суждений) ответы респондентов представляли собой некие неопределенные высказывания, которые в явном виде не указывали на конкретное событие.

“Борьба между противоборствующими силами”; *“вооруженный переворот”*; *“изменение в строе”*; *“исторический переворот в России”*; *“революция – это всегда что-то новое в развитии страны”*; *“военные действия, кровопролитие”*; *“гражданская война”*; *“кровь, жертвы”*; *“в школе проходил”*; *“историческая дата”*; *“исторический факт”*; *“история – школьный предмет”*; *“история, которую мы должны знать”* (ответы на открытый вопрос).

Респонденты, очевидно, не имеют четких, устойчивых ассоциаций и знаний, связанных с Февральской революцией, и понимая, что это нечто значимое (и даже, скорее всего, общеизвестное – “в школе проходили”), дают ответы,

отталкиваясь лишь от тех “опорных” слов, которые есть в вопросе, – “русская история” и “революция”.

И наконец, последняя группа ответов – это эмоциональные высказывания респондентов, также, очевидно, по большей части навеянные присутствием в вопросе слова “революция”.

“Досада”; “какая-то ошибка”; “лучше бы не было революции”; “нехорошее событие”; “негативное воспоминание”; “анархия”; “бардак”; “беспредел и хаос”; “голод, разруха”; “дурдом”; “кошмар, революция – это хаос”; “положительно”; “праздник”; “радость”; “то, что нужно было России” (4%; ответы на открытый вопрос).

Впрочем, нельзя однозначно утверждать, что авторы данных суждений ничего не знают о Февральской революции – даже, скорее, напротив: они знают об этом событии, и у них есть о нем устойчивое впечатление, эмоциональная оценка. Косвенным подтверждением сказанного может служить то, что представители данной группы респондентов значительно реже других затруднились при ответе на вопрос, пользу или вред принесло России падение монархии в феврале 1917 года.

Ключевым событием Февральской революции стало падение в России монархии, и мы поинтересовались у респондентов, как они оценивают значение этого события для российской истории. Мнения опрошенных разделились примерно поровну: 28% считают, что падение монархии принесло России скорее вред, чем пользу, 26% – что падение монархии принесло больше пользы, чем вреда.

Тех, кто считает, что падение монархии принесло России скорее вред, оказалось заметно больше среди жителей всех относительно крупных российских городов – от 37% среди жителей мегаполисов до 40% среди жителей иных обла-

стных центров (в Москве этот показатель составил 39%). Жители малых городов и сел чаще считают, что падение монархии все-таки принесло больше пользы.

Отметим также, что из всех возрастных групп наиболее “промонархически” оказались настроены респонденты среднего возраста (35%). Эти данные перекликаются с наблюдениями В.Ф. Чесноковой [Чеснокова. 2002]. Анализируя данные опросов 1994–2000 годов, посвященные отношению россиян к возможности восстановления монархии, исследовательница отмечала, что в 1994 году “промонархическим” настроениям была в наибольшей степени подвержена самая “зеленая” молодежь (до 25 лет), в 2000 году – люди в возрасте 30–35 лет (то есть примерно то же поколение). Сегодня мы видим, что наибольшую склонность со-

жалеть о падении монархии демонстрируют люди в возрасте 40–45 лет – то есть сохраняется тенденция движения “монархической волны” вместе с одним и тем же поколением.

Впрочем, безусловно нельзя считать ответы на данный вопрос показателем реальных монархических настроений в современной России. Лишь каждый шестой из тех, кто заявил, что падение монархии нанесло России вред, аргументировал свою позицию (отвечая на соответствующий открытый вопрос)

Тема Февральской революции освещалась преимущественно в научно-историческом контексте – ни известных фильмов, ни спектаклей, ни песен ей посвящено не было. Поэтому для большинства россиян основным источником информации о тех событиях были школьные уроки истории

тем, что монархия необходима нашей стране как форма государственного устройства.

“Для России нужно единовластие”; “должно быть единоначалие”; “единовластие – лучший способ руководства государством”; “России нужен монарх, это было показано на протяжении всей истории”; “царь передавал престол по наследству, поэтому не разговаривал ее, а развивал” (5%; ответы на открытый вопрос).

Большинство же респондентов, аргументируя свою позицию, апеллировали к конкретным негативным последствиям падения монархии в России 90 лет назад – анархия, гражданская война, экономическая разруха, репрессии большевиков.

Общественно-исторический подход в аргументации респондентов встречается не столь часто (примерно шестая часть содержательных ответов на вопрос), но некоторые из них оценивают последствия свержения монархии, исходя уже из событий последних лет – отказ от социализма, возвращение на “капиталистический путь”, отставание страны в развитии, низкий уровень жизни.

“70 лет пролетели при социализме, и опять вернулись в капитализм, только без царя”; “мы бы подошли быстрее к капитализму”; “70 лет прожили – не туда шли”; “на 70 лет назад нас откинули”; “это затормозило развитие России”; “если бы был царь, может, мы бы сейчас жили лучше”; “сейчас народ живет очень плохо”; “люди стали бедно жить” (ответы на открытый вопрос).

Польза отказа от монархии респондентам чаще всего видится в том, что в России был установлен демократический строй, “люди получили больше прав”.

“Власть стала передаваться не по наследству, а выбираться”; “возможность перехода к демократическому государству”; “демократия в стране постепенно сложилась”; “народ получил власть и стал сам управлять государством”; “люди стали свободнее, не стало господ” (всего 10%; ответы на открытый вопрос).

Часть опрошенных – очевидно, представители старшего поколения, – полагают, что ликвидация монархии способствовала установлению “социальной справедливости”, появлению таких социальных благ, как бесплатное образование, здравоохранение.

“Людям стало легче, мы стали учиться”; “мы стали жить лучше со временем, пенсионеры жили по-человечески”; “жизнь простых людей улучшилась”; “люди простые стали жить после этого лучше”; “после этого в России было образование для всех возможно”; “бесплатное образование, здравоохранение” (3%; ответы на открытый вопрос).

* * *

В одной из своих поздних работ “Культура и взрыв” (1992) Ю.М. Лотман выдвинул тезис о противоположности русской и западной культур как культур “бинарной” и “тернарной”. На множестве примеров Ю.М. Лотман показывает, как русская культура в любой ситуации склонна к формированию двух

Историческая память в целом склонна сохранять и увековечивать “предельные”, “финальные” события, а русская историческая память подвержена этому “в квадрате”

противолежащих полюсов, тогда как западная культурная система стремится к построению более гибкой, “трехчленной” конструкции. В бинарной культуре развитие полюсов идет по пути нарастающего антагонизма с противоположным полюсом, тогда как при тернарной структуре каждый полюс одновременно и противопоставляет себя одному из полюсов, и ищет точки соприкосновения. Для нашей темы в данном контексте важно то соображение Ю.М. Лотмана, что в бинарной системе момент “взрыва” в культуре сотрясает всю систему целиком, тогда как в тернарной системе всегда остаются слои, взрывом не затрагиваемые, потому что они оказываются вне линии разлома. В русской – “бинарной” – культурной системе “даже там, где эмпирическое исследование обнаруживает многофакторные и постепенные процессы, на уровне самосознания мы сталкиваемся с идеей полного и безусловного уничтожения предшествующего развития, апокалиптического рождения нового” [Лотман. 2000. С. 147]. Промежуточная по месту в истории страны, Февральская революция 1917 года, по всей видимости, остается чуждым для российского бинарного самосознания событием. Историческая память в целом склонна сохранять и увековечивать “предельные”, “финальные” события, а русская историческая память подвержена этому “в квадрате”. В 1992 году Ю.М. Лотман в своей книге выражал надежду, что Россия начнет двигаться от бинарной к тернарной, западной, культурной системе. Но сегодня, во всяком случае в политической сфере, бинарность по-прежнему доминирует. Ярче всего это проявляется в очевидном структурировании российского политического поля по одной оси, на концах которой расположены полюса “власть” и “оппозиция”. При этом на полюсе “оппозиция” (и это главное) собираются силы, между которыми найти общее еще несколько лет назад было бы крайне затруднительно.

И активное отторжение, неприятие Февральской революции представителями интеллектуальной элиты, и весьма слабое присутствие этой даты в массовом сознании свидетельствуют о том, что к взвешенной, адекватной оценке таких промежуточных событий российское “бинарное” культурное и историческое самосознание еще не готово. ■

Литература

Лотман М. Ю. Культура и взрыв / Лотман М. Ю. Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров; Статьи; Исследования; Заметки. СПб.: Искусство СПб, 2000.

Никонов В. Крушение Империи. Почему за несколько дней была разрушена российская государственность; <http://www.rg.ru/2007/03/16/diskussia.html>

Нора П. Историческая память / Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

Солженицын А. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 2007. 27 февр.; <http://www.rg.ru/solzhenicyn.html>

Чеснокова В. О монархических настроениях в России; <http://bd.fom.ru/report/map/oz02061906>

М. Иванова

Престиж белого халата

Медицина как призвание и профессия. Каким должен быть врач

Профессия медика наряду с некоторыми другими – например учителя или ученого – в коллективном сознании связана в первую очередь с общественным служением: так, врачи стремятся оказать помощь своим пациентам, учителя – дать знания и привить социальные навыки ученикам, ученые – развивать науку. Представители таких профессий противопоставляются, скажем, деловым людям, озабоченным прежде всего получением выгоды [Parsons. 1968].

Медицина зачастую воспринимается как профессия для альтруистов и осмысливается с позиций социальной миссии, врач инициируется в своем статусе, подтверждая, что клянется:

“честно исполнять свой врачебный долг, посвятить свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека;

быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;

проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии;

хранить благодарность и уважение к своим учителям, быть требовательным и справедливым к своим ученикам, способствовать их профессиональному росту;

доброжелательно относиться к коллегам, обращаться к ним за помощью и советом, если этого требуют интересы больного, и самому никогда не отказывать коллегам в помощи и совете;

постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, беречь и развивать благородные традиции медицины”¹.

¹ Текст “Клятвы врача” был принят Госдумой в 1999 году. Во времена СССР он был несколько иным, но различия не носят принципиального характера. Присяга приносится после вступительной речи ректора и оглашения приказа о присвоении звания врача; http://www.ill.ru/cgi-bin/form.news.prn.pl?c_article=618

Профессия медика в коллективном сознании связана в первую очередь с общественным служением. Представители таких профессий противопоставляются, скажем, деловым людям, озабоченным прежде всего получением выгоды

В этой клятве можно обнаружить три критерия профессионализма, которые выделил Талкотт Парсонс в своей работе “Профессии”. Во-первых, требование формализованной подготовки, включающей институционализированные модели контроля за адекватностью образования и компетентностью обучен-

ных индивидов. Во-вторых, наличие навыков реализации полученных профессиональных знаний. И в-третьих, самое главное – наличие у свободных профессионалов уверенности, что они работают в интересах всей социальной системы (что проявляется в зафиксированных в клятве готовности действовать в интересах любого больного и утверждении ценности человеческой жизни).

Таким образом, в профессиональном кодексе врачей зафиксирован определенный образ медика-бессребренника. Но как соотносится профессиональный идеал с реальностью – работой в современных российских медучреждениях? Попробуем ответить на этот вопрос, используя материала-

лы целевого исследования, в ходе которого изучались мнения медицинских работников и пациентов о ситуации в здравоохранении и о ходе реализации национального проекта “Здоровье”, а также материалы регулярных всероссийских опросов Фонда “Общественное мнение” на медицинские темы².

На что жалуетесь, больной?

Жалобы пациентов на врачей

Идеалистические ожидания относительно профессионализма и мотивации докторов довольно широко распространены среди пациентов. Причем один из распространенных критериев оценки реальных медработников – именно соответствие их деятельности заявленному профессиональному кодексу; в медицине, по словам одного из респондентов, “должны быть люди по призванию”³, а не люди случайные или стремящиеся сделать карьеру. Однако врач, каким его видят пациенты, далек от идеального образа.

Около половины наших сограждан (45%) полагают, что современные российские врачи обладают низким уровнем квалификации, профессиональных знаний, в то время как считают их квалификацию высокой треть респондентов (34%)⁴. Кроме того, две пятых граждан (42%), по их словам, лично сталки-

² В тексте используются данные (1) целевого исследования, которое включало опросы медицинских работников и “пациентов” – граждан, обратившихся за медицинской помощью в течение последнего года, о ситуации в здравоохранении и ходе реализации национального проекта “Здоровье” (четыре опросные волны: 18–29 марта, 14–26 июня, 19 сентября – 1 октября и 13–28 ноября 2006 г.; в ходе каждой волны исследования опрашивались 2800–2900 человек, из них 700–800 медиков и 2000–2100 пациентов), а также дискуссионные фокус-группы с медицинскими работниками, проводившиеся в 7 городах в марте, июне, сентябре и ноябре 2006 года; (2) еженедельных общероссийских опросов 2002–2007 годов, посвященных медицинской тематике (опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России, 1500 респондентов).

³ Реплика одного из респондентов в ответ на открытый вопрос: “Что именно вызывает Ваше недовольство, если говорить о медицинском обслуживании в Вашем городе (селе)?” (общероссийский опрос населения от 24–25 сентября 2005 года).

⁴ Общероссийский опрос населения от 22–23 июля 2006 года. Ниже приводятся данные этого же опроса.

вались с врачебными ошибками, то есть с ситуациями, когда врачи ошибались в диагнозе или в выборе лечения для них или членов их семей. А половина ответивших на открытый вопрос о том, почему врачи ошибаются в диагнозе и назначении лечения (39% по выборке в целом), уверены, что причина ошибок – в непрофессионализме медиков и их нежелании повышать свою квалификацию. Треть респондентов (33%) видят причину врачебных ошибок в “безалаберности”, “халатном отношении” медиков к работе, в отсутствии любви к своей профессии, некоторые говорили о взяточничестве и даже о пьянстве на рабочем месте.

Многие россияне не испытывают особого доверия к врачам: более трети респондентов (36%) говорят, что им случалось сомневаться в поставленном диагнозе и назначенном лечении (с 20% такое случалось редко, с 11% – часто и с 5% – однажды). Причем две трети из испытывавших сомнения (24% по выборке) старались сами проверить правильность рекомендаций, и столько же – просто не следовали им. Сомнения в компетентности врачей и недоверие традиционной медицине являются одним из факторов, побуждающих обращаться к услугам нетрадиционной медицины. Так, по данным опроса 2002 года⁵, четверти респондентов (26%) приходилось прибегать к услугам народных целителей, и одним из объяснений выступает нежелание лечиться у обычных врачей (“они больше знают, чем врачи”, “врачи залечивают”). Показательно, что когда в феврале 2007 году был задан вопрос о том, на что люди ориентируются

⁵ Общероссийский опрос населения от 20–21 июля 2002 года.

в первую очередь при покупке лекарств (при этом в предъявленной карточке с перечнем вариантов ответа можно было выбрать до трех позиций), менее двух третей опрошенных (61%) отметили, что исходят преимущественно из советов врачей. Многие сказали, что полагаются на собственный опыт (41%) или рекомендации аптекарей (17%), а также друзей и близких (17%)⁶.

К существованию платной медицины как таковой (наряду с бесплатным лечением) россияне относятся неоднозначно: в июле 2002 года равные доли граждан (по 48%) признавали необходимость либо ненужность существования медицинских услуг на коммерческой основе. Тогда же треть респондентов (31%) отметили, что им приходилось “неофициально платить врачам в бесплатных медицинских учреждениях”, причем половина опрошенных (54%) расценивают подобные платежи именно как взятку⁷. То есть сложилась ситуация, когда негативное отношение к оплате лечения и платной медицине в целом усугубляется естественной негативной реакцией на необходимость давать взятки. В результате часто звучит упрек врачам в нежелании выполнять свою работу бескорыстно.

Если говорить об общей оценке деятельности врачей, то, по данным 2006 года, треть опрошенных (33%) считают, что медики плохо справляются со своими обязанностями, еще треть респондентов (35%) оценивают их работу как удовлетворительную, а 18% – как хорошую⁸. Отметим, что со времени аналогичного опроса в июле 2002 года репутация врачей заметно ухудшилась: доля негативно оценивающих их работу повысилась на 10 п.п. Причем негативные суждения респонденты сегодня выносят прежде всего – из-за “грубого отношения к пациентам”:

“отношение плохое, недоброе, желательность, равнодушие” (11%), а также из-за низкого уровня квалификации (“лечат как попало” – 8%) и засилья платных услуг (“без денег не принимают” – 6%).

Невнимательное, некорректное отношение медицинских работников, нарушение ими профессиональной этики (“не думают о больных, грубят”) отметили 22% респондентов, отвечая на открытый вопрос о том, что именно вызывает их недовольство при обращении к медикам по месту жительства (опрос от 24–25 сентября 2005 года). Когда человек приходит к врачу и становится пациентом, ему хочется “больше внимания, доброты”, между тем врачи проявляют “мало человечности”. Как мы видим, отношение врачей к пациентам является довольно значимым моментом при оценке их работы.

⁶ Общероссийский опрос населения от 24–25 февраля 2007 года.

⁷ Всем респондентам было задано два вопроса: “Вам приходилось или не приходилось неофициально платить врачам в бесплатных медицинских учреждениях?” и “Одни считают, что платить врачам в бесплатных медицинских учреждениях – значит давать взятку. Другие считают, что платить врачам в бесплатных медицинских учреждениях – не означает давать взятку. С какой точкой зрения – с первой или со второй – Вы согласны?”

⁸ Вопрос был задан 24–25 июля 2006 года тем, кто за последние полгода обращался к врачам, и звучал он так: “Как, по Вашему мнению, работают сегодня врачи, как они справляются со своими обязанностями – отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?”

Около половины наших сограждан полагают, что современные российские врачи обладают низким уровнем квалификации, профессиональных знаний, в то время как высокой считают их квалификацию треть респондентов

Впрочем, недовольные медицинским обслуживанием люди не всегда склонны винить самих врачей. Так, отвечая тогда же на вопрос о том, почему, на их взгляд, российские медики плохо справляются со своими обязанностями (вопрос, естественно, задавался только тем, кто именно так оценил работу медиков), некоторые респонденты говорили, что в медучреждениях есть проблемы материально-технического характера: низкие зарплаты работников, необходимая аппаратура отсутствует или устарела. Проблема состоит и в загруженности врачей, в организации работы поликлиник, когда *“к узким специалистам нельзя попасть”*, потому что *“нет талонов”* (3%).

Несмотря на обилие негативных отзывов о работе медицинских работников, нельзя сказать, что образ врача полон однозначного негативизма: многие респонденты полагают, что медики профессиональны, доброжелательны и бескорыстны. По данным 2-й волны целевого опроса медицинских работников и людей, обращавшихся за лечением в течение 2006 года, доля пациентов, довольных отношением со стороны медиков, превышает долю недовольных: 52% против 44%. В ходе уже упомянутого общероссийского опроса, проведенного в июле 2006 года, около пятой части респондентов (18%) заявили, что врачи хорошо справляются со своими обязанностями, причем это мнение иногда подтверждалось при ответе на открытый вопрос ссылками на личный опыт обращения в медучреждения (*“личный опыт – негатива не было”*, *“меня врачи вытащили с того света”*, *“мне всегда везло на специалистов”* – 3%). Кроме того, пациенты отмечали профессионализм, вежливость и внимательность медиков (*“всегда обращаются с пациентами хорошо”* – 2%), выражали сочувствие им по поводу *“тяжелых условий труда”* (*“что могут, то делают, не их вина, что не хватает медоборудования и медперсонала”* – 1%).

Профессиональные риски

Aliis inserviando consumor (Светя другим, сгораю)

Модератор: *Ну вот смотрите, вы знали, что низкая заработная плата, и все-таки пошли в медицину – почему?*

Участник ДФГ: *Идея, идея семья... – я из семьи врачей.*

Фрагмент ДФГ в Ярославле⁹

Как сказано выше, отношение к врачам в российском обществе – неоднозначное, многие пациенты ими недовольны, возмущены равнодушием и грубостью, невнимательностью и халатностью нынешних докторов. А между тем профессии, основной смысл которых – общественное служение, “помогающие, альтруистические” профессии находятся в определенной зоне риска, и медики рискуют заработать профессиональное заболевание – синдром эмоционального выгорания (СЭВ), который представляет собой реакцию организма на продол-

Многие россияне не испытывают доверия к врачам – более трети респондентов говорят, что им случалось сомневаться в поставленном диагнозе и назначенном лечении. Причем две трети из испытывавших сомнения старались сами проверить правильность рекомендаций, и столько же – просто не следовали им

⁹ Здесь и далее по умолчанию приводятся материалы фокус-групп с медицинскими работниками (3-я волна целевого исследования).

жительное воздействие стрессов. СЭВ – это “процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, проявляющийся в симптомах эмоционального, умственного истощения, утомления, личной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы” [Сидоров].

Причем многие факторы, способствующие эмоциональному выгоранию, увы, особенно ярко проявляются в реальности российской медицины, что видно из сопоставления факторов риска, выделенных В. Сидоровым в статье “Синдром эмоционального выгорания. Конспект врача”, и высказываний врачей на фокус-группах:

⇒ высокая рабочая нагрузка; отсутствие выходных, отпусков и интересов вне работы:

“Действительно, я 16 лет проработала, и мне с ночи до двух <работать>, и еще раз отработала, завтра – в день. И не отказаться, потому что производственная необходимость. Когда она закончится-то?..” (ДФГ, Краснодар).

“Подрабатываем, в отпуске я всегда подрабатываю, у меня два отпуска – я оба отпуска использую на подработку” (ДФГ, Ярославль).

“Такая замотанность – ни о чем не успеваешь подумать, рыщешь с работы на работу...” (ДФГ, Владивосток).

⇒ недостаточное вознаграждение за работу:

“Такое отношение – как бы действительно медработники обязаны все делать за спасибо, задаром. То есть ничего особо не получаем, а в принципе должны все на себе нести” (ДФГ, Екатеринбург).

⇒ постоянный риск штрафных санкций за невыполнение нормативов:

“Потому что нормы у нас! Нормы и план никто не отменял...” (ДФГ, Краснодар).

⇒ однообразная, монотонная и бесперспективная деятельность:

“А потом, вот придешь на прием в поликлинику, да, к терапевту заходишь – бедный терапевт! Ему некогда оторваться от карт от своих, чтобы поговорить с пациентом...” (ДФГ, Ярославль).

Медики и сами отмечают, что условия их работы приводят к снижению заинтересованности в работе, озлобленности и безразличию, проявляющимся из-за накапливающегося напряжения.

“Все равно есть человеческий фактор! Если человеку надо будет, он все равно... ну, подспудно это накапливается в нем! Как в обычном субъекте, ну... Накапливается у тебя, плохо, на хлеб не хватает – ты все равно будешь более как бы насупленным...” (ДФГ, Екатеринбург).

В то же время многие медицинские работники считают, что к их работе и связанным с ней трудностям люди относятся с пониманием. По данным опроса 2-й волны целевого исследования, среди медиков на двух довольных отношении к себе со стороны своих пациентов (61%) приходится один недовольный (31%).

“Люди понимающе к нам относятся... понимающие пациенты. Ну, не все, конечно, ну, пожилые люди, конечно, капризные... Но в основном все понимающе относятся!” (ДФГ, Ярославль).

Медработники, недовольные отношением к себе со стороны пациентов, считают, что их все “больше и больше не любят” и требуют от них чересчур многого,

“припоминая” введенную в ходе национального проекта “Здоровье” прибавку к заработной плате¹¹.

“Во-первых, потому что сейчас врача, медика вообще не считают за человека. К нему может прийти пациент, нагрубить, выругаться матом, а потом еще подать в суд” (ДФГ, Краснодар).

Падение престижа профессии и его причины

Говоря об отношениях с пациентами, медики признают свою ответственность за то, как они складываются. Когда на фокус-группе врачам был задан вопрос о том, изменились ли в последнее время взаимоотношения медиков и пациентов, и если да, то каким образом, упоминались как негативные, так и позитивные изменения, однако в обоих случаях медицинские работники признавали свою активную роль в формировании отношений с пациентами. Перемены к лучшему они рассматривают в том числе как результат улучшения отношения самих медиков к пациентам. Причины перемен к худшему видятся медицинским работникам в “замотанности” врачей, в их безразличии к пациентам и непрофессионализме. В целом медицинские работники часто говорят о падении престижа своей профессии.

По мнению ряда участвовавших в ДФГ медиков, престиж врачей достаточно низок, и *“он снижается, и снижается, и с каждым разом все больше и больше”* (ДФГ, Краснодар). Многие полагают, что образ врача в глазах населения негативен. Среди медиков распространено мнение, что сейчас в медучреждениях работают только “энтузиасты”, которые *“всю душу отдают”*, а от пациентов слышат, что медики *“за тобой смотрят, если только заплатишь”* (ДФГ, Владивосток).

В то же время следует отметить, что, по данным всероссийского опроса, проведенного 27–28 февраля 1998 года, профессия врача была на третьем месте в рейтинге самых уважаемых профессий (после банковских служащих и предпринимателей и перед политиками и учителями)¹². Да и по прошествии 8 лет, в июле 2006 года, люди давали схожие ответы на вопрос о престиже врачебной деятельности: лишь 18% опрошенных отметили, что престиж этой профессии падает, в то время как немногим более трети (35%) полагают, что он остается прежним, и около трети (31%) убеждены, что он растет.

Медики отмечают несколько причин негативного отношения к себе, и их ответы фактически совпадают с ответами пациентов.

Как уже говорилось, большое раздражение и негодование вызывает у людей введение платных медицинских услуг. Судя по высказываниям самих

Негативное отношение к оплате лечения и платной медицине в целом усугубляется естественной негативной реакцией на необходимость давать взятки. В результате часто звучит упрек врачам в нежелании выполнять свою работу бескорыстно

¹¹ Напомним, что была повышена зарплата участковым врачам и медперсоналу при участковых врачах; ежемесячные выплаты врачам “скорой помощи”, фельдшерам и медицинским сестрам “скорой помощи”; медицинскому персоналу фельдшерско-акушерских пунктов. При этом медики отмечают, что такая надбавка была введена только для некоторых категорий врачей и может быть снята или снижена в текущем месяце в случае, например, если врач не выполнит план, уйдет в отпуск или даже заболит.

¹² Респондентам был задан вопрос: *“Люди каких профессий, по Вашему мнению, пользуются сейчас в России наибольшим уважением?”* Из перечня, включавшего 13 различных профессий, респонденты могли выбрать не более трех позиций.

медицинских работников, для них зачастую характерен внутренний конфликт между установкой на “работу за идею” (в ходе фокус-групп часто высказывалась мысль, что “*в принципе, все врачи работают за идею*”) и необходимостью зарабатывать деньги. Многие медики отрицают приписываемые им эгоистиче-

Медики видят в низких зарплатах доказательство низкой престижности своей работы. Такой уровень оплаты зачастую создает у них ощущение ненужности государству и неуважения со стороны властей

ские мотивы, стремятся оправдаться, подчеркивая, что им тоже нужно “детей растить”: деньги необходимы для выживания. Кроме того, говорилось, что платные услуги вводятся в том числе в административном порядке.

“Потому что цены все выше, выше и выше. И платные услуги все более расширяются, а бесплатные – сужаются. И причем страдают люди особенно работающего возраста, потому что ни один человек не пойдет в поликлинику высисживать, потому что некогда” (ДФГ, Казань).

“Престиж падает! За счет того, что стало платно... А как выжить? У меня тоже есть семья, есть дети... Вра-

ча не будут уважать... Все это платно стало. Вот врача вызывают... таблетку выписываешь, они говорят: у них денег нет. А у меня, думаете, есть деньги? Я сижу и думаю, чем ребенка накормить” (ДФГ, Владивосток).

Врачи признают и частичную справедливость упреков в непрофессионализме.

“Ведь больной понимает, он тоже знает, он тоже читает, он тоже видит, и прочее, и может анализировать свое отношение к врачу. И вот почему идут к знахарям, к этим самым целителям и так далее? Это звенья одной и той же самой цепи, в первую очередь – профессионализм” (ДФГ, Краснодар).

“Конечно, хороший специалист – он всегда был нужен, нужен профессионализм, вот уже правильно подметили. Будет профессионализм – будет престиж именно тебя. Если не будет профессионализма – не будет и престижа” (ДФГ, Краснодар).

При этом напряжение во взаимоотношениях с пациентами нередко объясняется также “озлобленностью и безразличием” самих медиков.

“Отношение к своей работе, к больным – наплевательское, честно сказать. Начинаем относиться наплевательски” (ДФГ, Архангельск).

“Отношение к больному человеку – кто бывал в больнице, тот, наверно, ощутил это на себе, как относятся, какое отношение к больному человеку. Я это говорю потому, что сам побывал недавно в подобной ситуации. И хотя Центр глазной считается чуть ли не престижным, но тем не менее отношение там довольно-таки наплевательское. Во всех звеньях” (ДФГ, Владивосток).

Пациенты, как отмечалось выше, крайне чувствительны к проявлениям внимания (и невнимания) к ним, и зачастую врачи сами говорят, что заботливое отношение к пациентам является важным компонентом лечения.

“Ведь врач же не только назначает, он же как психотерапевт тоже! Больные некоторые только идут для этого в поликлинику!” (ДФГ, Ярославль).

Признавая существование проблем и свою ответственность за их возникновение и решение, врачи отмечают и структурные предпосылки падения престижа профессии в обществе, связанные, в частности, с низкой оплатой их труда и снижением уровня подготовки, образования медработников.

Судя по результатам всероссийского опроса, проведенного 22–23 июля 2006 года, в обществе доминирует мнение, что врачи живут в целом так же (50%) или даже лучше (28%), чем остальное население, и лишь 6% полагают, что врачам живется хуже остальных. Возможно, это связано с тем, что многие осведомлены о реализации нацпроекта “Здоровье”, предусматривающего, в частности, меры по повышению зарплат медработникам: четырем годами раньше (июль 2002 года) процент считающих долю медиков более завидной, чем у большинства, был на 13 п.п. ниже и составлял 15%, и столько же россиян считали, что врачам приходится более туго.

Между тем врачи тоже высказывают разные мнения о том, как они живут в сравнении с остальными гражданами. Многие медики полагают, что большинство населения живет так же, как и они, – так же плохо.

“На заводах сейчас рабочие больше получают. Но, конечно, все село, колхоз – не знаю что сейчас там; они, конечно, меньше нас, ну, очень плохо живут. А в городе даже к средним можно себя отнести” (ДФГ, Екатеринбург).

Однако некоторые медики чувствуют себя нищими по сравнению с остальным населением и болезненно это переживают.

“Потому что заработная плата хуже. И отношение – это отдельная тема. Каждый врач, может, себе создает или проблемы с пациентами, или нормальные отношения. А так в принципе зарплата очень маленькая, и обслуживаешь людей, которые очень богатые, – чувствуешь себя нищим. Приезжаешь по вызову – их осматриваем на кухне, потому что они боятся, что мы... у них там ковры или что...” (ДФГ, Краснодар).

“Это же в разы, в три раза, в четыре раза увидеть разницу в зарплате. О каком уважении вы говорите? Когда сидит бедный врач и думает: как же мне прожить на эти деньги? И заходит человек с несколькими классами образования, у которого все есть. Поэтому и пренебрежительность к профессии врача” (ДФГ, Владивосток).

Медики видят в низких зарплатах доказательство непрестижности своей профессии, такой уровень оплаты зачастую создает ощущение ненужности государству и неуважения со стороны властей. Очевидная социальная значимость работы врача должна, по их мнению, удостоверяться более высокой оплатой.

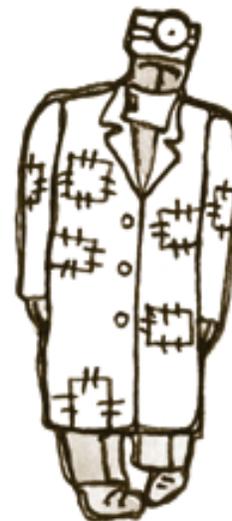
“Я не вижу того, что я буду когда-то нужен своему государству” (ДФГ, Краснодар).

“Ну, если вкладывать в понятие «престиж» еще и уважение правительства Российской Федерации, то наша профессия не является престижной! Потому что если б нас уважали, нам бы и деньги давали...” (ДФГ, Ярославль).

“Власти относятся к нам негативно, вот поэтому и народ так негативно относится” (ДФГ, Казань).

Кроме того, по мнению медиков, не способствует повышению престижа профессии и введение системы талонов, и зависимость зарплаты от числа пациентов. Такая “поточная система” приводит к ухудшению качества обслуживания и взаимоотношений с пациентами.

“Да и отношение к работнику со стороны администрации – поталонная система: принимай, принимай, принимай. Больше ничего не интересуется.”

Чем больше пройдеши, тем лучше для них. А это все страховая компания. Это все деньги. Считают: у вас такая-то посещаемость” (ДФГ, Архангельск).

“Ввели эти талоны, которые регистрируются медицинским статистом – и в соответствии с этим начисляется зарплата, а качество от этого ухудшилось. Резко причем” (ДФГ, Краснодар).

“Мало времени вот уделяется! Вот не 15 минут, например, а, допустим, полчаса – и все бы по-другому было... Что спокойно побеседовал бы...” (ДФГ, Ярославль).

Среди причин снижения профессионального уровня медработников – нехватка кадров, и, как следствие, невозможность увольнения профнепригодных работников. Также отмечается, что ухудшилось качество медицинского образования.

“Потому что все начинается с методики обучения. Методика обучения полностью поменялась. Отношение к больному закладывается как-то что-то... Раньше... я не хаяю сейчас, много там профессоров, я с ними и учился даже. Раньше был преподавательский состав – так преподавательский состав. Было на кого и на что посмотреть. А сейчас – это единицы. Да и с такой зарплатой...” (ДФГ, Казань).

Снижение качества обучения и нежелание выпускников работать в системе бесплатной медицины часто становится поводом для сетований медиков.

“К сожалению, 20% выпускников приходят работать в медицину. А остальные – мама, папа куда устроят. Идут для получения следующего образования. Сокращается курс обучения, даже заочно” (ДФГ, Краснодар).

“Даже приходит, допустим, группа на практику – девочки, все сидят. Я спрашиваю: «Девочки, кто-нибудь пойдет работать?» От силы один человек. А зачем? На такую вашу зарплату, к вам работать – да Вы что, я за такие деньги не пойду!” (ДФГ, Ярославль).

Таким образом, по мнению медиков, основные проблемы, которые ведут к падению престижа их профессии, заключаются в материальной необеспеченности врачей, снижении профессионализма, ухудшении системы медицинского образования, высокой нагрузке врачей и большом объеме “писанины”, а также в отсутствии внимания со стороны государства и администрации к нуждам медработников. Именно эти факторы ведут, помимо прочего, и к проблемам во взаимоотношении с пациентами.

Способы решения проблемы и пути выхода из кризиса

Сами медики намечают возможные пути повышения престижа своей профессии. По мнению многих, поднять престиж медицинской работы можно прежде всего повышением заработной платы.

“Я считаю, что повлиять может на имидж медработников, только если медработникам повысят зарплату, и нас не будут считать за дурачков, которые сидят и принимают просто так. Чтоб мы были с больными на равных” (ДФГ, Екатеринбург).

Участники ДФГ указывали на то, что повышение оплаты труда повысит привлекательность государственных медучреждений для молодых кадров – выпускников вузов, и в результате это приведет к повышению общего профессионально-

го уровня медиков, поскольку в медицину придут заинтересованные люди. Кроме того, сами врачи будут заинтересованы в повышении квалификации (и смогут себе это позволить), поскольку не захотят бледно выглядеть на фоне коллег, и к тому же будут опасаться увольнения.

“В нашей поликлинике, чтобы поехать специализироваться, обучение стоит 30 тысяч рублей, плюс проживание. Если бы я поехала, у меня и знаний было бы больше, но с такой зарплатой я не могу себе этого позволить” (ДФГ, Ярославль).

“Опять-таки, если будет достойная зарплата этой профессии, извините меня, администрация найдет рычаги, чтобы избавиться от этого человека, который теоретически не может хорошо работать! А если, извините меня, зарплата там пять тысяч – так ну хоть кто-то работает, хоть кто-то... То есть все равно влияние здесь есть. Здесь все пусть недоработано, не доведено до конца, там то, се там, но все равно влияние есть на престиж! Если ты будешь получать хорошую зарплату, достойную, вот такую, какую вы хотите, чтобы купить через пять лет <квартиру> там, рассчитаться... Вы же будете... держаться за место...” (ДФГ, Краснодар).

“Все упирается в деньги. Повысят заработок – начнут юноши, девушки задумываться. И, как говорится, и младший медперсонал <придет> – без него никуда, а текучесть какая. А какой, ну, контингент какой там работает в поликлиниках сейчас...” (ДФГ, Архангельск).

Отметим, что медики вообще довольно много говорили о шагах, направленных на улучшение вузовского обучения и повышение профессионального уровня медработников в целом. Необходимо “убирать рыночные отношения в вузах”, снижать число студентов-платников или же ужесточать для них отбор и “платить просто преподавателям достойные деньги, точно так же, как и врачам”.

“Убирать рыночные отношения в вузах! Потому что сейчас поступает какой контингент лиц, который в принципе не способный к обучению! Но если они не собираются стать врачом, зачем забивать место у тех, кто собирается?! Вот они [платники] заканчивают шестой курс и начинают <работать>. У кого ума хватает – они уходят сразу, а остальные работают смело. Ну, сейчас можно их укоротить всякими судебными делами, и обычно это и идет сейчас, но, тем не менее, уровень обучающихся в медицинской академии раза в два, в три ниже, чем, допустим, лет двадцать назад! Вот и все! Это будущие врачи...” (ДФГ, Ярославль).

“Мне не нравится то, что как бы вот сокращаются старые кадры – и тут же принимают новые кадры. Мне хотелось бы, чтобы новые кадры еще поучились, а потом уже можно сокращать” (ДФГ, Краснодар).

Изредка высказывалось мнение, что материальные проблемы врачей могут быть решены не только повышением оплаты их труда, но и разрешением “самим зарабатывать”.

“Сейчас весь контроль идет через государство. Если бы разрешали врачам хотя бы самим что-то делать, работать на себя... Государство все

По мнению медиков, для выхода их профессии из кризиса необходимо финансовое и материальное обеспечение медучреждений и медработников, хорошие руководители, квалифицированные специалисты и... “грамотные пациенты”

равно не обеспечит, я чувствую, до конца, по крайней мере. А если бы было законодательство, разрешающее работать врачу самостоятельно, то он и налоги бы платил как положено, и себя обеспечивал, и старался, чтобы больные шли к нему. Но об этом вообще и речи нет” (ДФГ, Ярославль).

Вообще, судя по общей атмосфере на фокус-группах, упоминание напрямую в кругу коллег о способах заработка не приветствуется в профессиональном сообществе: по крайней мере затрагивали эту тему немногие, и лишь косвенно (*“ну и приходится подрабатывать, платно что-то где-то делать, чтобы дети выучились”* – ДФГ, Краснодар). Возможно, это связано с упомянутым выше ценностным конфликтом между декларируемой бескорыстностью как нормой профессиональной деятельности и низким уровнем материальной обеспеченности врачей.

Оснащение медучреждений диагностическим оборудованием, по мнению медиков, также может позитивно повлиять на престиж профессии: если будет возможность быстрее ставить точный диагноз, лечение окажется более эффективным.

“Его врач принял, сделал все необходимое, и сразу если он все сделает, и сразу окажет квалифицированную помощь, и конечно, тогда он [пациент] скажет: ага, вот я пришел, мне все сделали – и я уже почти здоров” (ДФГ, Екатеринбург).

Кроме того, даже интенсивное финансирование, как считают некоторые, может не иметь значительного эффекта без *“грамотных руководителей”*.

Таким образом, по экспертному мнению медиков, для выхода их профессии из кризиса необходимо сочетание нескольких факторов: финансовое и материальное обеспечение медучреждений и медработников, хорошие руководители, квалифицированные специалисты (а значит, и эффективная система подготовки, дополнительного образования и отсева плохих работников) и... *“грамотные пациенты, которые не только знают свои права, но и обязанности”*. Под правами пациентов подразумевается право на получение качественной медицинской помощи (и возможность подать в суд на плохое медобслуживание), а под обязанностями – понимание того, что от пациентов требуется корректное отношение к врачам (*“понимать, что врачи – тоже люди”*).

“1-й участник: Первое – грамотные руководители. Пусть будут деньги хоть какие огромные, это ничего не значит, если нет людей, которые знают, как ими распорядиться. Самое главное – люди. Второе – финансы. А третье...”

2-я участница: Квалифицированные специалисты. Четвертое – это грамотные пациенты...” (ДФГ, Владивосток).

Престиж профессии и нацпроект: динамика

Национальный проект “Здоровье”, реализующийся с начала 2006 года, призван решить большую часть из перечисляемых медиками проблем. В определенной мере он приносит свои плоды: за последний год растет доля полагающих, что состояние дел в сфере здравоохранения улучшается. Как показал целевой опрос врачей и пациентов в ноябре 2006 года (4-я волна), так считают более трети медиков (37%), пятая часть (18%) говорят об ухудшениях, а несколько менее половины (43%) полагают, что ситуация в целом не изменилась. Среди пациентов

об улучшениях говорят шестая часть (17%), об ухудшениях – четверть (24%), а половина (53%) не отмечают изменений.

Кроме того, половина медработников (52%) и более трети пациентов (37%) надеются, что реализация национального проекта “Здоровье” значительно улучшит положение дел в здравоохранении там, где они живут; еще примерно по трети тех и других (29% и 32%) более осторожны в своих прогнозах и полагают, что улучшения будут, но окажутся незначительными.

“Это все хорошо, хорошее начинание. Главное – чтобы теперь не остановились” (ДФГ, Екатеринбург).

“К любому национальному проекту я отношусь положительно. Потому что худо-бедно, но деньги в медицину ушли” (ДФГ, Архангельск).

“Ну, потому что вот есть национальная программа, которая по идеологии должна улучшить качество жизни врачей, ну и пациентов. Должны лечиться более доступно, более качественно. Ну, информация, вот этот закон нуждается в доработке. Я думаю, в будущем будет лучше, мы надемся на это” (ДФГ, Краснодар).

В ходе фокус-групп с медиками (напомним, что была 3-я волна исследования) обсуждались отдельные направления нацпроекта в сфере здравоохранения. По мнению врачей, повышению престижа врачебной профессии могут прежде всего способствовать такие направления нацпроекта, как увеличение зарплаты медикам, оснащение медучреждений оборудованием и автотранспортом. Все это может создать условия как для притока в профессию молодых квалифицированных специалистов, так и для улучшения взаимоотношений между врачами и пациентами. Однако меры, принятые в ходе реализации национального проекта, воспринимаются неоднозначно.

Наиболее позитивно врачи относятся к поставкам оборудования – здесь могут быть претензии по форме реализации, но не по сути самого этого направления.

“Все-таки и новое оборудование у медиков, это все в гораздо лучшую сторону идет” (ДФГ, Краснодар).

Наиболее неоднозначно воспринимается долгожданное повышение заработной платы медикам. С одной стороны, эта мера характеризуется как крайне необходимая. С другой стороны, повышение зарплаты, реализуемое в рамках нацпроекта, касается не всех категорий медперсонала и к тому же сопровождается увеличением числа необходимых для заполнения врачами документов – в результате возникают конфликты как между самими медиками, так и между медиками и пациентами, которым доктора из-за “писанины” не могут уделять достаточно времени. Кроме того, пациенты зачастую “попрекают” медиков повышением зарплат и на этом основании требуют большего внимания и более качественного лечения.

“Она уже потом говорит, чтобы он имел совесть, каждые полчаса она не может к нему бегать, у нее очень участок большой. Он ей сказал, что если надо будет, она вообще к нему каждый час будет приходить, потому что она получает десять тысяч. Сказал, что она обязана приходить” (ДФГ, Казань).

В свою очередь пациенты отмечают как улучшения, так и ухудшения во взаимоотношениях с врачами, связанные с нацпроектом. Как показали данные, полученные

в ходе целевого опроса медиков и пациентов в июне 2006 года (2-я волна), по мнению 14% тех, кто за последнее время обращался за медицинской помощью, отношение врачей к пациентам улучшилось, 4% отметили ухудшения, большинство же респондентов (62%) не заметили никаких изменений. Отвечая на открытый вопрос о конкретных изменениях во взаимоотношениях с медиками¹³, многие пациенты говорили о том, что им в последнее время уделяется больше внимания: “большая забота о пациентах, приглашают на диспансеризацию”; “младший персонал стал

внимательнее относиться к больным в больницах”; “обслуживание в поликлинике стало лучше” (8%), изменился сам характер обращения с пациентами “участковые врачи стали внимательнее”, “с пенсионерами стали вежливые”; “чуть добрее стали” (1%). Высказывались предположения (1%), что у медиков возросла заинтересованность в работе в связи с повышением зарплаты: “так они же стали больше получать – и стали больше стараться”; “люди с желанием стали работать – зарплата выше, значит, они более заинтересованы”.

Пациенты, которые отмечают ухудшения во взаимоотношениях с медиками, говорят, что выборочное введение надбавки привело к “отпныванию” больных от врача к врачу и конфликтам между участковыми врачами и врачами-специалистами: “рассуждают так: кому платят, те пусть и работают, а люди на дороге помирают”; “специалисты узкой направленности отправляют к участковым”; “до прибавления зарплаты врачи были лучше, после прибавления стали пинать от одного врача к другому, не хотят принимать больных” (1%).

Получается, что мероприятия, проводящиеся в рамках нацпроекта, могут, по мнению медиков, позитивно повлиять на престиж их профессии, однако

¹³ Вопрос задавался тем, кто обратил внимание на какие-либо изменения в отношении врачей к пациентам.

Мероприятия, проводящиеся в рамках нацпроекта, могут, по мнению медиков, позитивно повлиять на престиж их профессии, однако пока что влияние нацпроекта оценивается неоднозначно

пока что влияние нацпроекта неоднозначно – это следует, в частности, из противоречивой оценки медиками последствий повышения оплаты труда отдельным категориям врачей.

Таким образом, с одной стороны оказывается пациент, жаждущий не только качественного и профессионального лечения, но и внимательного отношения к себе, а с другой – врач, который, в свою очередь, тоже ждет хорошего отношения к своему труду и “горит” на работе. При этом медики признают обоснованность многих претензий со стороны пациентов и свою ответственность за невысокий престиж медицинской профессии. Кроме того, они имеют свое представление о путях решения существующих проблем. Осуществление определенных мер в рамках нацпроекта “Здоровье” не рассматривается ими как панацея (врачи замечают и новые сложности, порождаемые именно огрехами нацпроекта), однако в целом оценивается позитивно: этот проект может, по мнению медиков, внести свою лепту в улучшение образа врача в обществе.

Довольно активная и зачастую самокритичная позиция врачей заметно отличается от позиции учителей, сталкивающихся со схожими в ряде отношений проблемами. Врачей и учителей объединяет понятие “бюджетники”, однако, как показывают данные, полученные в ходе целевых исследований на тему нацпроектов “Здоровье” и “Образование”, отношение одних и других к сложной ситуации в их профессиональной сфере и путям выхода из кризиса различны. Педагоги, как правило, склонны пассивно ожидать осуществления “сверху” неких глобальных перемен в системе образования и в своей личной участи и выражать негодование по поводу того, что “*дети не хотят быть похожими*” на учителей¹⁴. И учителя, и врачи считают, что в низком уровне оплаты их труда проявляются несправедливость, пренебрежение со стороны государства, и полагают, что повышение зарплаты будет способствовать росту престижа соответствующих профессий. Но если педагоги в большинстве своем ожидают, что это произойдет автоматически – как только справедливость будет восстановлена, – то медики гораздо чаще признают, что отношение к ним окружающих зависит также от их личных качеств, от их профессионализма, и рассматривают повышение зарплаты как стимул к профессиональному совершенствованию и способ поддержания всей системы здравоохранения. ■

Литература

Parsons T. Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences., The Macmillan Company & The Free Press., 1968. P. 536–547.

Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по работам Т. Парсонса) // Социологические исследования. 2005. № 1.

Сидоров П. Синдром эмоционального выгорания. Конспект врача <http://health.mpei.ac.ru/sindrom.btm>

¹⁴ В марте–ноябре 2006 года было проведено целевое исследование, в ходе которого изучались мнения учителей и родителей школьников о ситуации в средней школе и о ходе реализации национального проекта “Образование”. Отношение педагогов к этому проекту и восприятие ими своей роли в происходящих изменениях подробно проанализированы в статье И. Шмерлиной “Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта «Образование»” (Социальная реальность. 2007. №№ 1, 2).

Парадоксы трудовой мотивации

К работе люди относятся по-разному. Для кого-то она – органичная часть жизни, для кого-то – “навязанная необходимость”, отнимающая у жизни “очень много... лучшего времени” (так выразился участник ДФГ из Новосибирска¹). Судя по нашим данным, в России сегодня примерно одинаковое число тех и других.

Отвечая на вопрос “Скажите, пожалуйста, если бы Вы имели достаточно денег, чтобы не работать, Вы бы бросили Ваше нынешнее место работы или нет?”², почти половина респондентов, имеющих постоянную или временную работу³, сказали, что бросили бы ее (46%), практически столько же (49%) – что не бросили бы. Установка на продолжение трудовой деятельности (в предло-

И. Шмерлина

О трудовых ценностях и привычке к работе

(Заметки по материалам текущих исследований)

женной респонденту гипотетической ситуации материальной обеспеченности) одинаково выражена в группе молодых людей (в нашей выборке ее представляют респонденты в возрасте от 18 до 35 лет) и группе граждан зрелого работоспособного возраста (36 лет – 54 года); лишь пожилые респонденты (55 лет и старше) вариант “не бросил(-а) бы” выбирали, разумеется, реже – в 38% случаев (табл. 1).

Готовность оставить место *нынешней* трудовой деятельности еще не говорит, конечно, о нежелании работать вообще. Важно принимать в расчет, чем именно стали бы заниматься люди, если бы им не приходилось думать о заработке. Половина респондентов, отвечавших на этот вопрос, сказали, что они *продолжали бы работать*: 35%, по их словам, занялись бы другим видом профессиональной деятельности, а 15% работали бы по своей нынешней специальности, но на других условиях.

¹ Дискуссионные фокус-группы на тему “Труд в вашей жизни” прошли 23 января 2007 года в Москве, Новосибирске и Самаре.

² Общероссийский опрос населения от 27–28 января 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). В дальнейшем данные этого опроса приводятся без ссылок.

³ Данная категория граждан – с учетом работающих пенсионеров и работающих студентов, учащихся – составляет 53% выборки. Далее распределения ответов приводятся в процентах от этой группы. Другие случаи специально оговариваются.

Табл. 1

% от групп работающих (по столбцам)

	Все работающие	Пол		Возраст, лет			Образование				Доход, руб.			Тип населенного пункта					
		мужчины	женщины	18-35	36-54	55 и старше	ниже среднего	среднее	среднее специальное	высшее	2000	2000	больше 4000	Москва	мегаполис	большой город	малый город	село	
Доли групп	100	52	48	45	46	9	4	34	39	24	19	30	40	10	14	16	42	19	
Скажите, пожалуйста, а если бы Вы имели достаточно денег, чтобы не работать, Вы бы бросили Ваше нынешнее место работы или нет?																			
Бросил(-а) бы	46	49	44	46	44	61*	60	52	47	36	54	48	45	45	45	41	45	56	
Не бросил(-а) бы	49	46	52	49	51	<u>38</u>	<u>26</u>	<u>43</u>	50	60	<u>40</u>	48	51	50	50	54	51	<u>38</u>	
Затрудняюсь ответить	4	5	4	5	5	1	13	5	4	4	6	4	4	6	6	5	3	6	

* Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом и курсивом с подчеркиванием.

Такое трудолюбие плохо соотносится с активно культивируемыми в современном обществе ценностями роскошной праздности, гламурных развлечений и нарциссического ухода за собой. Любопытно, однако, что описанные данные не противоречат “общественному самосознанию” – представлению людей о трудовых установках своих соотечественников. Так, отвечая на квазиэкспертный вопрос, какая доля россиян бросила бы работу, будь у них такая возможность, половина респондентов выбрали варианты ответа в диапазоне от “менее 10%” до “от 25 до 50%” (график 1)⁴.

Представьте себе такую ситуацию. У человека появилось достаточно денег, чтобы, не работая, обеспечить нормальное существование себе и своим близким. Кто-то в таком случае бросил бы работать, а кто-то – не бросил бы. Как Вам кажется, какая примерно часть работающих россиян, оказавшись в такой ситуации, бросили бы свою работу? (Карточка. Один ответ)

График 1. Представления респондентов о том, сколько россиян бросили бы работу, будь у них такая возможность (% от числа работающих)

⁴ Общероссийский опрос населения от 31 марта – 1 апреля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Возможно, россиянам нравится их работа. Действительно, большинство работающего населения страны (65%) в ходе упомянутого выше январского опроса сказали, что они в целом удовлетворены своей нынешней работой. Тех, кого она не устраивает, – в два раза меньше (32%)

Изучение изменений в данной сфере не входило в задачи настоящей публикации, однако отметим, что девять лет назад удовлетворенных своей работой среди работающего населения России было заметно меньше (53%), а неудовлетворенных – больше, чем сегодня (43%) (график 2).

Разумеется, те, кто удовлетворен своей работой, чаще делают выбор в пользу того, чтобы продолжать работать, даже если в этом нет острой житейской необходимости. Однако и среди неудовлетворенных достаточно высока доля тех, кто не просто продолжал бы трудовую деятельность, но, как они утверждают, продолжал бы ее на нынешнем месте работы, – 27% (график 3). Чем объяснить столь странное упорство? Почему в ситуации, когда работа не приносит удовле-

График 2. Удовлетворенность нынешней работой (% от числа работающих)

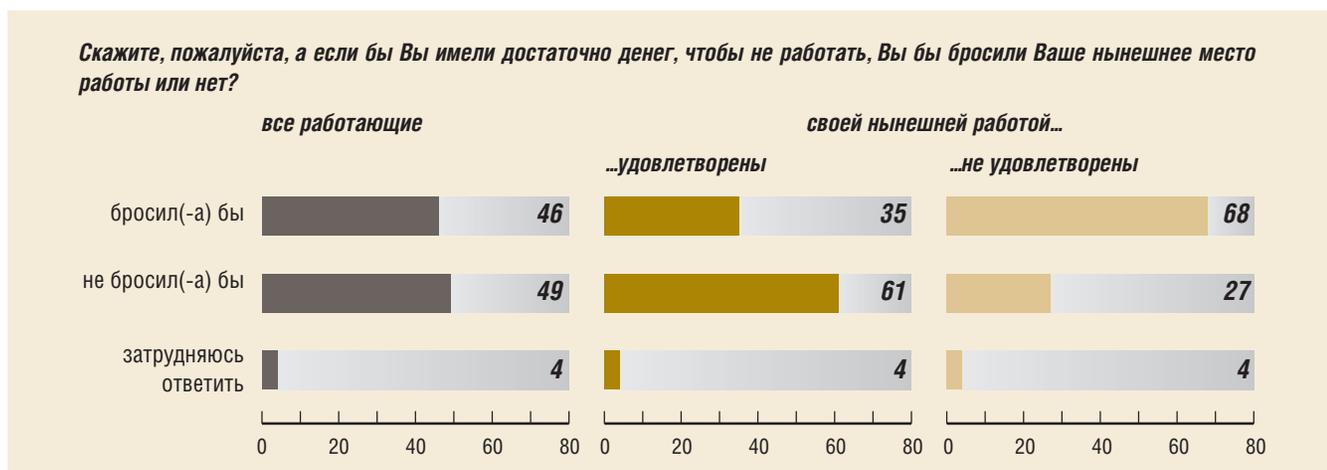

График 3. Укорененность на нынешнем месте работы (% от числа работающих)

Табл. 2. Предполагаемые занятия россиян в случае ухода с нынешнего места работы

% от тех, кто бросил бы работу (по столбцам)

	Все, кто бросил бы работу	Удовлетворены работой, бросили бы ее	Не удовлетворены работой, бросили бы ее
<i>Доли групп среди работающих, %</i>	25	12	12
Продолжал(-а) бы работать по своей нынешней специальности, но в других условиях	15	13	18
Посвятил(-а) бы время себе – развлекался(-ась), ездил(-а) в путешествия, занимался(-ась) спортом, здоровьем, своей внешностью	26	32 ♦	<u>19</u>
Посвятил(-а) бы время своему дому и близким	42	49	<u>36</u>
Занялся(-ась) бы другим видом профессиональной деятельности	35	<u>25</u>	45
Занялся(-ась) бы своими увлечениями, хобби	17	16	17
Другое	2	4	1
Затрудняюсь ответить	1	1	0

♦ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом и курсивом с подчеркиванием.

творения, а задача добывания “хлеба насущного” неактуальна, люди выражают готовность (во всяком случае, гипотетическую) по-прежнему выполнять свои трудовые обязанности?

Оставляя пока этот вопрос без ответа, обратим внимание на второй парадокс, также связанный с установками людей, не удовлетворенных своей работой, – точнее, с теми из них, кто поступил более логично, сказав, что готов оставить ее (на оговоренных в интервью условиях). Этим людей отличает сильно выраженная мотивация на продолжение своего трудового пути в ином формате занятости. Почти половина представителей данной группы (45%) сказали, что занялись бы другим видом профессиональной деятельности (среди тех, кому его нынешняя работа нравится, – на 20 п.п. меньше), а пятая часть (18%) продолжали бы работать по своей нынешней специальности, но на других условиях (разница с ответами группы-антипода статистически не значима, но интуитивно кажется симптоматичной). Такая альтернатива нынешней деятельности, как развлечения и забота о своем здоровье, физической форме, внешности, привлекает людей, не удовлетворенных работой, меньше, чем тех, кто ею удовлетворен (табл. 2).

Эти данные также требуют объяснения. Можно предположить, что людей, не удовлетворенных своей нынешней работой, отличает ярко выраженная потребность в трудовой самореализации, а их нынешняя деятельность не отвечает их способностям и склонностям, не позволяет раскрыть личностный потенциал. Возможно, само чувство неудовлетворенности, о котором говорилось в ходе интервью, вызвано тем, что люди небезразлично относятся к тому, чем занимаются, предъявляют повышенные требования к содержанию своей трудовой деятельности. Именно поэтому – если следовать данному предположению – они

настроены бросить постылую трудовую повинность и найти себе дело по душе. Подобные рассуждения, действительно, звучали на фокус-группах.

Участница: Ну, я планирую заняться чем-нибудь другим. Я просто еще в раздумьях – чем. Но для себя самый главный плюс в моей этой работе – то, что я когда-то хотела этим заниматься; попробовала – и поняла, что это не мое.

Модератор: А теперь у Вас какие планы? Что бы Вы хотели от Вашей будущей работы?

Участница: Самое главное – это, наверное, реализация какая-то. То есть ощущение того, что не то что ты сидишь на работе и думаешь: когда ж рабочий день-то закончится, когда ж я домой пойду?.. Чтобы это было интересно прежде всего. Наверно, вот это” (ДФГ, Новосибирск).

Между тем данные массового опроса не позволяют принять эту интерпретацию – по крайней мере, в качестве исчерпывающей версии. Участники опроса, рассказывая интервьюеру, чем их не удовлетворяет нынешняя работа⁵, о содержательной ее стороне говорили крайне редко: так, лишь 1% респондентов⁶ объясняли свою неудовлетворенность тем, что им приходится заниматься неинтересной, скучной, монотонной, “тупой” деятельностью (“...работа неинтересная”; “монотонность работы...”; “нет фантазии в работе охранником”; “она тупая”), и столько же отметили, что их не устраивает работа, не отвечающая их специальности и индивидуальным склонностям (“работа не по специальности”; “по натуре я водитель, а сейчас оператор котельной”).

Чаще же всего (12%) люди говорили о зарплате (“деньги платят не вовремя, да и мало”); изредка жаловались на тяжелый и нервный труд (“грязная и тяжелая работа”; “много нервов оставляешь на работе”; “работа нелегкая, сил остается все меньше”; “устаю, тяжелая работа” – 2%), еще реже приводили другие причины неудовлетворенности (плохие взаимоотношения в коллективе, неудобный график, нестабильность занятости, плохие условия труда и проч. – каждая из причин звучала не чаще чем в 1% случаев).

Таким образом, вопрос о трудовой мотивации россиян приобретает дополнительную напряженность и интригу.

Зачем люди работают?

Люди работают по двум главным причинам – во всяком случае, две главные причины кажутся им самим наиболее очевидными в ситуации, когда их просят об этом задуматься. Первая – это деньги, вторая обычно артикулируется в таких концептах, как “интерес к работе”, “мо-

⁵ Вопрос “Чем Вас не удовлетворяет Ваша работа?” предусматривал открытую форму ответа и задавался только тем, кто сказал, что нынешняя работа их не удовлетворяет.

⁶ Данные приводятся от всех опрошенных, включая неработающих. В общей выборке доля не удовлетворенных работой составляет 17%.

ральное удовлетворение от работы”, “любимое дело”, “самореализация” и т. п.⁷ Фактически речь идет о достаточно сложном комплексе психологических мотивов, который мы не беремся пока препарировать, тем более что его общий смысл более или менее ясен.

Как определил один из участников ДФГ, работа – это *“деятельность, за которую следует материальное поощрение, хорошо, если она приносит моральное удовлетворение”* (ДФГ, Новосибирск). Возможно, это и есть формула трудовой мотивации современных россиян. Самой важной составляющей этой формулы является, разумеется, материальный фактор. Так, на открытый вопрос *“Что такое, по-вашему, хорошая работа?”* 83% россиян отвечают: та, *“где платят хорошую зарплату”*. На втором месте по частоте упоминаний (31%) – фактор *“морального удовлетворения”* от работы⁸.

На вопрос *“Если бы Вы сейчас искали работу, то что было бы для Вас самым важным при ее выборе?”*⁹ подавляющее большинство респондентов выбрали ответ *“хорошая зарплата”* (81%), а фактор, описанный в анкете как *“интерес к работе, возможность реализовать свои способности”*, отметили 39% (график 4)¹⁰.

Хорошей иллюстрацией к этим данным будут рассуждения одной из участниц ДФГ:

“Для меня на первом месте идет финансовая составляющая все-таки... Если я, допустим, куда-то перейду... и будут мне там платить... две тысячи, вряд ли это меня устроит, даже если она будет очень творческая и так далее. То есть на первом месте все-таки идет финансовая составляющая, потому что мы ради чего-то работаем. В первую очередь все-таки мы не сидим дома ради того, чтобы зарабатывать деньги” (ДФГ, Самара).

⁷ Приведем примеры формулировок, которые прозвучали в ходе ответа на открытый вопрос *“Чем Вас удовлетворяет Ваша работа?”*: *“занимаюсь интересным делом”*; *“исполнение обязанностей приносит удовлетворение”*; *“нравится то, чем занимаюсь”*; *“любимое дело...”*; *“...это мое”*; *“отвечает моим интересам”*; *“...мне это нравится. Я – человек на своем месте”* (12%). Примерно столько же респондентов (11%), отвечая на этот вопрос, отметили, что их удовлетворяет оплата труда (ее размер и регулярность выплат).

⁸ Все остальные факторы упоминались гораздо реже. Так, о том, что хорошая работа – это работа по специальности, сказали 9% респондентов; о важности такого критерия, как хороший коллектив и хорошее начальство, – 8%; наличие социального пакета важно для 6%, а нормальные условия труда – для 5% респондентов. На восьмичасовом рабочем дне и удобном графике работы настаивают 5%; 3% оценивают работу с точки зрения перспектив карьерного роста. Для 2% россиян хорошая работа – это та, *“которая не напрягает”*, нетрудная или физически не тяжелая. Критерий стабильности отметили 2%, столько же – соблюдение трудового законодательства и официальный (легальный) характер работы. Для 2% важно, чтобы место работы было недалеко от дома, а для 1% – престижность профессионального занятия.

⁹ Для ответа на этот вопрос респонденту был предложен перечень критериев, из которого он мог выбрать до трех позиций. Ответы приводятся от общего числа опрошенных, включая неработающих россиян.

¹⁰ Все остальные из числа предложенных критериев – график работы, наличие социального пакета, местонахождение работы, обстановка в коллективе и пр. – выбирались не чаще чем в 24% случаев.

Если бы Вы сейчас искали работу, то что было бы для Вас самым важным при ее выборе? (Карточка, не более трех ответов)

График 4. Критерии выбора работы (% от всех опрошенных)

Однако при условии выполнения первого обязательного требования (нормальная зарплата) резко возрастает значимость морально-психологической составляющей “хорошей работы”.

“Я хочу сказать, что это, конечно, замечательно, когда работа хорошо оплачивается. Но когда она хорошо оплачивается и не приносит удовольствия, это тоже плохо. То есть это в равных частях – и то, и другое чтобы было” (ДФГ, Новосибирск).

“<Работа> должна нравиться... Утром проснулся – идешь на любимую работу. Естественно, чтобы зарплата была хорошая” (ДФГ, Москва).

Попробуем разобраться в том комплексе требований, который стоит за словами “моральное удовлетворение” и “самореализация” в работе. Далеко не всегда они имеют отношение к содержанию трудовой деятельности как таковой. Напомним, что респонденты, недовольные своей работой, редко ссылались на претензии к содержательной стороне своих обязанностей. Показательно, что и участники фокус-групп, настаивая на том, что работа должна приносить моральное удовлетворение, как правило, имели в виду вовсе не содержание труда.

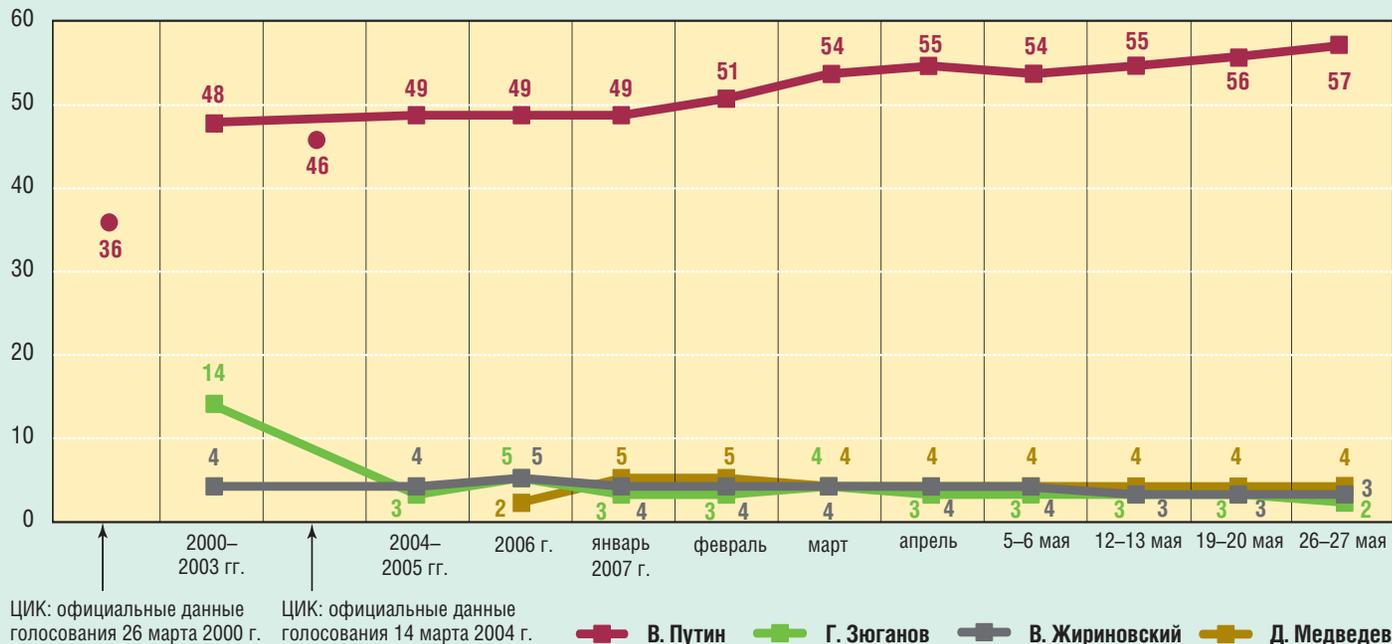
Окончание см. на стр. 61 →

Электоральные рейтинги

Данные в % от населения

Политики

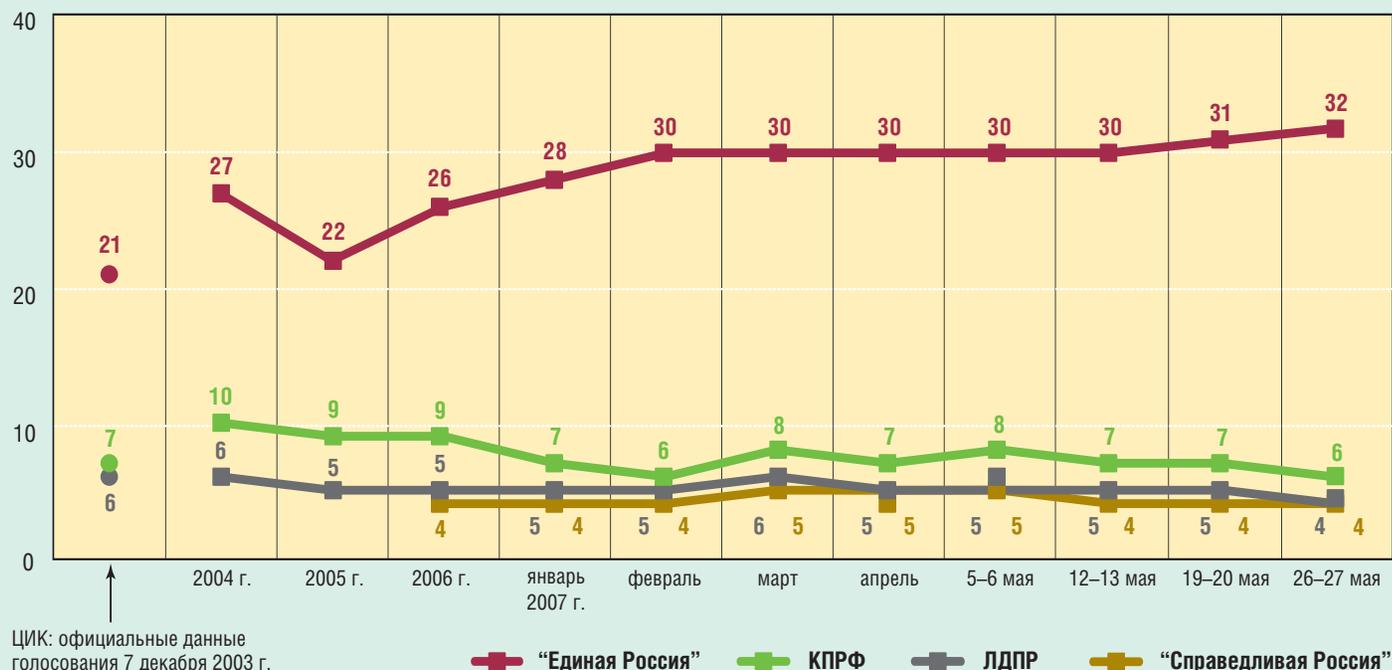
Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоятся выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали?* (Карточка, один ответ)

* Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%

Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали?** (Карточка, один ответ)

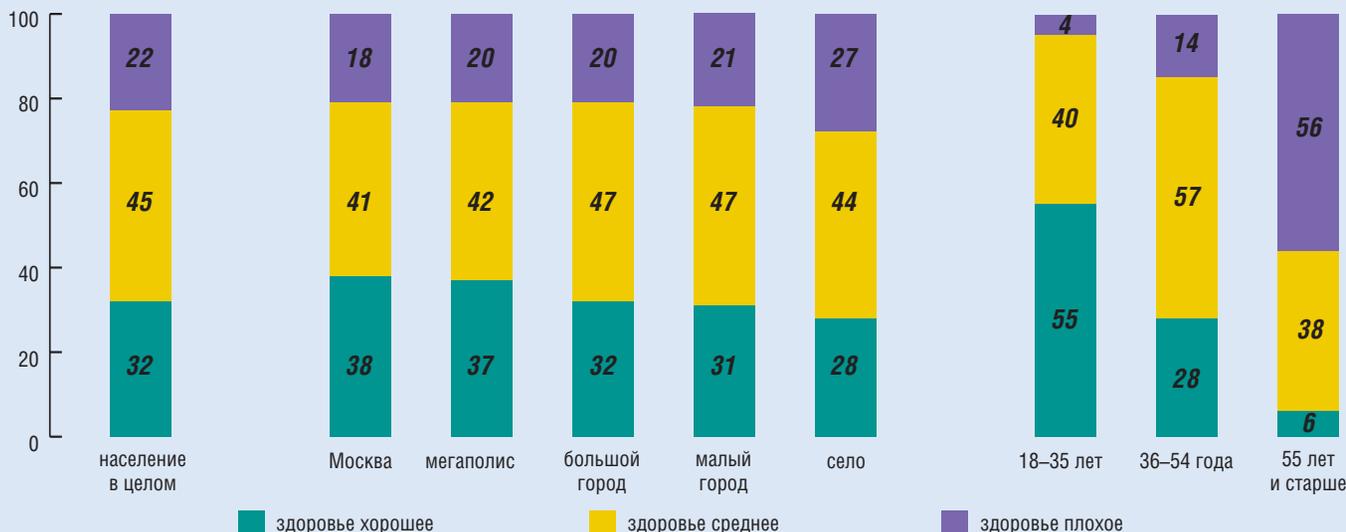

** Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 2%

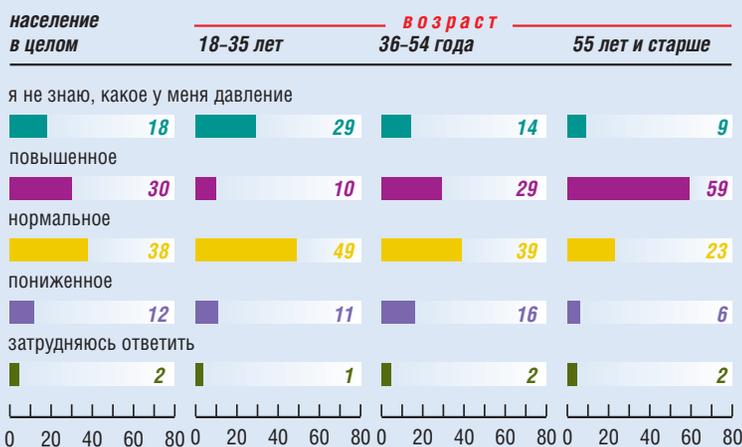
Здоровье россиян и проблемы с давлением

Данные в % от населения

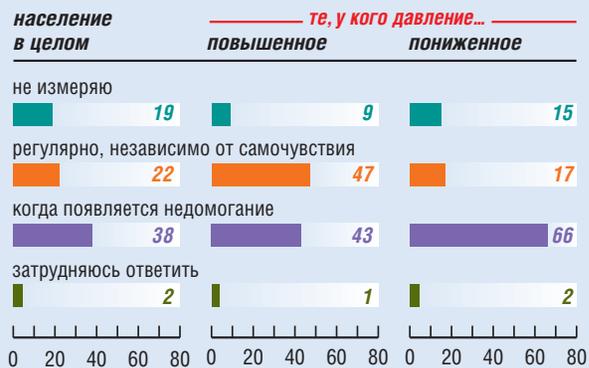
Скажите, пожалуйста, как бы Вы оценили свое здоровье?

Знаете ли Вы, какое у Вас обычно кровяное давление? Если знаете, то оно у Вас обычно повышенное, пониженное или, как правило, нормальное?

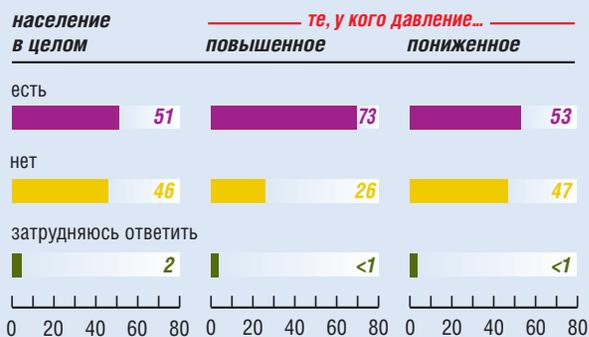
Вы хотя бы иногда измеряете свое давление или никогда не измеряете? И если измеряете, то делаете это регулярно, независимо от самочувствия, или нерегулярно – тогда, когда появляется недомогание? (Ответы заявивших, что они знают, какое у них обычно давление)

Вы хотя бы иногда принимаете или никогда не принимаете какие-нибудь лекарства или другие средства для нормализации давления? (Ответы заявивших, что они измеряют свое давление, и затруднившихся с ответом)

У Вас дома есть тонометр (прибор для измерения давления) или тонометра нет?

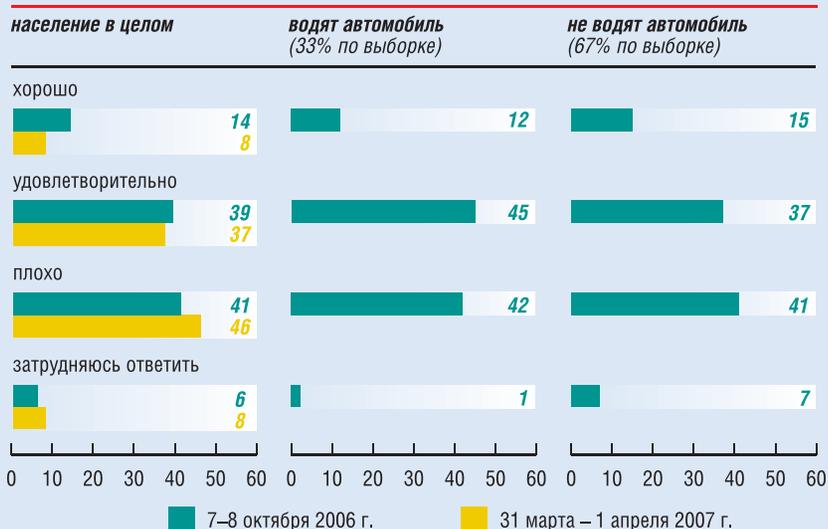

На графиках представлены данные опроса от 17–18 марта 2007 года. Выборка: 1500 человек

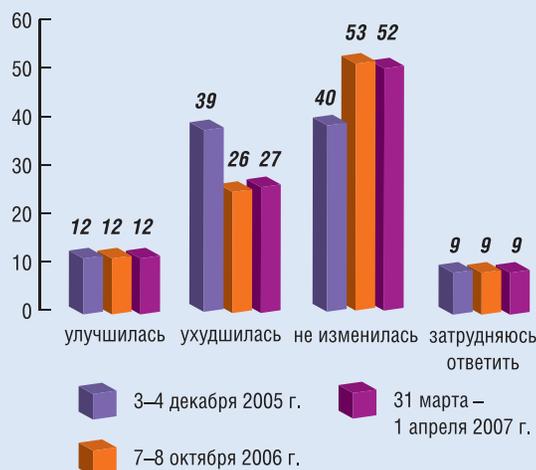
Безопасность дорожного движения и ужесточение наказаний за ее нарушение

Данные в % от населения

Как обстоят дела с безопасностью дорожного движения там, где Вы живете, – хорошо, удовлетворительно или плохо?

Если говорить в целом, ситуация с безопасностью движения там, где Вы живете, за последние год-два улучшилась, ухудшилась или не изменилась?

Как Вы считаете, сегодня следует или не следует ужесточать наказания за нарушения правил дорожного движения водителями?

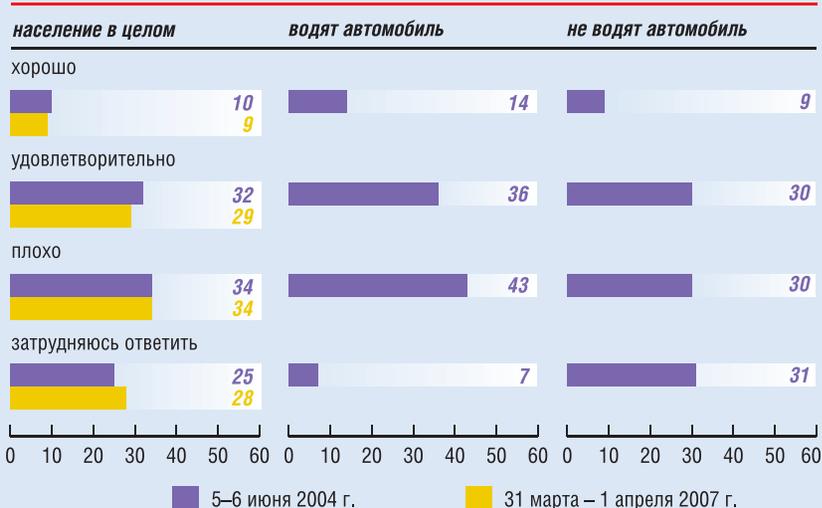
По Вашему мнению, ужесточение наказаний за нарушение правил дорожного движения принесет пользу или вред? Или принесет как пользу, так и вред? Или не принесет ни пользы, ни вреда?

Одни считают, что для повышения безопасности дорожного движения необходимо прежде всего ужесточить наказания за нарушение правил. Другие считают, что наказания ужесточать не надо, но нужно сделать так, чтобы избежать их было невозможно. Какое мнение Вам ближе – первое или второе?

По Вашему мнению, как сегодня работает ГИБДД (ГАИ), как она справляется со своими обязанностями – хорошо, удовлетворительно или плохо?

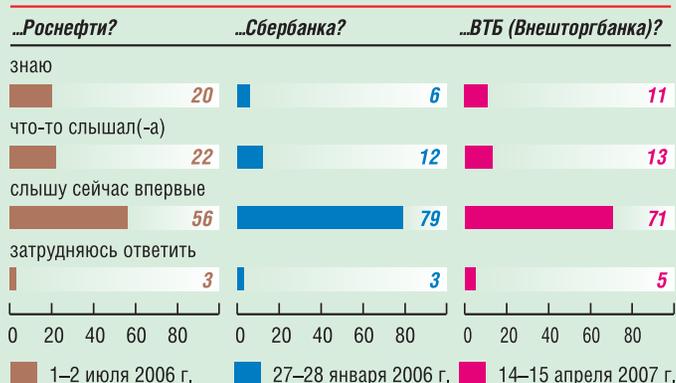

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 31 марта – 1 апреля 2007 года. Выборка: 1500 человек

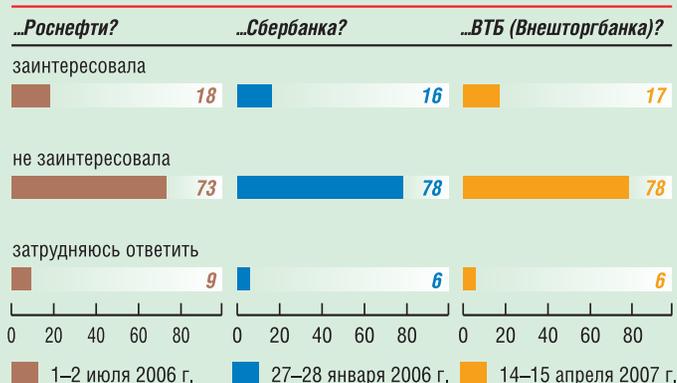
ИРО Роснефти, Сбербанка и ВТБ: информированность и отношение россиян

Данные в % от населения

Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас впервые о продаже частным лицам акций...

Скажите, пожалуйста, Вас заинтересовала или не заинтересовала информация о подпске на покупку акций...

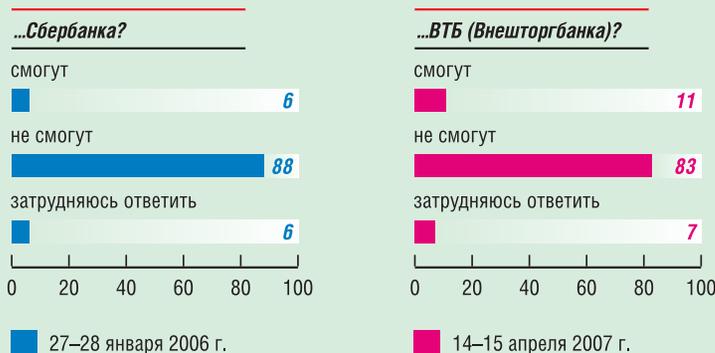
Было принято решение, что одна акция Сбербанка для частных лиц будет стоить 80 тыс. рублей, или примерно 3000 долларов.

Минимальная стоимость заявки на покупку акций ВТБ (Внешторгбанка) составляет 30 тыс. рублей.

А лично Вы допускаете или исключаете для себя, что приобретете акции...

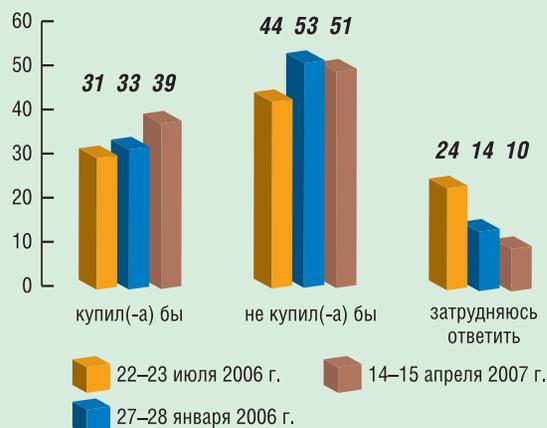
Как Вы думаете, люди с такими доходами, как у Вас, смогут или не смогут купить акции...

Как Вы думаете, люди, которые купят акции <название компании>, в течение ближайшего года-двух скорее получат прибыль или понесут убытки? Или они не получат прибыли, но и убытков не понесут?

Если бы Вам позволяли финансовые возможности, Вы купили бы (купили бы еще, если у Вас уже есть) или не купили бы акции какой-нибудь российской компании?

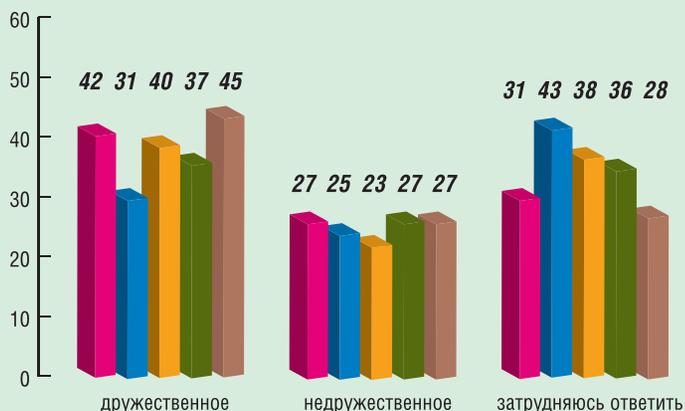

Выборка: 1500 человек

Иран: представления о стране и отношении к ее ядерной программе

Данные в % от населения

Как Вы считаете, Иран – это дружественное или недружественное по отношению к России государство?

■ 3–4 марта 2001 г. ■ 21–22 января 2006 г. ■ 31 марта – 1 апреля 2007 г.
■ 5–6 ноября 2005 г. ■ 22–23 апреля 2006 г.

В последнее время много говорится о работе Ирана над ядерными технологиями. Иран утверждает, что разрабатывает ядерные технологии исключительно в мирных целях. Западные страны опасаются, что Иран работает над созданием ядерного оружия.

А Вы как думаете, Иран разрабатывает ядерные технологии исключительно в мирных целях или работает над созданием ядерного оружия?

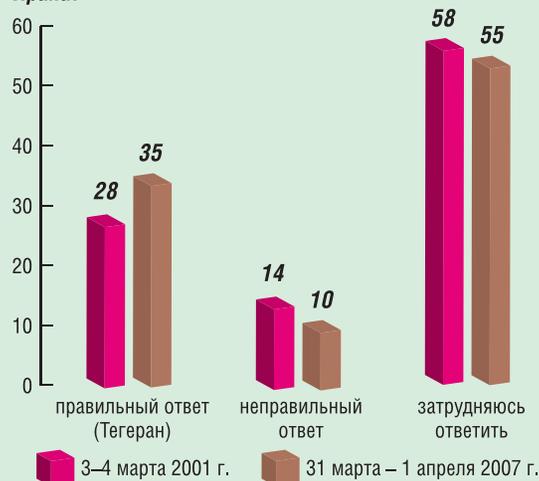
Вы одобряете или не одобряете усиление экономических санкций против Ирана?

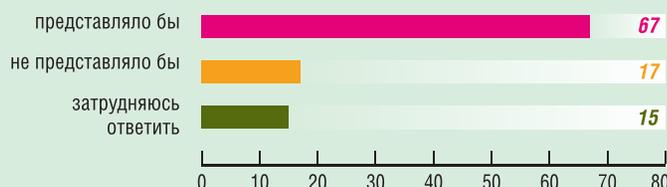
Как Вы считаете, удастся или не удастся Совету безопасности ООН с помощью экономических санкций добиться от Ирана отказа от работы над ядерными технологиями?

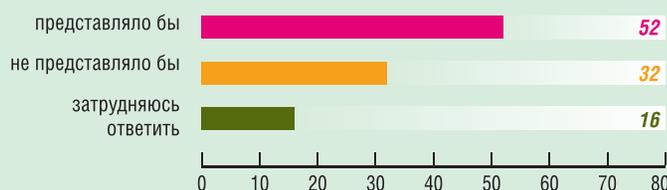
Скажите, пожалуйста, какой город является столицей Ирана?

Как Вы полагаете, появление ядерного оружия у Ирана представляло бы или не представляло бы опасность для других стран?

А для России появление ядерного оружия у Ирана представляло бы или не представляло бы опасность?

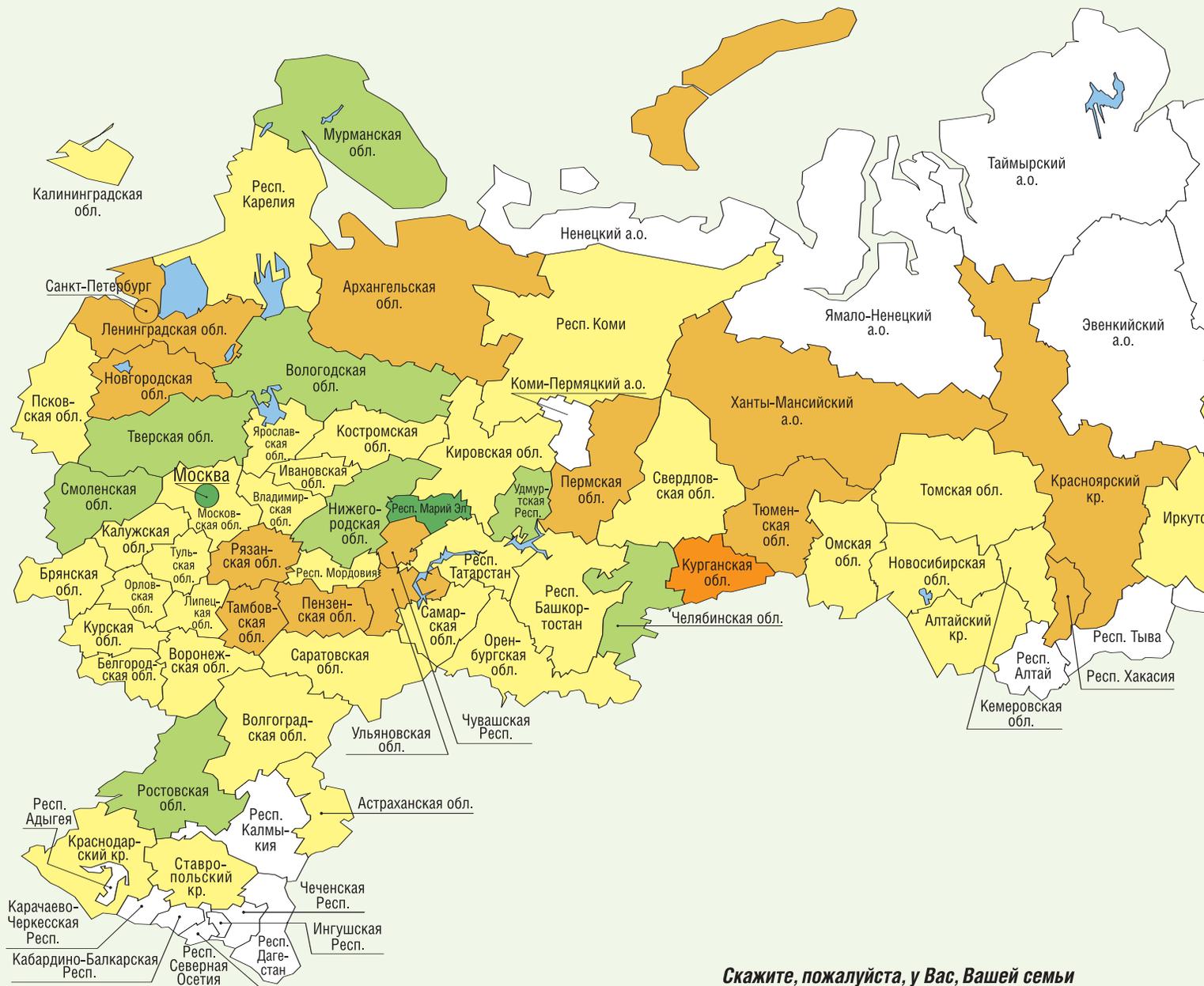
Некоторые считают, что если Иран не прекратит работы по обогащению урана, следует уничтожить иранские предприятия, где ведутся такие работы, ракетно-бомбовым ударом.

На Ваш взгляд, следует или не следует уничтожить иранские предприятия, где ведутся работы по обогащению урана, если Иран не прекратит такие работы?

Сбережения россиян

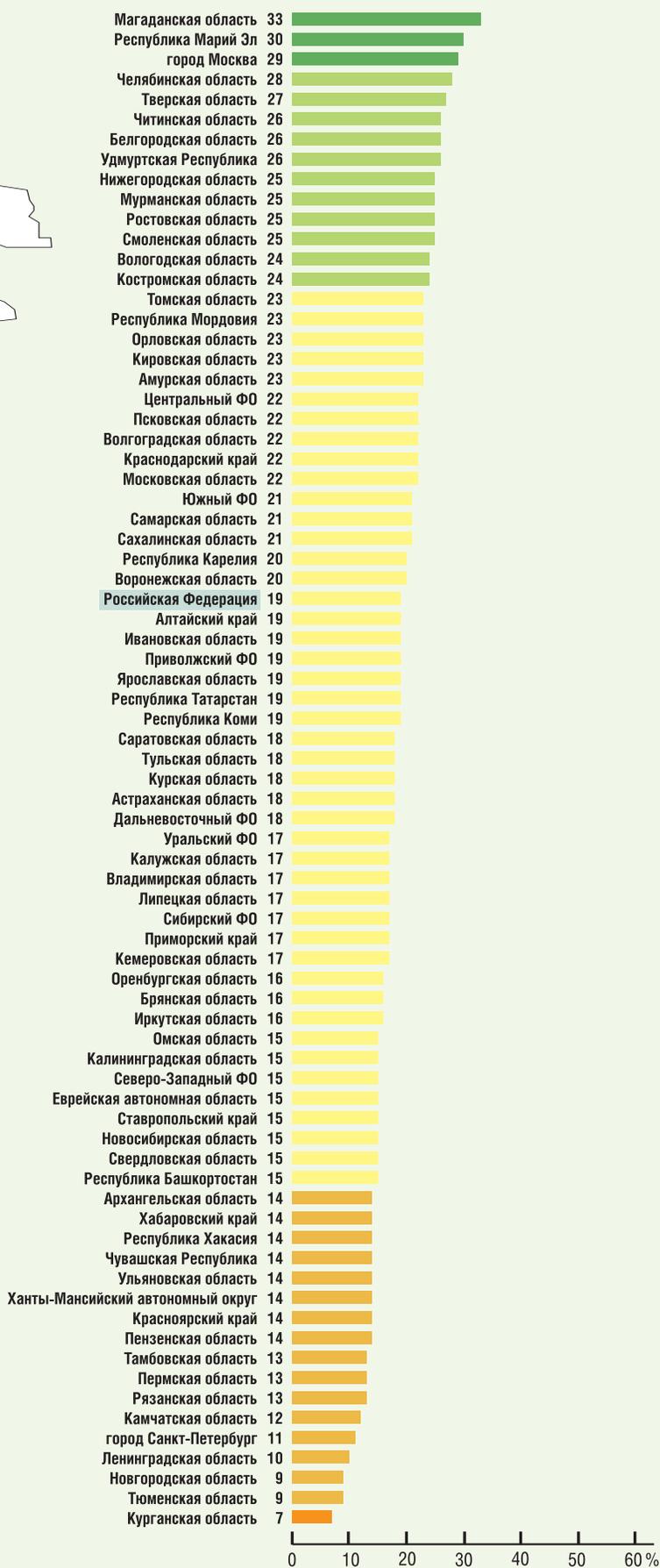
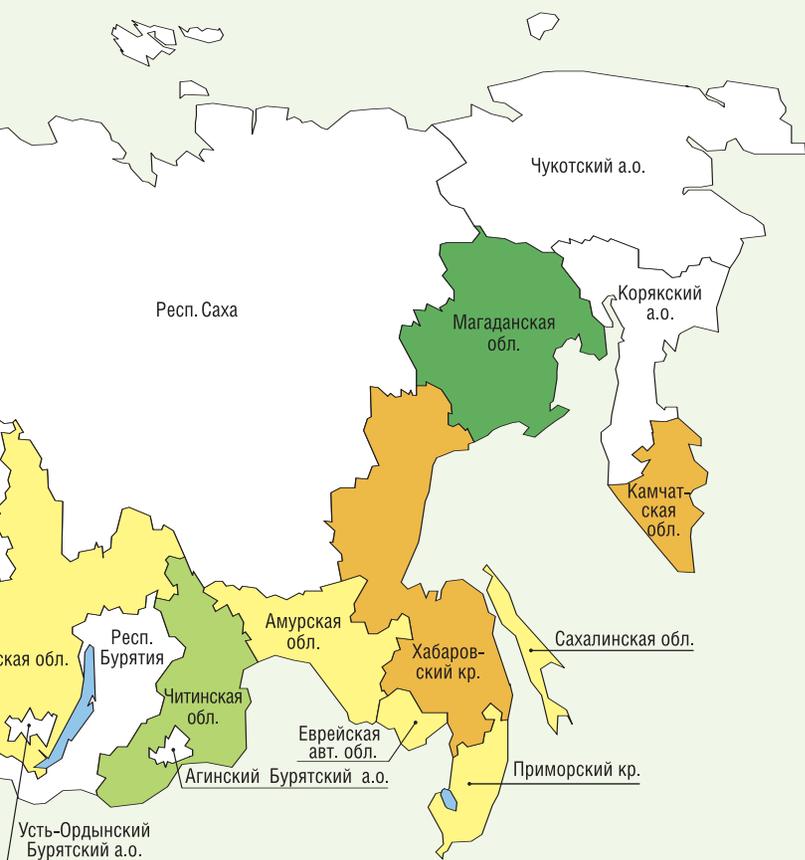
В семье есть сбережения

Скажите, пожалуйста, у Вас, Вашей семьи сейчас есть какие-либо накопления, сбережения, или накоплений, сбережений нет?

Опрос 5–19 февраля 2007 года. Выборка: 34 000 человек

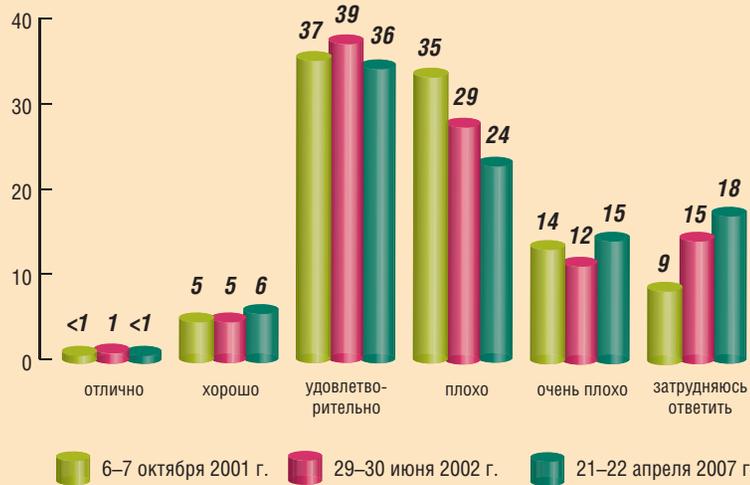

0 10 20 30 40 50 60%

Отношение к Госдуме и интерес к ее деятельности

Данные в % от населения

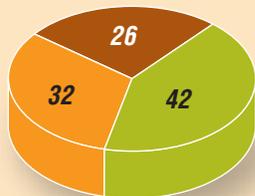
Как, по Вашему мнению, Государственная дума сегодня справляется со своими обязанностями – отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?

Нынешняя Государственная дума работает с декабря 2003 года. Как Вы считаете, нынешняя Государственная дума оказывает или не оказывает влияние на жизнь страны? И если оказывает влияние, то какое – сильное или слабое, положительное или отрицательное?

Как Вы считаете, с момента избрания в 2003 году Госдума сделала для страны за время своей работы больше хорошего, полезного или больше плохого, вредного?

■ хорошего, полезного
■ плохого, вредного
■ затрудняюсь ответить

Одни считают, что сегодня Госдума поддерживает президента во всех его начинаниях. Другие полагают, что Дума принимает решения независимо от мнения президента. С какой из этих двух точек зрения – с первой или второй – Вы согласны?

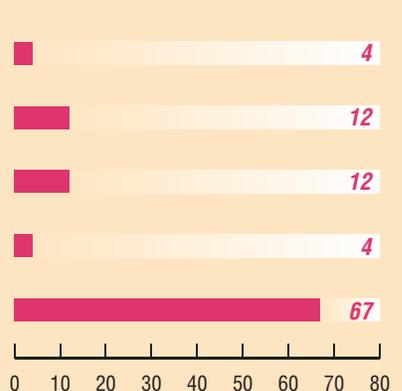

Какая думская фракция, по Вашему мнению, работает в нынешней Государственной думе ...

...лучше других?

...хуже других?

Вам интересно или неинтересно смотреть сюжеты и телепередачи, где освещаются события, связанные с работой Государственной думы?

В конце года состоится очередные выборы в Государственную думу. Вы лично собираетесь или не собираетесь принимать участие в этих выборах?

На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 21–22 апреля 2007 года. Выборка: 1500 человек

→ Окончание статьи.

Об удовольствии, полученном от выполненного дела или самого “производственного процесса”, будь то физический или умственный труд, на фокус-группах упоминали немногие. Среди них – бывший летчик, дополнительный плюс работы которого состоял в том, что она хорошо оплачивалась.

“...Сами поймите, летаешь – еще за это деньги получаешь” (ДФГ, Москва).

Молодой человек, занимающийся частным ремонтом и строительством, на вопрос модератора, бросил бы он свое нынешнее место работы или нет, если бы у него было достаточно денег, отвечает:

“Я не знаю, нет, наверное... Потому что мне это нравится. Мне нравится то, что у меня получается” (ДФГ, Самара).

Пожалуй, наиболее чистый случай такого рода мотивации продемонстрировала на фокус-группах пожилая женщина, трудовая деятельность которой была связана с научной работой. Не случайно она дала своеобразное определение работы¹¹, в котором не звучал ни мотив денег, ни даже удовольствия: *“сосредоточенность, терзания, поиск”*. Приведем фрагменты ее рассказа о своей жизни.

“1-я участница: ...У меня, к сожалению, получилось, что я жила ради работы. Но не сознавала, не понимала... У меня был обделен муж, у меня обделена дочь, я умею только два пирога печь.

...Вы сказали, что я была в состоянии постоянной эйфории, – это далеко не так... Я могу сказать, когда задача не идет, это, наоборот, состояние тягостное, удрученное, и вот с таким я и приходила домой, честно... Это все время поиск... А счастье – это мгновенье... Это есть такая песня – «это миг, ослепительный миг», это вот конец работы. А все остальное – тягостное. Так вот вся жизнь прошла.

2-й участник: Но самое главное – Вы довольны этим?

1-я участница: Довольна” (ДФГ, Москва).

В социологическом плане в этом примере нет неожиданностей. Известно, что особо большое место работа занимает в жизни людей высокообразованных – именно им чаще всего бывает доступна мучительная радость творческого труда. Характерно, что на вопрос *“Удовлетворены ли Вы Вашей нынешней работой?”* наибольший процент положительных ответов получен от людей с высшим образованием (табл. 3), и именно среди них, как мы видели ранее, меньше всего тех, кто оставил бы свое нынешнее место работы, будь у них достаточно денег (табл. 1).

Табл. 3. Удовлетворенность работой в группах по образованию

% от групп работающих (по столбцам)

	Все работающие	Группы по образованию среди работающих			
		ниже среднего	среднее общее	среднее специальное	высшее
Доли групп среди работающих, %	100	4	34	39	24
Удовлетворен(-а)	65	51 *	56	66	79
Не удовлетворен(-а)	32	27	43	30	20
Затрудняюсь ответить	3	22	1	3	1

* Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены жирным шрифтом и курсивом с подчеркиванием.

¹¹ В ответ на обращенную ко всем участникам фокус-групп просьбу в нескольких словах зафиксировать ассоциации, возникающие у них в связи с этим понятием.

Однако “право” на такое полное погружение в работу люди, как правило, признают за немногими – исключительными личностями, гениями, следующими своему особому пути и предназначению. К чрезмерной же увлеченности работой своих ближних они часто относятся с недоумением, подозрением, иронией – подобная самоотдача непонятна, ее житейский смысл непрозрачен. В этом отношении показательно, что жизненный путь нашей ученой героини один из ее собеседников интерпретировал как строительство карьеры.

“Дело в том, что у нее карьера, карьера, она на окружающую среду не обращает внимания... Вот нельзя, уперся ты в эту лешенку и идешь. Смотреть надо...” (ДФГ, Москва).

“Модератор: ...А если горят на работе, но только за моральное удовлетворение? Есть такие среди ваших знакомых?”

Участница: Да, есть такие. Им неважно там, какие условия, как и что. Сама какая-то идея, не знаю...” (ДФГ, Новосибирск).

“...у меня многие приятельницы – они состоят не в нужде, но они, жены, чтобы чем-то заняться, открывают фирмы там по торговле... Причем в эти фирмы больше денег приходится вкладывать, и мужья постоянно на них ругаются за это, заставляют их домашнюю работу еще выполнять – за то, что они их фирмы содержат. Но вот многие стремятся работать, хотя у них именно... наоборот, одни убытки от этой работы” (ДФГ, Новосибирск).

Если творческая самореализация в труде характерна для немногих, то что тогда реализуют в работе “обычные люди”? Зачем они стремятся работать, когда в этом нет острой необходимости? Здесь уместно вернуться к парадоксам, описанным выше. Напомним, что мы оставили без объяснения установку респондентов, не удовлетворенных своей нынешней работой, на продолжение трудовой деятельности – ни тех, кто (в той гипотетической материально комфортной ситуации, которую мы им предложили) намерен трудиться на прежнем рабочем месте, ни тех, кто готов его сменить¹².

В поисках ответа на этот вопрос следует, по-видимому, отойти от узкого понимания концепта “самореализация” как категории, имеющей отношение исключительно к раскрытию созидательно-творческого потенциала личности. Далеко не всегда то, что люди называют “реализацией в работе”, замыкается на содержании трудовой деятельности как таковой. Чувство реализованности или нереали-

¹² Проблема, напомним, состоит не в самой установке как таковой – нет ничего удивительного в том, что люди, которых в работе не удовлетворяет главным образом зарплата, готовы продолжать трудиться в случае полной материальной обеспеченности. Объяснения требует расхождения, которые наблюдаются в установках на продолжение трудовой деятельности между теми, кто удовлетворен своей работой, и теми, кого что-то в его сегодняшней работе не устраивает: в первой группе данную установку в целом разделяют 38%, во второй – 63%. Эти цифры были получены суммированием вариантов ответа “Продолжал(-а) бы работать по своей нынешней специальности, но в других условиях” и “Занялся(-ась) бы другим видом профессиональной деятельности” (см. табл. 2).

зованности в труде может оцениваться не только с точки зрения воплощения собственного “Я” – “в парходах, в строчках”, но и в ракурсе полноты и успешности трудовой биографии человека. В том, что люди говорят о своем отношении к работе, можно различить некий синдром трудовой этики, которая заставляет их воспринимать чувство удовлетворения от работы как показатель собственной социальной значимости. При этом не так уж важно, что лежит в основе этого чувства: материальные или моральные факторы (как мы увидим ниже, люди и не стремятся их разделять); главное – чтобы это чувство было и служило *оправданием* пройденного или выстраиваемого трудового пути.

В целом кажется очевидным, что для того чтобы подобная мотивация работала, она должна быть неким образом легитимирована, то есть встроена в определенный ценностно-мировоззренческий комплекс, значимый для личности, обладающий в отношении нее “*принудительной силой*”. В противном случае придется согласиться с Т. Вебленом в том, что у человека существует врожденный “инстинкт мастерства”, который “располагает людей к благосклонному взгляду на производительный труд”¹³, однако в этом вопросе нам кажется более убедительным методологический подход М. Вебера.

Когда-то в советском обществе ценность труда считалась бесспорной и выступала в общественном сознании как мера значимости человеческой личности. Сегодня это уже не кажется столь же очевидным и неоспоримым. Однако представление о труде как некоей обязательной деятельности по-прежнему задевает нечто важное в человеке. Люди пытаются дать этому обоснование, хотя не всегда успешно.

“1-й участник: *Для чего-то человек есть.*”

2-й участник: *Чтобы видеть дела рук своих*” (ДФГ, Москва).

“*Ну, выбираем судьбу – в России, в той стране, где мы живем, где нам придется жить по-любому как бы. Это уже наша судьба. То есть выбирает каждый себе какую-то... Чем больше возраст (я про себя говорю), тем хочешь оправдывать то, чем ты занимаешься, что это не зря*” (ДФГ, Новосибирск).

Что значит “не зря”, люди понимают по-разному. Отметим прежде всего отсутствующий аргумент: ни на фокус-группах, ни в ходе массового опроса не прозвучал общественно-коллективистский мотив трудовой деятельности – никто не обосновывал свой труд его общественной значимостью, не говорил о важности труда на благо общества¹⁴.

¹³ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 127.

¹⁴ Приведем единственную реплику, в которой можно заподозрить этот мотив: “*Я работаю для пользы большого количества людей*” (из ответов на открытый вопрос “*Чем Вас удовлетворяет Ваша работа?*”). Видимо, к этому же типу аргументации тяготеют и прозвучавшие на фокус-группе рассуждения инженера горноспасательной части, обслуживающей строительство новосибирского метро: “*...именно моральное удовлетворение от того, что ты вот – кто-то же должен этим заниматься, в общем-то... То есть, раз есть необходимость структуры такой, я вижу себя на своем месте и, в общем, удовлетворен...*” (ДФГ, Новосибирск).

Респонденты приводили мотивы частные, связанные с их личными интересами, стремлениями, ценностями. Это не значит, что все такого рода мотивы – эгоистичные. Существуют люди, для которых ценность их труда определяется пользой, приносимой окружающим (но – не “обществу в целом”)¹⁵.

“Она [работа] важна... только по той простой причине, что я знаю, что принесла пользу людям, конкретно пользу, что есть что вспомнить – что я конкретно сделала людям. И они обо мне вспоминают, я помогаю реально... Отношусь <к работе> хорошо, потому что меня уважают – и я уважаю. То есть вот это мне нравится... Нравится работать с людьми пожилыми, перенимать их опыт положительный. И приносить им пользу, реальную пользу. И не на словах, а на деле” (ДФГ, Москва, профессия участницы – социальный работник).

Обратим внимание на то, сколь тесно в рассуждениях участницы обсуждения связаны мотивы “приносить пользу людям” и “уважение со стороны окружающих” – которые это видят и ценят. Мотивация труда – вообще чрезвычайно сложный комплекс, в котором переплетены материальные, творчески-созидательные, социальные, социально-психологические и даже своего рода социально-этологические мотивы (о последних – чуть ниже). Сложный характер этого комплекса очевиден не только исследователю, но и “простым людям”.

“Модератор: А скажите, пожалуйста, что работа для Вас прежде всего – способ самореализации, или источник доходов, или способ общения с людьми, или что-то другое?”

1-й участник: *Или все вместе.*

2-й участник: *Все вместе, да!*

3-й участник: *Да.*

1-й участник: *Нельзя по одному направлению-то. Надо же все охватывать, все направления, и то, и другое. И не только себе приносить благо, но и людям надо давать”* (ДФГ, Самара).

Мотивация на продолжение трудовой деятельности в случае появления у людей свободы выбора – работать или не работать – особенно сильна у тех, кто не удовлетворен своей нынешней работой

Пожалуй, наиболее трудно эксплицируются те мотивы трудовой деятельности (именно их мы назвали бы социально-этологическими), которые связаны (а) со стремлением быть встроенным в определенную социально одобряемую рамку существования и (б) с потребностью в поддержании привычного режима жизнедеятельности. Показательно в этом отношении определение, данное участницей ДФГ из Москвы: работа – это “необходимая вещь для всех”.

Хорошим инструментом для выявления этого комплекса оказался вопрос “Если бы у Вас было достаточно денег, стали бы Вы тогда работать или нет?” Посмотрим, как отвечали на него участники групповых дискуссий. Помимо тех случаев, когда стимул к работе был заключен в самой деятельности (а таких случаев, напомним, немного), аргумен-

¹⁵ Много ли тех, для кого это важно (или кто думает, что для него это важно), сказать трудно. Во всяком случае, в ходе спонтанных ответов на вопросы, которые допускают подобную аргументацию, ссылки на пользу для окружающих звучали редко. Так, при кодировке ответов на открытый вопрос “Чем Вас удовлетворяет Ваша работа?” высказывания типа “хочу приносить пользу людям”; “я работаю для пользы большого количества людей” были, наряду с другими единичными мотивами, отнесены к категории “Другое”, общий статистический вес которой составляет 1%.

ты в пользу того, чтобы работать, сводились к двум типам: “А чем тогда заниматься?” и “Труд облагораживает человека”.

“Да нет! Представьте, просто сидеть целый день, в потолок плевать. Это ж невозможно... Представьте себе – вы утром встали и вам некуда идти. У вас денег много” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: Ну а чем-то ж нужно заниматься все равно. Это так кажется, но целый день не будешь, допустим, на том же диване лежать.”

2-й участник: Можно найти кучу занятий, кроме лежания на диване. Была бы такая возможность лично у меня – работать или делать то, что нравится, – я бы, конечно...”

1-й участник: Ну а что, например, нравится? Вот я, допустим, на лыжах катаюсь. Я не могу целую неделю на лыжах кататься, не выходя с них. Ну а что можно вот, чем заняться в свободное время?” (ДФГ, Новосибирск).

“Ну пусть даже у меня миллион каждый день в кармане лежал, на карманные расходы – а что, я должен в потолок плевать? Я должен чем-то заниматься... Я должен во Францию ехать и балдеть там, да? Нет, не подходит к моему характеру. Я просто приучен жизнью работать, понимаете? Меня не суть в принципе деньги волнуют, а главное – чтобы я был занят” (ДФГ, Самара).

“Даже если иметь семью, детей, все равно дома сидеть надоедает, мне кажется. И гулять тоже надоедает со временем” (ДФГ, Новосибирск).

“Если бы у меня был хороший достаток, я могла бы вообще не работать. Все равно в идеале для женщины, на мой взгляд, – это четырехчасовой рабочий день... Это было бы вообще очень хорошо. Потому что сидеть только дома – это утомляет” (ДФГ, Новосибирск).

“...нет, проблема немножко другая. Но я хочу сказать одно: в этом мире работа важна для воспитания человека... Работа облагораживает... все-таки труд облагораживает... Я и с немцами, и с французами, практически с половиной иностранцев сталкивался – везде нормальные люди трудятся. Нормальные люди везде трудятся, ненормальные – извините...” (ДФГ, Самара).

“...я считаю, труд нужен, иначе расплодятся тунеядцы. Труд дисциплинирует, к чему-то обязывает. А так будешь только: давай, давай... то и по дому ничего не будешь делать” (ДФГ, Самара).

Будучи, с одной стороны, глубоко укорененной и далеко, как мы видим, еще не размытой ценностью, а с другой – привычным модусом существования, работа организует пространство жизни и придает ей смысл. Так, женщина, 24 года проработавшая электромехаником по лифтам, просто не может увидеть себя в гипотетической ситуации обеспеченной праздности.

“Не знаю, нашла бы, что ли, другую работу... Без работы не знаю я как, не могу я. Как-то без работы... Нет, наверное, я до такой степени привыкла, сколько уже – 24 года на одном месте, и стаж, так что...” (ДФГ, Самара).

Молодой человек, жизненные приоритеты которого отданы семье (*“У меня на самом деле работа не на первом месте. У меня по приоритетам на первом месте семья”*), тем не менее утверждает: *“Работа – она всегда будет занимать какое-то место в жизни”* (ДФГ, Москва).

“...без работы нельзя существовать. Работа есть жизнь” (ДФГ, Самара).

“Когда у человека работу отнимают, он вообще не знает, чем... теряется вообще” (ДФГ, Самара).

“Сами знаете, если человек уходит на пенсию, бросает резко работу по-челу-то, у него и жизнь резко заканчивается, или начинает болеть... А человек, кто работает, работает, работает, он втянут в колею какую-то определенную. Он втянут в какую-то определенную колею, какие-то нормы определенные поведения и тому подобное. Поэтому даже без работы себя не представляю, честно говоря” (ДФГ, Самара).

“У нормального человека все налажено, тот, кто делает свою работу, – у него есть рабочий день, те же выходные, те же отпуска. Пришел домой – семья, жена, которая занимается больше домом, пришел – готовый ужин, подогретье тапочки” (ДФГ, Москва).

То, что является *“необходимой вещью для всех”*, порой бывает трудно воспринять именно в своей изначальной необходимости – то есть привычности, повсеместности, укорененности в общественном и индивидуальном образе жизни.

Показательны в этом отношении рассуждения молодого

участника фокус-группы из Новосибирска, который пытается дать внятное рациональное обоснование своему нежеланию постоянно бездельничать.

“Да любая деятельность, даже если гипотетически имеешь счет в банке хороший, если эта деятельность, еще ты сможешь ее продать и она принесет деньги на карман, – они не будут лишними, в общем-то. То есть и мне бы приносило удовольствие, если я что-либо бы сделал. После путешествия полугодового приехал бы – и что-нибудь поделал, и это принесло бы мне дополнительный доход, я бы рад был этому. Себя бы чувствовал удовлетворительным”.

Фактически деньги здесь – это попытка оправдания потребности в деятельности, смысл которой, возможно, не очень понятен самому этому человеку, ведь по “предлагаемым” условиям можно было бы безбедно путешествовать и год, и всю жизнь.

* * *

Пусть не очень понятно, зачем человек трудится, но очевидно, что ему сложно представить себя без работы. Возможно, правы те, кто утверждает, что в человеке *“настолько тяга к труду... заложена... что <он> на пределе, но все равно работает”* (ДФГ, Самара). А, может быть, *“мы... так воспитаны”*, что просто не умеем жить празднично? Или человек действительно существует для того, “чтобы видеть дела рук своих”? Или *“подогретье тапочки”* греют только после напряженного рабочего дня? ■

В комплексе трудовых мотивов, значимых для россиян, отсутствует обществено-коллективистский – никто сегодня не думает о своей работе как о деятельности на благо общества

Ревность – оборотная сторона любовных отношений. Конечно, в жизни одно не обязательно сопутствует другому (хотя, как правило, именно так оно и есть), но на уровне культуры эти две практики неразделимы. Ведь какими бы ни были представления о взаимном соотношении любви и ревности – что любви без ревности не бывает или что, напротив, настоящая любовь исключает малейшие ее проявления, – все равно, как видим, одно определяется через другое. А коли так, представления о распространенности ревности, о ее восприятии могут пролить свет и на особенности любовных практик. В конце концов, и то, и другое имеет прямое отношение к принятым формам сексуальной власти и правилам эмоционального обмена. Ведь ревность – свидетельство того, что право, которое некто считал своим, эксклюзивным, кажется ему попраным.

Е. Вовк

Несколько слов о ревности: *представления и эмоциональный опыт*

Согласно данным одного из опросов ФОМа¹, ревность – эмоция в нашей культуре довольно сильно распространенная: признают, что сами испытывали чувство ревности или что становились ее объектом, более половины опрошенных (57% и 54% соответственно), причем и среди тех, и среди других значительная часть утверждает, что такое случалось часто (22% и 28% соответственно).

Кстати, обратим внимание на то, что доли ревнующих и ревнуемых практически идентичны – а значит, вряд ли можно предположить, будто ревность расценивается как нечто постыдное. По крайней мере признаться в собственной ревности респонденты стыдятся не более, чем признать, что ревновали их. Характерно также, что в целом люди склонны связывать переживания ревности с особенностями собственного характера: более четырех пятых среди ревновавших часто (и даже среди ревновавших редко – каждый четвертый) сами себя признают ревнивыми. Вряд ли это было бы так, считайся ревность эмоцией недостойной, неодобряемой².

¹ Общероссийский опрос 3–4 февраля 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). В дальнейшем данные этого опроса приводятся без ссылки на источник.

² Людям вообще свойственно утверждать, что стремление делать что-то хорошее заложено в их характере и присуще им от природы, а неприглядные поступки случаются исключительно в силу обстоятельств. И действительно, те респонденты, кто считает ревность признаком настоящей любви (а значит “хорошей” эмоцией), именуют себя ревнивыми в разы чаще, чем те, кто считает, что при настоящей любви ревность не возникает.

Хотя осуждаемой эмоцией ревность, по-видимому, не является, назвать ее одобряемой тоже сложно. Более трети респондентов (37%) утверждают, что вообще никогда никого не ревновали; 22% говорят, что никогда не ревновали их (еще 23% затрудняются ответить на этот вопрос – а значит, скорее всего, явных проявлений ревности по отношению к себе они также не припомнят)³. Более того, на уровне установок и ценностей ревность считается скорее нежелательным чувством: выбирая из двух альтернативных мнений: “ревность – признак настоящей любви” и “при настоящей любви ревность, как правило, не возникает”, к первому респонденты присоединялись вдвое реже, чем ко второму (26% против 49% соответственно). Впрочем, говорить об однозначности мнений здесь не приходится: все же значительная часть опрошенных – каждый четвертый – склонны, по-видимому, считать, что без ревности любви не бывает, не ревнует – значит, не любит.

Когда речь заходит о конкретных случаях ревности, с которыми сталкивался сам респондент, перевес отрицательных оценок этой эмоции оказывается несколько более выраженным – но исключительно за счет снижения доли за-

трудняющихся дать ответ. И снова, каждый четвертый из тех, кого ревновали, ревность приветствует: 12% респондентов в целом по выборке заявили, что им это нравилось; не по душе это пришлось 32%.

На первый взгляд, ответы респондентов на открытый вопрос, почему им нравилась или не нравилась ревность в их адрес, свидетельствуют о том, что отношение к этой эмоции определяется именно представлениями о ее сочетаемости с “настоящей” любовью, с “нормальной” практикой близких отношений.

Так, те, кому обычно нравилось, что их ревновали, говорили, что ревность – это проявление любви, симпатии (“значит, человеку я не безразлична” – 6%), признак того, что тебя ценят, тобой дорожат (“беспокоится, выделяет из

всех”; “ощущаю свою ценность и важность”; “ревнует – значит, человек дорог” – 3%), и что в определенных пределах она даже лестна (“повышает мою самооценку”; “тешит самолюбие”; “это приятно, если не сильно” – 2%).

А вот те, кто негативно воспринимает проявления ревности к своей персоне, заявляли, что для ревности не было оснований (“без всяких причин потому что”; “если вас ревнуют к столбу”; “потому что беспочвенно” – 8%); что ревность раздражает и заставляет нервничать (“лишние расстройства”; “надоедает”; “напрягает и утомляет”; “нервирует такое отношение” – 6%), плохо сказывается на отношениях, приводит к ссорам и скандалам (“до конфликтов доходит”; “из-за ревности ругаются”; “начинается не нужное никому выяснение отношений” – 6%); что ревность – это проявление недоверия (“значит, человек мне не доверяет” – 4%) и попытка контроля, ограничения свободы действий (“всегда контролирует, куда иду и что делаю”; “нельзя ни с кем поговорить”;

³ Справедливости ради заметим, что и любить, судя по всему, выпадает не каждому: заявили, что им ни разу в жизни не доводилось влюбляться, 9% респондентов в возрасте 36–54 лет и 7% людей старше 54 лет.

Ревность – эмоция в нашей культуре довольно сильно распространенная: признают, что сами испытывали чувство ревности или что становились ее объектом, более половины опрошенных, причем и среди тех, и среди других значительная часть утверждает, что такое случалось часто

“получается какая-то зависимость”; “это чувства собственника” – 1%), что она оскорбляет и унижает (“обижает ревность”; “унизительно”; “это вызывает досаду”; “это вызывает злость” – 3%). Вряд ли, считай эти респонденты ревность признаком любви, они акцентировали бы внимание на негативных моментах (как не акцентируют на них внимание те, кому быть ревнуемым понравилось, – хотя и в их случаях ревность могла быть беспочвенной, приводить к скандалам, ограничению свободы и т. д.).

Впрочем, при более пристальном прочтении объяснений, почему респондентам понравилось или не понравилось быть объектом ревности, возникает гипотеза, что ревность – это, помимо прочего, властная практика; и быть ревнуемым нравится тем, кто, вызывая ревность, управляет таким образом другими, а не нравится – тем, кто оказывается в роли управляемого.

Кстати, даже среди тех респондентов, кто заявляет, что ревность – это признак настоящей любви, каждый третий отнюдь не радовался, оказавшись в роли ревнуемого. И это не единственный пример расхождения ценностных утверждений с поведением и практическими оценками. Например, более половины утверждающих, что при настоящей любви ревность не возникает (53% от этой группы), признают, что сами ревность испытывали, причем почти треть из них (15%) ревновали часто, и треть же вообще признают себя ревнивыми (18% против 35% не считающих себя таковыми)⁴.

Вряд ли все они были бы готовы согласиться, что любовь, которую они испытывали к объекту ревности и которая стала предпосылкой такого переживания, была ненастоящей. На наш взгляд, все это косвенно подтверждает гипотезу, что ревность практикуется и воспринимается не только (а может даже, и не столько) как эмоциональный знак, но и как форма власти.

Однозначно сказать, что на практике оказывается “выгоднее” – самому ревновать или вызывать к себе ревность, – довольно сложно. Посмотрим: вроде бы среди признающих себя ревнивыми доли тех, кому собственная ревность хоть когда-либо мешала, и тех, кому она никогда не мешала, достаточно близки по величине (15% и 11% по выборке соответственно). Вместе с тем становиться объектом ревности людям, как правило, не по душе: повторим, понравилось, что его ревновали, только одному из каждых четырех–пяти респондентов, оказывавшихся в такой ситуации, не понравилось – втрое большей доле (12% и 32% по выборке соответственно). Можно было бы сделать вывод, что своя ревность мешает меньше

⁴ Вопрос: “Вы считаете себя в принципе ревнивым или неревнивым человеком?” не задавался тем, кто, по их словам, никогда не испытывал этого чувства (то есть отвечали на него 63% от общего числа опрошенных).

Табл. 1 % от групп (по столбцам)

	Испытывали чувство ревности	
	часто	редко
Скажите, пожалуйста, Вам в жизни когда-либо мешало или никогда не мешало то, что Вы ревнивый человек?		
Мешало	50	10
Не мешало	28	13

Табл. 2 % от групп (по столбцам)

	Были объектом ревности	
	часто	редко
Вам чаще нравилось или не нравилось, что Вас ревновали?		
Не нравилось	62	58
Нравилось	25	20

Табл. 3 % от групп (по столбцам)

	Мужчины	Женщины
Вам чаще нравилось или не нравилось, что Вас ревновали?		
Нравилось	10	15
Не нравилось	30	34
Скажите, пожалуйста, Вам в жизни когда-либо мешало или никогда не мешало то, что Вы ревнивый человек?		
Мешало	13	16
Не мешало	12	10

(а нравится – больше), чем чужая. Однако это различие сгладится, как только мы учтем, сколь часто человек оказывался в соответствующей ситуации: выясняется, что регулярно переживать ревность людям столь же неприятно, как и видеть ревность в свой адрес (табл. 1, 2).

Любопытно, кстати, что чужая ревность респондентам одинаково нравится или не нравится вне зависимости от того, сколь часто приходилось бывать ее объектом. А вот оценки собственной ревности зависят от частоты ее возникновения; не исключено, что в качестве редкой эмоции ревность не только не портит, но в ряде случаев даже украшает жизнь.

Говоря о ревности как форме власти, нельзя обойти вниманием ее гендерный аспект. Согласно полученным данным, статистически ревнивость не связана с полом. Мужчины не чаще, но и не реже женщин говорили, что им случалось мучиться ревностью или же быть ее объектом. А вот в эмоциональных оценках ревности определенные различия присутствуют: женщины несколько чаще мужчин радуются ревности в свой адрес – и при этом несколько чаще жалуются, что собственная ревнивость им мешает (табл. 3).

Такое, в частности, могло бы объясняться тем, что ревность действительно, как мы предположили выше, практикуется как форма власти и женщинам лучше удавалось управлять противоположным полом, вызывая ревность, а мужчинам – ее, ревность, демонстрируя. Не исключено, что так оно и есть.

Но, пожалуй, даже гендерные различия в практике и восприятии ревности не столь интересны, как различия межпоколенческие. Обнаруживается, что молодые считают ревность гораздо более приемлемой и даже желанной эмоцией, чем люди среднего и пожилого возраста: они чаще говорят, что ревновали сами или видели ревность в свой адрес, чаще называют себя ревнивыми и чаще радуются, когда ревнуют их самих, чаще утверждают, что ревность – это признак настоящей любви. Приведем таблицу (табл. 4), иллюстрирующую наши наблюдения (для простоты и наглядности возьмем только две крайние возрастные группы).

Табл. 4

% от групп (по столбцам)

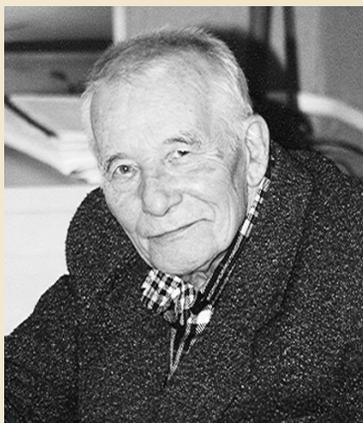
	Возраст, лет	
	18-35	55 и старше
Скажите, пожалуйста, Вы лично ревновали или никогда не ревновали? И если Вы испытывали это чувство, то часто или редко?		
Никогда не ревновал(-а)	30	47
Часто	28	15
Редко	37	27
Вы считаете себя в принципе ревнивым или неревнивым человеком?		
Ревнивым	36	17
Неревнивым	29	28
Вас когда-нибудь в жизни ревновали или никогда не ревновали? И если ревновали, то часто или редко?		
Никогда не ревновали	16	32
Часто	35	19
Редко	27	21
Вам чаще нравилось или не нравилось, что Вас ревновали?		
Нравилось	18	7
Не нравилось	33	26
Одни считают ревность признаком настоящей любви. Другие считают, что при настоящей любви ревность, как правило, не возникает. Какая точка зрения – первая или вторая – Вам ближе?		
Первая	33	18
Вторая	44	50

Может быть, эти межпоколенческие различия – одно из отражений изменений, произошедших в последние десятилетия в сфере любовных и брачно-семейных отношений? Ведь если отношения партнеров более или менее жестко регламентированы внешней нормативной рамкой, как это было раньше, функциональной нужды в ревности не возникает. В этом случае она скорее дисфункциональна: чем обязательнее моногамия и верность, тем более аномальными (а значит, тем менее допустимыми) должны считаться и само чувство ревности, и поводы для него. Если же отношения между полами зыбки и верность проблематизирована, а желание партнеров оставаться вместе должно, как утверждают современные теоретики, непрерывно подтверждаться, то тогда она действительно может оказаться одним из важнейших спутников и свидетельств любви. ■

MAN OF F E

У нас в гостях

Владимир Александрович Ядов

Ведущий российский социолог, специалист в области социологии труда и экономической социологии, автор первого в России учебника по методологии социологического исследования: “Стратегия социологического исследования”. Этот учебник до сих пор является базовым для социологических факультетов в России.

Окончил Ленинградский государственный университет. В конце 50-х годов организовал лабораторию социологических исследований при ЛГУ, которая впервые в СССР стала изучать трудовую мотивацию и ценностные ориентации. Занимал руководящие посты в Международной социологической ассоциации, Международном институте социологии, Европейской ассоциации экспериментальной психологии, возглавлял Российское общество социологов, Институт социологического образования Российского центра гуманитарного образования, работал в качестве эксперта международных и российских научных фондов, председателя Диссертационного совета, члена Высшего аттестационного комитета РФ. С 1988 по 2000 год – директор Института социологии РАН. С 2000 года – декан факультета социологии Государственного университета гуманитарных наук.

В феврале этого года Владимир Александрович был гостем ФОМ-Клуба и любезно согласился ответить на вопросы. Материалы дискуссии полностью можно увидеть на странице ФОМ-Клуба: <http://club.fom.ru/guest.html?id=42>

Теоретическая социология

Г. Битюкова. Уважаемый Владимир Александрович!

Как Вы считаете, почему социология в России отличается от социологии, которую преподают в западноевропейских и американских университетах? А именно – российская социология ориентирована на прикладные методы исследования, а не на развитие теоретической социологии? Есть ли какие-либо рациональные объяснения тому, почему Россия опять идет “своим” путем в области социальных наук, занимающихся изучением, исследованием современного общества?

В.А. Ядов. В Европе и США ориентация университетов на “полезное знание”, то есть прикладные прагматические субдисциплины в социологии уже являются реальностью. Теоретическая социология студентов не привлекает. Так что Россия в этом смысле идет не своим, а скорее прозападным путем. Рынок – он и есть рынок: молодые социологи хотят иметь приличные доходы.

РОС, РоСА и проч.

А. Половнев. Уважаемый Владимир Александрович!

На Ваш взгляд, есть ли противоречие в одновременном существовании организаций: Российское общество социологов, Российская социологическая ассоциация, Сообщество профессиональных социологов и пр.? Что у них общего и в чем их различия? Насколько необходима интеграция российских социологов в рамках одной организации?

В.А. Ядов. После распада СССР на волне плюрализма и гласности периода перестройки в социологическом сообществе, как и в политике, образовались разные центры притяжения. Новые социологические объединения – продукт активности их лидеров. Различия, несомненно, имеются. Например, Социологическое общество им. Ковалевского объединяет преимущественно вузовских социологов, а Профессиональное сообщество социологов – своего рода клуб профессуры. Кроме того, действует и корпорация исследователей общественного мнения и маркетинга.

Руководство позже других созданной Российской социологической ассоциации ориентируется на общенациональное представительство в конкуренции с Российским обществом социологов РОС.

По инициативе РОС в начале 90-х предпринимались попытки хотя бы скоординировать действия социологических объединений. Однако это удалось сделать лишь при подготовке первого общероссийского конгресса в Санкт-Петербурге. Сегодня РОС как преемник Советской социологической ассоциации зарегистрирован при РАН, из бюджета которой выплачиваются взносы в МСА, и является ее полноправным членом в статусе “А” – представителя национального сообщества. Другие социологические объединения могут получить в МСА статус “В” наряду с отдельными научными центрами. Этот статус не дает права голоса при выборе руководства международной ассоциации.

Наличие разных профессиональных объединений не препятствует отдельным социологам быть членами нескольких из них, а соревнование между сообществами внутри страны стимулирует их коллективную активность. Я не стал бы драматизировать нынешнюю ситуацию, так как сосуществование нескольких профессиональных объединений не препятствует развитию социологии.

С вопросом к старейшине социологической науки

Г.Г. Батыгин. Уважаемый Владимир Александрович, спасибо за предоставленную возможность задать Вам вопрос.

Какой прогноз Вы могли бы дать относительно развития социологии в России, преемственности, сохранения и развития социологических научных школ?

В.А. Ядов. Я думаю и почти уверен, что молодое поколение социологов, получающее более или менее нормальное образование (зависит от учебного заведения), работающее в Интернете и хорошо владеющее иностранными языками, в ближайшее десятилетие обеспечит равноправное положение отечественной социологии в ми-

ровом сообществе. Коль скоро в числе нынешних студентов имеется примерно пятипроцентная доля, как их называл Геннадий Семенович Батыгин, “придурков”, то есть увлеченных самим процессом творчества, серьезной наукой, то можно ожидать и “собственных ньютонов”, оригинальных теоретиков и методологов. Примеры уже есть в поколении 30-летних коллег. Недостаток публикационной активности в международных журналах.

Относительно научных школ – ясно, что там, где они уже сложились, они скорее всего будут продуцировать последователей. Например, школы Т. Заславской, В. Ярской-Смирновой получили широкое признание у нас и за рубежом. Мой жизненный опыт подсказывает, что немало важно активное участие основателя школы в работе его “команды”. Уход лидера иногда оборачивается расколом и борьбой его последователей за статус “мэтра”.

Разочарование

А. Зайсман. Здравствуйте, Владимир Александрович!

Меня зовут Анна, мне 21 год, учусь на факультете социологии УРГУ. Недавно на занятии по методологии социологического исследования наш преподаватель приводил какие-то примеры, и я ощутила, что вся социология высосана из пальца, что она просто ворует хлеб у таких наук, как психология, философия и др. А если я все же заблуждаюсь, то как разграничивать ее с той же психологией? Я не знаю, как быть, ведь это специальность, которой я обучаюсь, к тому же сейчас мне нужно выбрать тему курсовой, но все мне кажется таким натянутым и бессмысленным.

В.А. Ядов. Социология, как и другие гуманитарные и естественные науки, активно применяет и концепции, и методологию, и фактуальные данные других областей знания. Об этом отлично свидетельствует недавно изданный на русском учебник П. Штомпки. Выбирая тему курсовой, ориентируйтесь на проблему, а в самой работе постарайтесь использовать и социологические, и иные подходы.

Социология на службе государства

А. Габриелов. Уважаемый Владимир Александрович!

Сперва хочу сказать, что был очень рад представившейся возможности задать Вам вопрос. Большое спасибо Вам и людям, создавшим ФОМ-клуб, за эту возможность!

Вопрос такой. Как об идеале часто говорят о государстве, в котором власть принимает решения, советуясь с социологами и строго ориентируясь на социологические исследования. Я считаю, что это и есть выражение высшей цели социологии – помощи обществу. Но, к сожалению, на практике мы такого не видим. Возможно ли, на Ваш взгляд, осуществление этого принципа в реальной жизни?

В свое время В. Шубкин, сравнивая социологию с зеркалом общества, сказал, что ЦК КПСС не желает смотреть в это зеркало, а Б. Грушин выразился еще решительнее: социологи напоминают ученый совет при Чингиз-хане

В.А. Ядов. В свое время В. Шубкин, сравнивая социологию с зеркалом общества, сказал, что ЦК КПСС не желает смотреть в это зеркало, а Б. Грушин выразился еще решительнее: социологи напоминают ученый совет при Чингиз-хане.

Сегодня ситуация иная, и власти часто обращаются к социологам, субсидируют некоторые исследования. Но мне представляется, что данные по итогам этих исследований используются в основном тогда, когда они совпадают с заранее принятыми решениями. Пока нет полноценного гражданского контроля и прозрачности в подготовке важных решений, социология не способна выполнять свою гражданскую функцию иначе, как путем публичного обсуждения действий власти, что и делают многие наши коллеги, например на ежегодных конференциях в Московской высшей школе экономических и политических наук (на днях состоялась 14-я такая конференция). Мы должны обращаться

в своих публичных выступлениях именно к обществу, а гражданское общество должно осуществлять полноценный контроль над властными структурами. Верю, что такое время когда-нибудь наступит, но лишь при активном и солидарном действии граждан. Сейчас наше общество крайне дезинтегрировано.

Есть ли в России что-то дороже нефти?

С. Морозов. Владимир Александрович, как Вы считаете, существуют ли в России силы, направленные на сдерживание или противостояние процессам дикого индивидуализма, утере коллективных и нравственных ценностей?

Как вообще можно оценивать тенденцию последних десятилетий в сфере человеческих идеалов? Что происходит – разрушение под лозунгом просвещения или поиск чего-то своего?

В.А. Ядов. Думаю, что происходит противоборство разных идеологий и систем ценностей. В этом смысле, как пишет А. Ахиезер, Россия – расколота страна, начиная с дискуссии между западниками и славянофилами... Наш менталитет склонен к утверждениям типа “приемлемо” либо “неприемлемо”. Конфуцианская традиция, напротив, предполагает поиск “золотой середины”. Гайдар пошутил однажды, отвечая на вопрос, почему мы не проводим реформы так ус-

Пока нет полноценного гражданского контроля и прозрачности в подготовке важных решений, социология не способна выполнять свою гражданскую функцию иначе, как путем публичного обсуждения действий власти

пешно, как китайцы. Он сказал, что у нас... слишком мало китайцев.

В современном глобальном мире Россия должна обрести именно свой путь, совмещающий традиции и тенденции развития передовых постиндустриальных стран. Это очень нелегко и потребует исторического времени.

Социология и меметика

С. Балакин. Уважаемый Владимир Александрович!

Хотелось бы узнать Ваше мнение о меметике. Если Вы признаете ее положения, то можно ли, на Ваш взгляд, говорить о роли мемов в исследовании социальных и иных общественных процессов, в первую очередь в культуре, науке и политике?

В.А. Ядов. Мне неизвестно применение мемов в математических операциях с социологическими данными. Феноменологи применяют это понятие для обозначения сложносмысловых образований, в отличие от семов – элементарных смысловых единиц.

О роли социологии и социологов и критериях научности

Л. Путилло. Уважаемый Владимир Александрович, мои вопросы касаются роли российских социологов в определении концептуальных оснований социальной политики государства.

Что Вы можете сказать об участии российских социологов, возможно, лично Вашем, в такой работе? Не взаимодействовали ли Вы с международной комиссией по социальным проблемам переходного периода (при правительстве Е. Гайдара), которую возглавлял известный социолог М. Кастельс?

И, если это Вас не затруднит, еще вопрос. Насколько понимаю, Вы придерживаетесь точки зрения, согласно которой в современной парадигме социологического знания критерием его научности является ясность исходных посылок и методологии, а критерием обоснованности – неоднозначность, множественность объяснения изучаемых феноменов.

Означает ли это, что современная социология способна обходиться без стройной непротиворечивой теории и интерпретировать факты в рамках многочисленных дискурсов? Признавая множественность дискурсов, мы должны признать и множественность интерпретаций фактов. Не лишается ли в таком случае смысла требование профессионального кодекса социолога, запрещающее умышленное искажение фактов?

В.А. Ядов. Ответ на первый вопрос.

Лично я при Гайдаре участвовал в экспертном совете, который и пригласил Кастельса и двух других ученых в Россию для консультаций. После нескольких дней работы Кастельс изложил Гайдару ряд рекомендаций, в числе которых был совет не торопиться с ликвидацией прежних нерыночных структур (имелся в виду Госснаб), а создать конкурентную ситуацию между свободным рынком и госпланированием. Предприятия ВПК на свободный рынок без конверсии выйти не смогут. Гайдар не прислушался к этому совету и сказал примерно так: надо как можно скорее взломать прежнюю систему (шоковая терапия). Результаты известны: невыплаты зарплат и т. д.

Ответ на второй вопрос.

Множественность интерпретаций отнюдь не равноценна искажению фактов, но лишь способствует более полному их пониманию. Фраза насчет однозначности пусть остается в лексиконе В. Жириновского, но не социолога.

Формирование потребностей

М. Говорухина. Здравствуйте, Владимир Александрович.

Часть Ваших исследований касалась проблемы формирования потребностей. Каковы, по Вашему мнению, основные механизмы подобного процесса? У екатеринбургского социолога А.В. Меренкова есть работа “Личность: формирование потребности в нравственном развитии”. Как Вы считаете, существуют ли механизмы формирования подобных потребностей?

Спасибо.

В.А. Ядов. Механизмы формирования потребностей в самом общем виде имеют онтогенетическую (наследственную) и, главное, филогенетическую природу. Сосуществует множество теорий. Бихевиоризм утверждает принцип научения – чем чаще возникает ситуация, вызывающая потребность, тем скорее она закрепляется. На этом и строится реклама. Абрахам Маслоу в гуманистической концепции потребностей предлагает идею их иерархии от элементарной потребности жизнеобеспечения к потребности вхождения в группу, далее – быть в ней оцененным (по-

требность в любви как признании и симпатии), и на высшем уровне – потребность в творчестве и влиянии на других. Имеется также закономерность “перехода мотива действия на его цель”, сама цель может превратиться в потребность. Так, некоторые люди из потребности самовыражения

Гайдар пошутил однажды, отвечая на вопрос, почему мы не проводим реформы так успешно, как китайцы. Он сказал, что у нас... слишком мало китайцев

и расширения своего влияния на других первоначально стремятся обрести власть, а затем власть превращается в самоценную потребность.

Решающую роль в формировании потребностей играют культура и субкультуры, в которых социализируется индивид. Например, уверенность верующего мусульманина в том, что, совершив благое дело, он сразу предстанет перед Аллахом, побуждает не страшиться смерти (сравните с теорией Маслоу).

Я не читал А. Меренкова, но утверждаю, что общепринятой теории потребностей нет, многие теории взаимно дополняют друг друга.

Не был ли все же прав Маркс?..

Д. Варзоновцев. Дорогой Владимир Александрович!

Согласитесь ли Вы, что современный русский капитализм лишен какого бы то ни было гуманитарного момента? Управляющие в силу данных им возможностей командуют, а управляемые соответственно типу командования реагируют. Переход от социализма к капитализму не решил проблему освобождения инициативы, не создав нормальных форм менеджмента. И как результат – возрождение мотивации к труду времен застоя.

Я работаю в Болгарии, там этот процесс идет с полной силой. Эксплуатация тупая и криминальная – рабочие бесправны. При этом считается, “что жить стало лучше, жить стало веселей”.

Пока есть у России нефть, так, наверное, и будет. Но демотивированный труд на всех уровнях

ориентирован на деньги, на положение, на власть – не на работу.

Так что, может быть, Маркс все же был прав, говоря об абсолютном обнищании рабочего класса, – сегодня не столько, может быть, бытовом, сколько духовном. Мой сын работает в самой современной области IT, но его культурный кругозор становится все более разомкнутым, фрагментарным. Фирма гонит свое, и сыну уже некогда творить интересные решения. Зато ездит на BMW не первой свежести и “преуспевает”.

Нанятые “дизайнеры-технологи” способны уничтожить плоды труда многих просто потому, что рынку не нужны интересные идеи, нужны “правильные”.

И совсем ученический вопрос: Вы что-нибудь определенное о структуре постсоветского общества в России могли бы сказать?

Всего Вам самого доброго.

В.А. Ядов. На эти темы написаны сотни статей и книг, включая мои. Рекомендую читать издания Московской школы экономики и социальных наук под общим названием “Куда идет Россия”, в большинстве под редакцией Т.И. Заславской.

Ангажированность науки и имущественные права труда

А. Басов. Уважаемый Владимир Александрович!

Советскую науку обвиняют в ангажированности и приводят этому множество примеров. Бог с ней, это дело прошлое. Но меня интересует также и степень ангажированности науки сегодня, в том числе и вашей. Необязательны подробности и примеры. Просто интересно знать, испытываете ли Вы или Ваши коллеги из других наук давление (прямое, косвенное, давление ситуации), препятствующее если и не объективности научной деятельности, то объективному публичному отражению ее результатов – как со стороны науки, так и со стороны СМИ?

В.А. Ядов. Мой друг Геннадий Батыгин, светлая ему память, шутил, что социологи, как и собаки, делятся на служебных, сторожевых, охотничьих и декоративных. Лично я и мои ближай-

шие коллеги работаем в согласии с нашим профессиональным кодексом, запрещающим умышленное искажение фактов.

Социология труда и профессий: актуальность в современных условиях

О. Гурина. Уважаемый Владимир Александрович! Возможность задать Вам вопрос – это большая удача, за что огромная благодарность ФОМ-Клубу. Ваша “Стратегия социологического исследования” – моя настольная книга. Поэтому Ваше мнение очень авторитетно для меня.

Я знаю, что Вы много занимались исследованиями различных профессиональных групп (инженеров, рабочих). Я же в своей диссертации изучаю профессиональную группу специалистов по социальной работе, появившуюся в нашей стране совсем недавно. В связи с этим хотелось бы узнать Ваше мнение: насколько актуальна данная тема в современных условиях? Существуют ли некие общие закономерности формирования и развития различных профессиональных групп? Или каждая из них проходит свой путь?

Позволю себе узнать Ваше мнение еще по одной проблеме. Мне предложили работу в социологической лаборатории, специализирующейся на исследованиях в сфере трудовых отношений, социального партнерства, профсоюзного движения. Поскольку Вы являетесь специалистом в данной области, то, наверное, сможете ответить на следующие вопросы: насколько востребованы сегодня подобные исследования? Заинтересованы ли работодатели в их проведении? Существует ли возможность внедрения результатов таких исследований в практику предприятий, организаций, учреждений? Для меня это очень важно, поскольку хотелось бы видеть реальные результаты своего труда.

Заранее благодарю Вас!

В.А. Ядов. По первой группе вопросов.

Тема о социальных работниках, я уверен, достойна внимания. Есть и общие, и особые характеристики профессий. Вы должны знать литературу.

По второй группе вопросов.

Это исключительно важное направление, и уже появились руководители предприятий, понимающие, что основной капитал на производстве – сами работники. См. нашу книгу “Становление трудовых отношений в постсоветской России” (2005 год).

Каковы объективные черты социальной материи?

Б. Майоров. Уважаемый Владимир Александрович!

Не могу найти в научной литературе характеристик (признаков) социальной материи как движения. Многие социологи называют движениями, на мой взгляд, всего лишь течения внутри социального движения, например, профсоюзное, женское, политическое...

Каковы объективные характеристики движения социальной материи как способа ее существования? На какой основе можно анализировать социальную материю тех или иных стран, регионов и всей Земли?

В.А. Ядов. Это философское диалектическое определение, которое не поддается (как и любое иное философское понятие) переводу на язык конечного числа эмпирических индикаторов.

Социологические исследования

Е. Гринько. Уважаемый Владимир Александрович!

На данный момент в России получили популярность маркетинговые исследования, изучающие в основном потребительское поведение, рынок услуг, популярность тех или иных продуктов. Как Вы думаете, в перспективе в каком направлении будут развиваться социологические исследования и какие исследования будут более востребованы и прибыльны?

Спасибо за ответ!

В.А. Ядов. Изучение рынка спроса на разные товары в рыночном обществе необходимо всегда, но особенно прибыльны те направления, что определяются конъюнктурой предложения и спроса на данный момент в данном регионе. Предложение порождает или не порождает спрос. В этом и есть задача маркетинговых исследований.

Балансовые характеристики социологии и управления

Г. Витрук. Здравствуйте всегда, Владимир Александрович!

Сегодня действует традиционная классификация наук как таковых (например, естественные науки, социальные науки). Вместе с тем определения науки, сформулированные в разных источниках, определяют научную деятельность как свойственную именно человеку и человеческому сообществу. Вопрос: то есть все науки социальны по своей сути, это, так сказать, сверх традиционной классификации наук (внешние условия внутренней классификации)?

Одновременно с этим любое сообщество своим существованием предопределяет использование каких-либо принципов (законов) управления. Однако в традиционной классификации наук и в образовательных системах нет такого предмета, такой науки, как “управление”. За-

Множественность интерпретаций отнюдь не равноценна искажению фактов, но лишь способствует более полному их пониманию. Фраза насчет однозначности пусть остается в лексиконе В. Жириновского, но не социолога

коны управления есть, а науки управления нет? При этом есть наука социология.

Вопрос: управление – это наука? Или “управление” недостойно считаться самостоятельной научной дисциплиной – наравне с социологией, физикой и т. д.?

Социология – как наука о взаимодействиях – в конце концов приводит к тем или иным способам управления этими взаимодействиями. Социология – это наука об управлении?

Каковы, на Ваш взгляд, соотношения социологии и управления на практике и в теории? Например, хороший социолог – это хороший управленец? И наоборот, хороший управленец – это хороший социолог?

В.А. Ядов. Да, если иметь в виду источник научных идей – он социальный. Но науки подразделяются по предмету изучения, каковые

не фиксируются навечно и появляются все новые. Сейчас имеется целое гнездо исследований в области менеджмента, учебные пособия и учебные заведения. Наука об управлении привлекает знания из экономики, социологии, психологии, культурологии...

Возможна ли социология общественных зданий?

К. Лаврова. Уважаемый Владимир Александрович!

П. Сорокин считал, что нельзя изучать социологию зданий, П. Бурдьё предлагает понятие “социальное присвоение пространства”. Я изучаю историю библиотечных зданий (их форму, историю строительства и т. д.). Анализ

Социологический анализ символических социальных значений и культурных смыслов некоторых зданий – несомненно, достойный предмет изучения. Высотка Газпрома в Москве и планируемый к строительству небоскреб Газпрома в Петербурге – тоже небезыңтересные объекты такого исследования

недавних крупных построек, например в Беларуси, показывает, что “Черный бриллиант” за 200 млн долларов построен не столько для самой библиотеки, а как символ государственной независимости, как попытка изменить образ Лукашенко (тиран не строит библиотеки и т. д.). Активное обсуждение строительства “Замка света” в Риге (новое здание национальной библиотеки) четко показывает, что противники и сторонники его строительства – это граждане и неграждане. Правомерно ли рассматривать социологию библиотечных зданий?

В.А. Ядов. Социологический (феноменологический) анализ символических социальных значений и культурных смыслов некоторых зданий, включая библиотечные, – несомненно, достойный предмет изучения. Высотка Газпрома в Москве и планируемый к строительству небоскреб

Газпрома в Петербурге – тоже небезыңтересные объекты такого исследования.

Пока не образуется сообщество исследователей в этом направлении и не будет предложена соответствующая теория, говорить о социологии архитектуры, а тем более – собственно библиотечных зданий, преждевременно.

Научная степень в ненаучных кругах!

А. Погорелов. Уважаемый Владимир Александрович!

Как Вы думаете, зачем нужна ученая степень современному бизнесмену или политику? Не секрет, в последнее время многие люди, не включенные в структуру научного сообщества, стремятся получить степень кандидата наук или даже доктора!

И также хотелось бы узнать у Вас как у человека достаточно известного и уважаемого в научном сообществе, что для Вас значит эта самая научная степень?

В.А. Ядов. Профессионализм, который удостоверяется ученой степенью, в современном обществе ценится как значимый личностный ресурс. Правительство принимает меры к повышению оплаты труда преподавателей и научных работников с ученой степенью (специальные надбавки). Думаю, что и в областях, с наукой не связанных, ученая степень как свидетельство творческих способностей человека – далеко не лишний капитал. Разумеется, здесь не имеется в виду “липовая” степень ученого.

Опросы в Интернете

А. Пустоходова. Здравствуйте, Владимир Александрович!

Я занимаюсь исследованием социального взаимодействия посредством информационных технологий. Данное взаимодействие обладает своими плюсами и минусами, но для многих участников ФОМ-Клуба это большая удача – задать вопрос Вам. Мне хотелось бы узнать, как Вы относитесь к опросам в Интернете? Насколько полученная информация надежна и отражает измеряемую картину, на Ваш взгляд?

В.А. Ядов. Интернет-опросы имеют большое будущее. Сегодня, думаю, они вполне представи-

тельно при опросах студентов. Был проведен опрос сотрудников РАН на тему их отношения к планам реорганизации Академии. В США методологи активно работают над проблемой повышения надежности и репрезентативности интернет-опросов. Подобные исследования необходимы и в России.

Контроллинг персонала

В. Буров. Уважаемый Владимир Александрович. Хотелось бы узнать, известны ли Вам примеры систем управления персоналом, использующие учет социальных параметров. В RP-системах персонал рассматривается как ресурс или даже как статья расходов. Очень много говорится об учете таких факторов, как отношение к труду, об управлении трудовым поведением, но есть ли что-то реализованное на практике?

В.А. Ядов. Такие системы, то есть жесткие программы, мне неизвестны. Однако в современных социологических концепциях относительно трудовых отношений как области социологии труда – и менеджмента в частности – проблема-

тика стимулирования трудового поведения с учетом личностных особенностей работников, особенностей национальной культуры и субкультуры данной организации стала приоритетной. В последние годы руководство ряда крупных фирм и компаний начало заказывать социологам целевые исследования для оптимизации работы с персоналом. Рекомендую обратиться к только что опубликованному изданию “Социология труда: теоретико-прикладной толковый словарь” (СПб.: Наука, 2006).

Благодарность

Р. Расулов. Уважаемый Владимир Александрович, хотелось задать уйму вопросов, но все вопросы – с ответами. Ваши научные труды дают ответы.

Просто от души хотелось пожелать Вам кавказского долголетия и выразить огромную благодарность за Вашу научную деятельность, которая подталкивает к творчеству.

Еще раз от души спасибо Вам, Владимир Александрович, за то, что Вы есть!!! ■

ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЕ ТОВАРЫ В СЕГОДНЯШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

Сегодня нередко приходится слышать о проблеме контрафакта, фальсификатов, подделок – о продукции, про которую сообщают заведомо недостоверные или ложные сведения (о ее качественных характеристиках, составе, производителе и т. д.). Актуальна ли эта проблема для рядовых потребителей?

Подавляющее большинство опрошенных – 84% – считают, что поддельные, фальсифицированные товары продаются у нас часто. Только 4% сказали, что такие товары встречаются редко, и еще 4% – что они вообще не

встречаются. При этом преобладает мнение, что и отечественные, и импортные товары оказываются подделками одинаково часто (54% ответов); 23% опрошенных считают, что подделываются чаще импортные товары, 9% – что отечественные.

Респондентов спросили, среди каких товаров, на их взгляд, особенно много подделок (вопрос задавался в открытой форме). 44% опрошенных сказали, что это продукты питания (в частности, мясные и молочные продукты, консервы и т. д.), 31% – назвали лекарства и медикаменты. 21% – одежду, столько же – спиртные напитки. Реже упоминались бытовая техника и мобильные телефоны (13% ответов), обувь (10%), табачные изделия (9%),

косметика и парфюмерия (5%). Остальные категории товаров – аудио- и видеопродукцию, бытовую химию, автозапчасти, напитки, детские товары и др. – отнесли к числу наиболее часто подделываемых по 1–4% опрошенных.

Примерно половина респондентов – 53% – сообщили, что за последний год им случалось приобретать поддельные товары (продукты питания – 17%, лекарства – 9%, обувь – 7%, одежду – 6% и т. д.). Треть из тех, кому довелось купить подделку (17% от выборки), пытались обменять купленный товар или вернуть назад уплаченные за него деньги. В половине случаев (9%) это им удалось, в половине (8%) – нет.

Е. Вовк

Общероссийский опрос населения от 21–22 октября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

О нашем журнале

Мы спросили некоторых наших профессиональных читателей и опытных коллег, что они думают о нашем журнале. Попросили рассказать, материалы на какие темы они хотели бы прочитать и какие исследования хотели бы заказать ФОМу, будь у них такая возможность. Вот что они ответили...

Татьяна Малкина, главный редактор журнала “Отечественные записки”

И у вас, и у нас, конечно, читатели хорошие в основном. Но много тех, кого не только наш, но и ваш журнал смертельно раздражает, потому что он не предлагает подтверждения уже готовых ответов, которые имеются у людей, или обоснования давно сформировавшихся у них воззрений, а напротив, приводит какие-то данные, которые идут вразрез с этим. Неприятно, некомфортно и не нужно никому...

Нет привычки серьезно думать, и думать объемно, а не скакать за однозначными линейными ответами на вопросы. Это, я считаю, главная проблема, с которой и вы, я уверена, сталкиваетесь, когда воспринимаете реакцию на ваш журнал. Люди с безумным усердием пытаются на всякий вопрос найти ответ желательного из серии “да” или “нет”. В крайнем случае – “не знаю”. А осознания того, что *есть многие вопросы, на которые в принципе нет ответа*, – его нет. И более того, само предположение о принципиальном отсутствии однозначного ответа сразу вызывает чудовищное отторжение. Что значит – нету? Как нету? Самый классический пример такой темы, которую мы уже который год ведем в нашем журнале, – это война в Чечне. Нет же ответа! Или арабо-израильский конфликт – тоже нет же ответа никакого. Он (а) и не найден, (б) его просто, по-видимому, с моей точки зрения, нет. Нет ответа, а это, наверное, вообще что-то универсальное, общечеловеческое. А отсутствие ответа воспринимается читателем как конец света.

...И каково же вам существовать в мире, где люди в общем просвещенные, интеллигентные, читающие и прочее до сих пор считают, что можно сфальсифицировать любые результаты любых выборов любого масштаба? Потому что в эту бредятину, абсолютную бредятину им верить гораздо проще, чем в то, что это на самом деле люди так голосуют.

* * *

А нам такие читатели говорят: “Вот вы какой хороший сделали двухтомный номер про образование. Но где позиция редакции, где сказано, что министр – сволочь, например?” Во-первых, позиция редакции заключается в том, чтобы максимально полно собрать и обобщить данные, найти всех лучших людей, которые максимально думают на эту тему, у которых есть что сказать, и максимально полно представить все точки зрения. А что министр – сволочь, это, во-первых, надо доказать, во-вторых, так ли это важно для этой проблемы? И вообще, гораздо интереснее обсудить, важно ли получить образование, что самое главное в проблеме образования, насколько значима эта тема, что в общественном мнении воспринимается в этой связи как острые проблемы. Мы пытались нащупать такие важные важности, а это, как выясняется, какой-то не вполне привычный, не вполне нужный людям способ, что ли.

* * *

С искусством письма – нелегко. И привычки, ясно подумав, так же ясно изложить свою мысль, нету, и умения особого тоже нет. Так и мечешься

между записными писаками, которые могут написать на любую тему, и людьми, которым есть что сказать, но которые совершенно не умеют и не знают, не привыкли к тому, что когда есть что сказать, надо говорить.

* * *

Если бы у меня была возможность заказать вам вопросы, исследования... Вопросов-то важных на свете – их же немного: про любовь, про смысл жизни, про счастье. Если попытаться это как-то конкретизировать, то я бы, конечно, сейчас задавала людям, которым посчастливилось жить в эпоху перемен, какие-то вопросы, позволяющие понять вот этот социальный феномен: какие-то люди берут на себя ответственность и контроль за свою жизнь, а какие-то – нет, и от чего это зависит. И действительно ли верно та-

кое наблюдение, что когда они берут на себя эту ответственность, то это не зависит от того, могут они себе это позволить в физическом, бытовом смысле этого слова или не могут. А от чего вот это зависит? От чего у людей счастье, и каковы условия счастья? Что они думают о своем предназначении в жизни? Зачем они работают? Зачем они живут? Зачем они рожают детей? Чего они хотят для своих детей? Как они пытаются их этому научить? Интересно про человеческое мужество спросить, и про человеческие слабости, и про одиночество, и про, наоборот, совместность.

Очень мало важных вопросов. И все эти важные вопросы потом распадаются собственно на то, о чем вы спрашиваете. Так что вы понимаете, я бы навалила вам работы. ■

Даниил Дондурей, главный редактор журнала “Искусство кино”

Известная особенность нашей социокультурной системы заключается в том, что она невероятно пульсирующая, – как магма, как вулканическая порода. Именно та порода, которая возникает из кратера вулкана, она невероятно подвижна и изменчива. Она быстро меняет верх и низ, меняет формы, стилистику и так далее. Такая неопределенность, изменчивость, даже женственность российской социокультурной системы, мне кажется, существует благодаря тому, что основные очень важные матрицы этой системы невероятно стабильны. Они воспроизводятся сквозь всю динамику исторических, культурных, экономических, психологических и прочих процессов. Это “культурные матрицы” российской аутентичности. Поэтому российскую социальную реальность и не могут никуда вписать теоретики, на многих уровнях они не могут справиться с российской реальностью: и на уровне реального осознания каких-то социокультурных практик, социоэкономических практик. Население не понимает, где оно живет. Политическая власть не понимает, какую систему она создает.

А на самом деле эта система, этот “бензин с песком” – работает. Она каким-то непонятным образом устроена: здесь один сломанный паз по-

трясающе входит в другой, тоже сломанный. То есть, казалось бы, они должны разрушиться, колесико не должно крутиться, – а все-таки оно крутится.

* * *

“Фишкой” вашего журнала являются те темы, которые по какой-либо причине не то что не оказываются в социологических журналах (это точно, что не оказываются), они даже предметом обсуждения не становятся. Ну, например, очень интересные темы типа: “Практика сожительства в России”. Или “Рынок оккультных услуг”. Или, например, проблемы, связанные с масштабом, значением и технологией взяток. Все болтают про коррумпированную страну – а как это делается? Кто это делает, какие масштабы этого явления? Какова технология этого явления? Как морально оцениваются и дающие, и берущие? Это же тоже настоящая культурная матрица – взятки в России. Воровство и плутовская экономика – абсолютно не исследованный материк, айсберг. С Х века это у нас потрясающе работает: воровство и непрозрачность любых материально-экономических отношений. Договорные отношения, так сказать. То есть доверие как нарушение закона. Это не доверие в том смысле, что если я тебе

обещал построить дом, то я тебе его построю, – здесь все тоньше. Скажем так, когда ты мне заказывал этот дом – не факт, что ты хотел его построить. Не факт, что ты хотел, чтобы я его достроил. Не факт, что ты хотел, чтобы я это сделал дешевле и правильнее, и т. д. Это целое облако разных функций и отношений, которое окутывало нас, когда мы стали заключать договоры о строительстве дома, – это все значительно, зело хитрее, как говорили в средние века.

Если бы у меня была такая возможность, я бы заказал вам, конечно, огромное исследование и цикл статей в каждом номере “Эффективность воровства в России”. “Эффективность непрозрачности”. “Эффективность газпромовости”...

Еще я бы с удовольствием прочитал бы у вас в журнале чудесную статью, в развитие той большой темы: “Бухгалтер как художник. Финансовая отчетность как искусство в России”. Интересно, ужасно интересно. Это ведь невероятное искусство. Ни в одном предприятии России бухгалтерская отчетность не имеет... вернее, имеет отдаленное отношение к реальным процессам.

Это просто произведение искусства. Это же интересно.

Ну, и я бы заказал, конечно же, работу на более очевидную тему: “Обмен власти на деньги и денег на власть”. Практика русских обменов.

Я посоветовал бы как старший товарищ по журнальной работе всего две вещи. Первая: надо брать очень оригинальные темы, неожиданные, которые никто не берет в стране. И второе: на какие-то темы, пусть на один материал в месяц, приглашать писателей, а не научных аналитиков, не кандидатов и докторов социологических наук. Это будет ужасно интересно читать. Другой характер, другая личность, другие вербальные миры, другой тезаурус, другая скорость мышления и так далее. То есть вот вы бы, например, условно, поговорили о политических и социальных итогах года с Михаилом Михайловичем Жванецким или хотя бы с Пелевиным, Сорокиным, с какими-то думающими людьми – это был бы бестселлер, горячий пирожок в холодный день. Не хватает других немножко стиливых филологических пластов. Подумайте об этом. ■

Владимир Семенов, ответственный редактор “НГ-сценариев” (“Независимая газета”)

У меня в приложении (“НГ-Сценарии”) я очень часто обращаюсь именно за цифрой с комментариями, потому что наши авторы часто витают в эмпиреях. Но на самом деле меня интересуют, конечно, не цифры – меня интересуют мысли. Социология – это уж явно не проценты сторонников того, считающих сего, а видимо, осмысление этого. А еще больше – не осмысление, к чему это идет, а размышление, отчего это происходит.

С какими бы вопросами я пришел, я точно не знаю. Скорее всего, это вопросы о такой сложной судьбе демократии в России. Все традиционные ответы – что это от бедности, от тяжелого наследия – уже, по-моему, не работают. То, что в 90-е годы работало, потом у нас провал, значит дальше – возвращаемся к каким-то теориям сла-

вянофилов, которые тоже говорили, что не нужно это, русский человек для этого слишком хорош. Хорош в душе, конечно, не в поведении, а в потенции – слишком хорош, чтобы заниматься этим лицемерием, которым являются политика, партии и так далее. Именно с философскими вопросами я пришел бы – но не к философам, а к социологам. Потому что к философам – я сам рассуждать вот так на любую тему умею, а вот филолософствование социолога – это, знаете ли...

И есть еще вопрос, который меня очень сильно интересует (я думал, что я знаю на него ответ, а сейчас понял, что не знаю). Может быть, вы мне как-то подскажите, или по крайней мере осветите: *насколько важно для понимания бытия нашего скорбного зная и интересоваться сознанием людей, то есть тем, что у них в головах?* Я понимаю, профессионально социологу поло-

жено думать, что это очень важно. Он просто обязан полагать: для того чтобы понять, что происходит, нам обязательно нужно знать, о чем люди думают и как они представляют мир. Но точно ли это так уж важно?

Больше всего меня волнует то, насколько эти все ответы, вопросы вообще позволяют судить об обществе. Если бы они позволяли судить, то мы могли бы предполагать, что у нас в обществе будет через пять лет. Если бы эти опросы полностью отражали, что в голове у людей, то мы могли бы понять, применив какой-то научный механизм (что-то экстраполировав или хотя бы узнав, как надо экстраполировать), каким будет наше общество.

Видите ли, я так представляю, что есть отдельные личности – а есть общество, какая-то цельность, которое тоже являет собой коллективную, но самоличность. А вот представляют ли эта тысяча семьсот человек, которые опрашиваются и анализируются, какую-то личность или какую-то репрезентативную целостность, хотя она репрезентативна по математическим критериям, – это вопрос. Может быть, это значит, что

к правильной выборке, к правильно заданному вопросу еще нужно какое-то художественное, творческое осмысление.

И еще есть у меня вопрос к социологам. Объясните нам, почему это, если смотреть на ваши данные, получается, что где-то года до 97-го у тех, кто попадал во власть, рейтинг сразу начинал падать? Это даже если не брать хрестоматийный случай Немцова, который за полгода растерял с 30% до улавливаемого минимума... А после, приблизительно с 98-го года, по вашим же ФОМовским данным, вдруг стало так, что кто попадает во власть, у него начинает рейтинг расти.

Первый раз это у нас случилось с Примаковым, но там несколько особый случай; но вот Степашин имел 2%, а через 80 дней, 80 дней он правил у нас, у него уже были заявки на президентский рейтинг...

Вообще, хорошо бы социологам задать вопрос: “Что изменилось?” Я думаю, что это психологический вопрос, еще надо бы психологов сюда пригласить. А вот будет ли этот механизм дальше работать, конкретно? ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– Почему Вы исключаете для себя возможность обратиться за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту?

– Я психически здоров, у меня профессия – психолог.

– Какой подарок Вы бы подарили В. Путину на день рождения?

– Банку варенья бы передала, но не дойдет.

– Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слова “9 мая”?

– Шашлыки, ветераны.

– По Вашему мнению, какие качества, черты характера обычно свойственны “челнокам”?

– Страсть к выживанию.

– Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово “Казахстан”?

– Там неуравновешенная обстановка.

– Почему Вы считаете, что сегодня Россия развивается в неправильном направлении?

– Я рожден при социализме – за 3 рубля все мог.

– Как Вы понимаете слово “революция”, как бы Вы объяснили, что оно означает?

– Быстрое изменение ситуации на противоположную.

(Из опросов ФОМа)

WAGTIFPROJECTVAR

Социологический опрос и выборка

Очень часто, когда мои новые знакомые узнают, что я социолог, мне приходится отвечать на один и тот же недоуменный вопрос: какая-то у вас странная, можно даже сказать, сомнительная наука – почему, задав вопросы одной–двум тысячам человек, вы, ничтоже сумняшеся, беретесь утверждать, что думают или как будут голосовать жители всей страны?

За многие годы я сформулировала ответ.

Оставим пока в стороне проблему “что отвечают”, “что думают” и “как будут голосовать”; давайте разберемся, как можно, спросив одну–две тысячи человек, на этом основании говорить обо всей стране.

Ну, к примеру, вы собираетесь купить на рынке вино. Его продают два продавца. Естественно, вы хотите купить то, которое ароматнее, вкуснее, лучше, – как вы поступаете в этом случае? Вы пробуете стаканчик вина у одного продавца, потом у другого – и покупаете у того из них, чье вино вам понравилось больше. Ведь в этой ситуации вам даже не приходит в голову, что для того чтобы определить вкус и качество вина, вам надо выпить всю бутылку. Иными словами, вы по нескольким глоткам делаете заключение о качестве и вкусе вина во всей этой бутылке, то есть по части выносите суждение о целом. При этом Вы уверены, что вино в стаканчике, которое вы выпили, и по вкусу, и по цвету, и по аромату, и по вязкости, и еще по каким хотите признакам – точно такое же, как во всей бутылке и как в любом другом стаканчике, наполненном из этой бутылки. И наверняка, наливая вино на пробу, вы позаботитесь, чтобы оно было хорошо перемешано и в ваш стаканчик не попал бы напиток только с поверхности (или, наоборот, со дна). То есть вино в стаканчике должно быть точной копией (подобием) вина в бутылке. С этим, как правило, согласен любой из моих собеседников. Теперь понятно, что вполне можно по части делать вывод о целом. Следовательно, в принципе и по ответам одной–двух тысяч человек (в социологии

их называют респондентами) можно судить о распределении ответов всех жителей страны.

В этот момент мой собеседник обычно озадаченно задумывается. Я же продолжаю напористо ковать железо, пока горячо, рассуждая примерно следующим образом. Конечно, совершенно необходимо, чтобы эти одна–две тысячи человек были точной копией жителей всей страны, – точно так же, как вино в вашем стаканчике должно являться точной копией вина в бутылке. Но вино в бутылке однородно, а жители страны, к великому сожалению статистиков и социологов, не однородны, и даже очень не однородны. Поэтому, если вы можете себе позволить сделать вывод о качестве вина по тому, которое “наугад” налилось в ваш стаканчик, то респондентов придется выбирать с помощью специальных приемов, которые гарантируют, что отобранная часть будет заключать в себе все (или хотя бы основные) особенности и неоднородности. Их придется выбирать так, чтобы среди них были в точно таком же соотношении, как и во всей стране, люди разные: и молодые, и старые, и мужчины, и женщины, и богатые, и бедные, и образованные, и не очень, и т. д. Такие приемы и процедуры основываются на методах, разработанных в математической статистике и теории вероятностей, и носят название “выборка”.

Выборка – это математика случая, в ее основе лежит закон больших чисел. В 1913 году, когда вся страна праздновала 300-летие дома Романовых, Российская академия наук, точнее Я.В. Успенский и А.А. Марков выпустили книгу Я. Бернулли “Искусство предположений” (“Ars conjectandi”), впервые увидевшую свет в 1713 году, с несколько ерническим посвящением: “К 200-летию открытия закона больших чисел”. В этой книге сформулирована “теорема Бернулли”, которая позднее была обобщена С. Пуассоном в сочинении “Исследование о вероятности суждения” (1837), после чего, собственно, и появился термин “закон больших

чисел”. Однако классический вид термин и теория приобрели в работе П.Л. Чебышева “О средних величинах” (1867).

Закон больших чисел – это общий принцип, согласно которому совокупное действие большого числа случайных факторов приводит, при некоторых весьма общих условиях, к результату, почти не зависящему от случая. Другими словами, это означает, что чем больше мы сделаем наблюдений и замеров, тем с большей вероятностью в итоговой палитре фактов и мнений нам удастся избежать влияния эксцессов, случайностей, крайностей, которые всегда встречаются в жизни. Если из завязанного мешка мы вытаскиваем красный шарик, то какие выводы мы можем сделать из этого единичного наблюдения? Что все шарики красные? Что в том же мешке есть шарики и других цветов? Что красных шариков больше? Или меньше? И вот если мы не удовлетворимся только одним наблюдением, замером, а будем повторять их, например, до ста раз, тогда обнаружим, что из ста шариков 54 – белые, 45 – черные и только один – красный. Изменилось ли наше представление о содержимом мешка по сравнению с нашим начальным опытом? Вообще, да.

Алексей Чуриков в публикуемой далее статье “Случайные и неслучайные выборки в социологических исследованиях”, используя минимально возможное количество специальной терминологии, рассказывает об этих процедурах, приводит примеры того, как они выполняются при проведении социологических исследований.

В самом начале статьи А. Чуриков раскрывает главную тайну: как так получается, что выборка несет в себе основные особенности и неоднородности изучаемого объекта – изучаемой, или генеральной, совокупности, например, страны, или города, или аудитории телеканала, или потенциальных покупателей шоколадок и т. п. Тайна эта состоит в том, что каждый представитель

совокупности (гражданин страны, или житель города, или телезритель, или покупатель шоколадок) должен иметь равный (если говорить строго, то определенный) шанс быть отобранным в выборку. Если вернуться к оставленному нами завязанному мешку, это означает, что после того, как мы вслепую вытащили очередной шарик, мы должны перемешать содержимое –

чтобы уравнивать шансы всех оставшихся шариков. А вдруг черные шарики тяжелее белых, и большинство из них соскользнуло на дно, откуда их труднее доставать? Нужно ликвидировать этот казус. “Каша должна быть хорошо перемешана” – это ключевое положение в теории выборки.

Разумеется, применительно к любому сообществу это требование довольно трудно реализовать. Но необходимо. Как это можно сделать и каковы процедуры отбора, достаточно под-

робно и, что особенно ценно, статистически корректно описано в статье о выборке.

Если чтение текста будет вызывать у Вас некоторые затруднения, прочитайте хотя бы следующие очень небольшие главки:

1. Случайные и неслучайные выборки.
2. Простая случайная выборка.
7. Неслучайные выборки.
8. Смещенные и несмещенные выборки.
9. Репрезентативные выборки.

На мой взгляд, добросовестный читатель не только поймет из статьи “Случайные и неслучайные выборки в социологических исследованиях” основные принципы и приемы, которые используются социологами для отбора респондентов, но и получит определенное руководство, как отличить надежные и достоверные результаты социологических исследований от недостоверных. ■

Е. Петренко

Якоб Бернулли (1654-1705)

А. Чуриков

Случайные и неслучайные выборки в социологических исследованиях

В специальной литературе о выборке обычно встречается много формул и математических терминов. Попробуем поговорить о выборке более простым языком. Сократим до минимума количество формул и по возможности постараемся избегать специальных терминов, не всегда понятных читателю. Для тех, кто захочет подробнее познакомиться с выборочной теорией, в списке литературы указаны три классических труда, которые до сих пор служат учебниками на данную тему. К сожалению, работа Л. Киша, в 1995 году переизданная в США, так и не переведена на русский язык.

1. Случайные и неслучайные выборки

Большинство людей, даже далеких от социологии, знают, что при проведении опросов применяется выборка и что отбор респондентов должен быть случайным. В обыденном понимании случайным часто считают произвольный неуправляемый отбор, типичным примером которого служит отлавливание для опроса на улице случайных прохожих. С точки зрения специалиста полученная таким способом выборка не является случайной.

Выборка называется **случайной**, если каждый человек (каждый представитель совокупности) имеет известную ненулевую вероятность быть отобранным. Корни этого определения лежат в теории вероятностей, которая обосновала выборочные методы исследования. Именно на ее основе было строго доказано, что по ответам относительно небольшого числа

людей можно с высокой точностью судить о мнении всех. Обязательным условием этого является случайный характер выборки. Чтобы отличать такие выборки от случайных в обыденном понимании, их еще называют **вероятностными** выборками.

Выборки, в которых невозможно вычислить вероятность отбора людей, не являются случайными. Математическая теория к ним неприменима. Существует большое многообразие неслучайных выборок, одним из представителей которых является квотная выборка. В реальных исследованиях применяется даже больше неслучайных выборок, чем случайных. Вопрос, насколько можно доверять результатам таких исследований, будет рассмотрен ниже.

Сейчас сконцентрируем внимание на случайных выборках. Начнем с наиболее простого, хрестоматийного варианта.

2. Простая случайная выборка

Можно без особого труда создать случайную выборку, если в распоряжении исследователя имеется полный список всех людей, мнением которых он интересуется. Множество таких людей называется **изучаемой совокупностью**, или **генеральной совокупностью**. Создание списка представителей совокупности возможно, когда, например, планируется проведение опроса на предприятии, руководство которого готово предоставить полный список своих сотрудников. В этом случае надо сначала решить, сколько человек будет опрошено, то есть определить

размер выборки (иногда говорят “объем выборки”), а затем последовательно отобрать из списка нужное число людей. Для отбора необходимо использовать случайный механизм, обеспечивающий любому человеку из списка равную вероятность попасть в выборку. Полученная таким способом выборка называется **простой случайной**.

В качестве случайного механизма для отбора с равной вероятностью используют таблицы случайных чисел или датчики случайных чисел. Каждый человек в списке имеет свой порядковый номер: 1, 2, ..., N , где N равно общему числу людей в списке. Таблица или датчик случайных чисел выдает с равной вероятностью номера в интервале от 1 до N . Люди с соответствующими порядковыми номерами включаются в выборку. Если какой-либо порядковый номер выпал повторно, то его просто игнорируют, поскольку человек с этим номером уже есть в выборке и второй раз в отборе участвовать не должен. Такой способ отбора называют отбором **без возвращения** (по аналогии с вытягиванием жребия из шляпы, когда вытянутые листки с номерами обратно в шляпу не возвращают). Случайные числа получают до тех пор, пока не будет выбрано нужное количество людей.

Во многих программах, предназначенных для обработки результатов опросов, есть специальная команда для получения простой случайной выборки. Такая

команда есть, например, в программе SPSS. Но и без специальной команды легко получить простую случайную выборку, если в программе имеется датчик случайных чисел. Достаточно рядом с каждым человеком из общего списка записать случайное число, полученное этим датчиком (например, случайное число, равномерно распределенное на отрезке от 0 до 1), а затем пересортировать людей из списка в порядке возрастания (или убывания) значений этих случайных чисел. Теперь, чтобы получить простую случайную выборку нужного размера n , достаточно взять первые n человек из списка, отсортированного в случайном порядке.

В простую случайную выборку всегда попадает ровно столько людей, сколько запланировал исследователь, потому что именно так устроен механизм отбора. Несложно показать, что при размере выборки n каждый из N людей, помещенных в список, имеет равную вероятность попасть в выборку. Эта вероятность равна $f = n/N$. Более того, в выборку могут попасть любые n человек из N , т. е. любая комбинация n людей из N возможна, и даже одинаково вероятна. В математике число различных комбинаций n элементов из N (без повторений) обозначается символом

C_N^n и вычисляется по формуле $\frac{N!}{(N-n)!n!}$. Именно

столько существует различных простых случайных выборок размера n . Все они одинаково вероятны.

Чем хороша простая случайная выборка? Тем, что при достаточном размере n в ней будут представлены все категории людей, присутствующие в списке, из которого она отбиралась, и примерно в тех же самых пропорциях. А это значит, что исследователю не надо думать о том, сколько надо опросить мужчин и сколько женщин, сколько молодых и сколько пожилых, сколько богатых и сколько бедных. Все эти пропорции будут с большой вероятностью выдержаны в простой случайной выборке.

Например, если вся совокупность, которая насчитывает 10 тысяч человек, на 45% состоит из мужчин и на 55% – из женщин, то в выборке из 1000 человек пропорции мужчин и женщин бу-

дут примерно такие же. Конечно, нельзя рассчитывать на то, что мужчин будет ровно 450 человек, а женщин – 550. Возможны случайные отклонения от точных пропорций, но они будут невелики. Величину отклонений можно вычислить по следующей формуле:

$$\Delta = \pm 1,96 \sqrt{1 - \frac{n}{N}} \sqrt{\frac{p(1-p)}{n-1}}$$

Кроме числа людей в выборке n и в совокупности N в формулу входит еще доля p мужчин (или женщин). Число 1,96 соответствует принятому в социологии уровню доверия 95%. Подставим в формулу числовые значения параметров, чтобы вычислить возможные случайные отклонения для доли мужчин в выборке.

$$\begin{aligned} \Delta &= \pm 1,96 \sqrt{1 - \frac{1000}{10000}} \sqrt{\frac{0,45(1-0,45)}{1000-1}} = \\ &= \pm 1,96 \sqrt{0,9} \sqrt{\frac{0,45 \cdot 0,55}{999}} \approx \pm 0,029 \end{aligned}$$

Получилось, что доля мужчин в выборке может случайно отклоняться от правильного значения 0,45 в пределах $\pm 0,029$, т. е. на $\pm 2,9\%$. Иными словами, доля мужчин в выборке может колебаться в интервале от $45\% - 2,9\% = 42,1\%$ до $45\% + 2,9\% = 47,9\%$. Этот интервал называется **доверительным интервалом** (с уровнем доверия 95%), а величина Δ , равная $\pm 0,029$ или $\pm 2,9\%$, называется **статистической погрешностью**.

Уровень доверия 95% означает, что в 95% из всех возможных простых случайных выборок размера n (а всего их существует C_N^n) доля мужчин окажется внутри посчитанного доверительного интервала, а в 5% выборок – за границами этого интервала. Аналогичное утверждение справедливо для любого другого параметра изучаемой совокупности. Всегда существует небольшая вероятность (которая зависит от принятого уровня доверия), что значение, посчитанное по выборке, окажется вне границ вычисленного для данного параметра доверительного интервала. При этом вероятность больших отклонений очень близка к нулю. Например, существует не-

нулевая вероятность того, что в простую случайную выборку попадет 1000 мужчин и ни одной женщины, но вероятность этого выражается очень маленьким числом, в котором после запятой стоит более 300 нулей.

Рассмотренная в примере ситуация с долей мужчин справедлива и для любых других параметров. Если значение какого-либо параметра

Простая случайная выборка обладает несомненными достоинствами – такими, как простота реализации, хорошее воспроизведение структуры совокупности, возможность вычисления доверительных интервалов

известно для всей совокупности, то несложно посчитать, какое отклонение по этому параметру возможно в выборке. Если же значение для всей совокупности неизвестно, то можно посчитать значение по выборке, и тогда истинное значение будет отличаться от значения в выборке не более чем на величину доверительного интервала $\pm \Delta$. Это можно гарантировать с доверительной вероятностью 95% (т. е. в 95 выборах из 100).

При увеличении размера выборки n уменьшается величина Δ доверительного интервала, т. е. статистическая погрешность. Можно даже подобрать размер выборки n так, чтобы погрешность Δ стала такой, какой нужно исследователю. Формулу для вычисления n несложно получить из приведенной выше формулы для вычисления Δ .

Простая случайная выборка всегда создает приближенную копию всей совокупности, точность которой возрастает с увеличением размера выборки. Это справедливо для всех параметров, в том числе и для места жительства. Дома и квартиры людей, включенных в выборку, будут равномерно распределены по всей территории, на которой проживают представители изучаемой совокупности. Если это город, то по всем районам города, если это Россия, то по всей

¹ Больше известностью пользуется упрощенный вариант этой формулы: $\Delta = \pm 1,96 \sqrt{\frac{p(1-p)}{n}}$.

территории России. Это обеспечивает хорошую географическую представительность выборки, но одновременно создает дополнительные сложности при проведении опросов. Чтобы опросить нескольких человек, интервьюеру придется совершать путешествия из одной части города

Недостатки простой случайной выборки: необходим список всех представителей совокупности; стоимость исследования велика из-за удаленности респондентов друг от друга; статистическая погрешность возникает по всем параметрам выборки, даже по тем, для которых известны истинные пропорции

в другую или из одного населенного пункта в другой. А это сильно повышает стоимость исследования.

Подведем итог. Простая случайная выборка, обладая несомненными достоинствами, такими как простота реализации, хорошее воспроизведение структуры совокупности, возможность вычисления доверительных интервалов, имеет также ряд недостатков:

- для реализации выборки необходимо иметь список всех представителей совокупности;
- стоимость исследования сильно возрастает из-за удаленности респондентов друг от друга;
- статистическая погрешность возникает по всем параметрам выборки, даже по тем, для которых известны истинные пропорции (например, по полу или возрасту).

Для устранения перечисленных недостатков используются два специальных приема формирования выборки – стратификация и кластеризация, к рассмотрению которых мы сейчас перейдем.

3. Стратификация

Совокупность, из которой формируется выборка, обычно имеет свою структуру. В соответствии с этой структурой можно разделить совокупность на части по определенному признаку –

территориальному, административному, производственному, социальному и т. п. Например, крупный город делится на административные районы, среди которых есть промышленные и спальные. Россия делится на федеральные округа, на субъекты Федерации (области, края, республики) или на населенные пункты – городские (с разной численностью населения) и сельские. При проектировании выборки бывает важно, чтобы основные части, из которых состоит совокупность, были представлены в выборке в нужных пропорциях.

Простая случайная выборка не может гарантировать отбор заданного числа людей из каждой части совокупности. Она хотя и дает в среднем пропорциональное представительство в выборке людей разных групп, однако эти пропорции подвержены случайным колебаниям. Иногда они могут заметно нарушаться.

Для обеспечения в выборке нужного соотношения между разными частями совокупности применяется стратификация. Она заключается в разбиении всей совокупности на непересекающиеся части, называемые **стратами**. Для каждой страты вычисляется приходящийся на нее размер выборки, а затем производится случайный отбор нужного числа респондентов. В результате в каждой страте отбирается ровно столько респондентов, сколько запланировал исследователь. Полученная таким способом выборка называется **стратифицированной**. Иногда вместо термина “страты” применяют названия “типические районы” или “слои”, а стратифицированную выборку называют районированной или расслоенной.

Чаще всего выборка распределяется по стратам пропорционально числу людей в них. Такое распределение называется **пропорциональным**. Оно позволяет выдержать в выборке те же пропорции между стратами, что и во всей совокупности. Наряду с пропорциональным применяется также равное размещение, размещение Неймана и оптимальное размещение.

При **равном** размещении из каждой страты опрашивают одинаковое число людей, хотя число людей в стратах может заметно различаться. Равное размещение применяют, когда требуется

сравнить между собой разные части совокупности. Например, сравнивается уровень доходов или состав потребительской корзины городского и сельского населения России. Равный размер выборки для города и для села обеспечивает одинаковый уровень погрешности в обеих группах, что позволяет сравнивать их между собой. При этом суммарная погрешность для всего населения будет больше, чем в случае пропорционального размещения выборки между городом и селом.

Размещение **Неймана** основано на том, что размер выборки делают больше в тех стратах, где труднее оценить интересующий исследователя параметр. Например, если целью исследования является оценка среднедушевого дохода по России в целом, то понятно, что основные погрешности будут возникать при оценке дохода в крупных городах, и особенно в Москве, так как здесь разница в доходах людей очень велика. Оценка среднедушевого дохода будет сильно зависеть от того, какие именно москвичи попадут в выборку при случайном отборе. Разброс в уровне дохода сельских жителей существенно меньше, а значит и погрешность при оценке дохода этой части населения будет меньше. Поэтому при размещении Неймана размер выборки в тех стратах, где разброс в доходах людей велик, будет больше, чем при пропорциональном размещении, а размер выборки в стратах с небольшим разбросом по доходам будет меньше.

При **оптимальном** размещении учитывается не только разброс в стратах по оцениваемому параметру, но и разница в стоимости опроса. В тех стратах, где стоимость опроса выше (например, в труднодоступных районах), размер выборки уменьшается по сравнению с размещением Неймана. Там, где стоимость опроса ниже, размер выборки увеличивается. За счет экономии на “дорогих” стратах оптимальное размещение позволяет увеличить общий размер выборки при той же самой стоимости исследования.

Размещение Неймана применяют в тех случаях, когда нужно уменьшить статистическую погрешность по какому-то одному, наиболее важному для исследователя параметру. При этом погрешности по другим параметрам могут увеличиться по сравнению с пропорциональным

размещением выборки. Оптимальное размещение позволяет еще больше уменьшить погрешность по этому параметру за счет увеличения общего размера выборки при сохранении ее стоимости. Но чтобы применить размещение Неймана, необходима информация о величине разброса параметра в стратах (т. е. о дисперсии), а для оптимального размещения требуется также информация о стоимости опроса в стратах.

Четыре рассмотренных способа распределения выборки между стратами являются типовыми. Каждый из них решает определенную задачу. Можно применять и другие способы размещения выборки в зависимости от преследуемой цели. Но только один из способов обеспечивает пропорциональное представительство в выборке людей из каждой страты, а именно – пропорциональное размещение. Означает ли это, что все другие способы размещения приводят к ошибкам?

Никаких ошибок не возникнет, если при вычислениях учитывается число людей в каждой страте. Предположим, что вся совокупность разделена на M страт и что число представителей совокупности в стратах равно соответственно N_1, N_2, \dots, N_M . Пусть требуется оценить по выборке некоторый параметр, например средний доход за последний месяц. Сначала посчитаем средний

Для обеспечения в выборке нужного соотношения между разными частями совокупности применяется стратификация – разбиение всей совокупности на непересекающиеся части, называемые стратами

доход в каждой страте обычным способом, как среднее арифметическое доходов респондентов из этой страты. Общий средний доход для всех страт считается по следующей формуле:

$$\bar{y}_{str} = \sum_{i=1}^M \frac{N_i}{N} \bar{y}_i,$$

где \bar{y}_{str} – средний доход по всей стратифицированной выборке, \bar{y}_i – средний доход в i -ой стра-

те, N_i – число людей в i -ой страте, N – число людей во всей совокупности. Несмотря на то, что правильные пропорции между стратами в выборке могут не соблюдаться, использование множителей N_i/N восстанавливает эти пропорции.

Например, если население России разделено на две страты – на городское и сельское население – и из каждой страты опрошено по 500 человек (т. е. применено равное размещение выборки), то для вычисления среднего всероссийского дохода надо знать истинную долю населения каждой страты. По данным переписи 2002 г., население России в возрасте от 18 лет и старше составляло 113,8 млн человек, в том числе городское население – 84,7 млн человек, сельское население – 29,1 млн человек. Таким образом, доли городского и сельского населения соответственно равны

$$W_1 = \frac{N_1}{N} = \frac{84,7}{113,8} = 0,74;$$

$$W_2 = \frac{N_2}{N} = \frac{29,1}{113,8} = 0,26.$$

Средний доход для России считается по формуле

$$\bar{y}_{str} = 0,74 \bar{y}_1 + 0,26 \bar{y}_2.$$

Получается, что доход городского населения будет учтен с коэффициентом 0,74, а доход сельского населения – с коэффициентом 0,26, т. е. несмотря на равные размеры выборки в городе и на селе, правильные пропорции между стратами будут восстановлены.

Величина $W_i = N_i/N$, равная доле населения страты во всем населении, называется **весом** страты. Веса страт надо учитывать при вычислении среднего значения в стратифицированной выборке. При пропорциональном размещении веса страт можно не учитывать, т. к. нужные пропорции и так выдержаны.

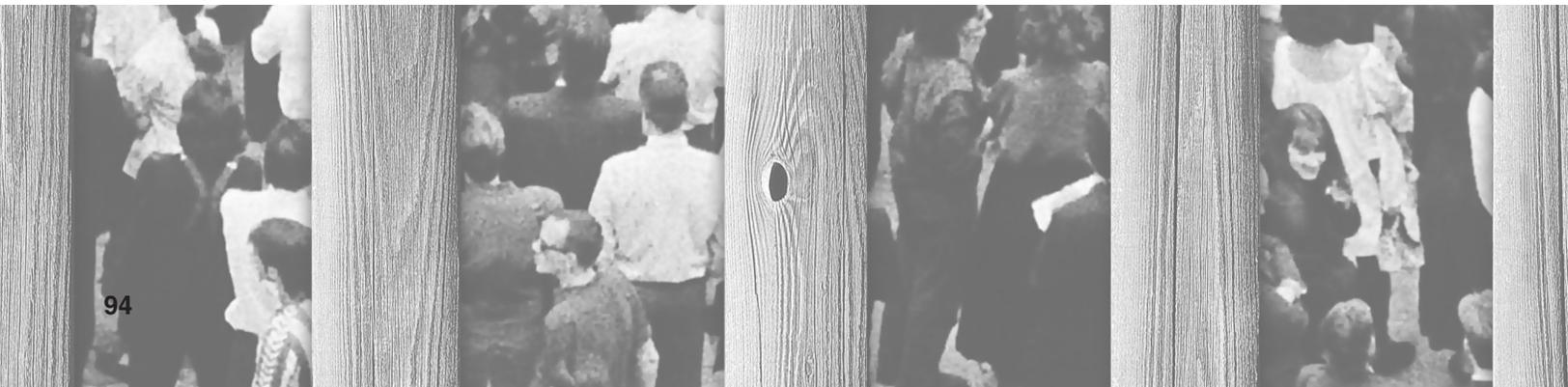
Стратифицированная выборка позволяет не только опросить нужное число респондентов в каждой страте, но и уменьшить статистическую погрешность. Дело в том, что статистическая погрешность стратифицированной выборки Δ_{str} зависит только от погрешностей внутри страт. Для нее справедлива следующая формула:

$$\Delta_{str}^2 = \sum_{i=1}^M W_i^2 \Delta_i^2,$$

где W_i – вес i -ой страты, Δ_i – погрешность в i -ой страте (все величины возводятся в квадрат). Если погрешности во всех стратах будут невелики, то и общая погрешность будет мала.

Это свойство стратифицированной выборки можно эффективно использовать при делении совокупности на страты. Страты надо создавать таким образом, чтобы в них попадали схожие между собой люди. Чем более похожи друг на друга будут люди внутри одной страты, тем меньше будет погрешность стратифицированной выборки.

Поясним это на примере выборочного опроса сотрудников крупного предприятия. Целью опроса является оценка среднемесячного дохода сотрудников. Предположим, что руководство предприятия предоставило список всех сотрудников, в котором указаны их пол, год рождения, должность и название подразделения. Используем в качестве страт группы сотрудников, занимающих одинаковую должность. Выборку распределим по стратам пропорционально числу людей в них и из каждой страты отберем простую случайную выборку нужного размера. Поскольку зарплата сотрудников обычно определяется принятой на предприятии тарифной сеткой, то средний доход людей, занимающих одинаковые должности, будет мало различаться. Поэтому независимо от того, кто именно попадет в выборку в каждой страте при случайном от-

боре, средние доходы в стратах будут посчитаны с очень маленькой погрешностью. А значит, и погрешность при вычислении среднего дохода всех сотрудников будет мала.

В том случае, если тарифные ставки на предприятии жестко фиксированы и все сотрудники, занимающие одинаковые должности, получают одинаковую зарплату, доходы в стратах будут вычислены абсолютно точно без всяких погрешностей. В результате и общий средний доход будет вычислен точно. В такой ситуации достаточно в каждой страте опросить всего по одному сотруднику, а затем умножить его доход на вес страты и все результаты сложить. Получим точный средний доход всех сотрудников.

Если взять для сравнения простую случайную выборку, полученную из полного списка сотрудников без его деления на страты, то результат такого опроса будет иметь гораздо большую погрешность. Причина увеличения погрешности состоит в том, что люди, занимающие высокие и низкие должности, будут отбираться с равной вероятностью из всего списка и их пропорции в выборке будут выдержаны лишь приблизительно.

Конечно, на практике редко удастся провести такую идеальную стратификацию, какая была в рассмотренном примере. Для создания страт надо иметь точные данные о числе людей в каждой страте. Эти данные обычно имеются по небольшому числу социально-демографических параметров, таких как пол, возраст, тип места жительства и некоторым другим. Но даже из этих параметров не все можно использовать для стратификации, так как при случайном отборе люди из одной страты должны быть отделены от людей из другой. Поэтому страты чаще всего формируются по территориальным признакам или по признакам, с ними связанным, например, по типам населенных пунктов. В результате в одну

страту попадают люди, не слишком похожие друг на друга, из-за чего статистическая погрешность выборки уменьшается незначительно.

И тем не менее при пропорциональном размещении выборки по стратам общая статистическая погрешность всегда уменьшается, либо, в крайнем случае, остается той же самой. Она в принципе не может увеличиться. По этой причине стратифицированные выборки применяются в большинстве исследований.

Стратификация устраняет только один из недостатков простой случайной выборки – она позволяет выдержать в выборке точные пропорции всей совокупности, если они известны. Но два других недостатка остаются. Для проведения случайного отбора надо иметь список людей каждой страты. Отобранные в стратах респонденты будут по-прежнему удалены друг от друга, что увеличивает стоимость опроса.

Избавиться от этих недостатков позволяет другой метод формирования выборки – кластеризация.

4. Кластеризация

Кластеризация позволяет включать в выборку респондентов, проживающих на небольшом расстоянии друг от друга, сохраняя при этом случайный механизм их отбора. Это достигается путем объединения людей в группы, которые участвуют в отборе как самостоятельные единицы. Такие группы называются **кластерами**. Чаще всего в качестве кластеров используют различные территориальные образования. Это могут быть административные районы, населенные пункты, городские микрорайоны, городские кварталы, территории избирательных округов или избирательных участков и т. п. В роли кластеров могут также выступать предприятия при опросе рабочих и служащих, учебные заведения при опросе учащихся, магазины при опросе продавцов.

Для получения выборки надо сначала отобрать нужное число кластеров, а затем в каждом из отобранных кластеров отобрать нужное число респондентов, т. е. отбор надо проводить в два этапа. На первом этапе в отборе участвуют кластеры, на втором – люди.

Одна из задач кластеризации состоит в том, чтобы сократить время и затраты на перемещение интервьюера от респондента к респонденту в пределах кластера

Прежде чем приступить к отбору кластеров, надо составить их полный список. Каждый человек, входящий в изучаемую совокупность, должен быть отнесен к какому-либо кластеру, причем только к одному. Составление полного списка кластеров представляет гораздо меньше проблем, чем составление полного списка людей. Особенно тогда, когда кластерами служат единицы административно-территориального деления. Например, списки всех административных районов, а также всех городов и поселков городского типа России (с указанием числа жителей) ежегодно публикуются Федеральной службой государственной статистики. Их вполне можно использовать в качестве кластеров при опросе населения.

Одна из задач кластеризации состоит в том, чтобы сократить время и затраты на перемещение интервьюера от респондента к респонденту в пределах кластера. Желательно, чтобы это время не превышало 10–15 минут. Если отобранные кластеры имеют слишком большую территорию и не обеспечивают выполнения данного требования, приходится проводить еще один этап или ступень отбора. При этом кластеры, которые отбираются сначала, на первой ступени, называются первичными единицами отбора (ПЕО).

Внутри них формируются более мелкие кластеры, которые называются единицами отбора второй ступени или вторичными единицами отбора (ВЕО)². Вторая ступень отбора проводится только в тех кластерах, которые были отобраны на первой ступени. Например, если на первой ступени проводился отбор административных районов России, то на второй ступени могут отбираться населенные пункты районов, попавших в выборку.

В кластерах, отобранных на второй ступени, можно провести отбор еще более мелких кластеров. Например, в городах можно провести отбор микрорайонов, кварталов или избирательных участков. Это будет третья ступень отбора. На последней ступени отбираются люди (или другие элементы, из которых состоит изучаемая совокупность и которые являются объектом исследования). В зависимости от числа ступеней отбора выборка будет называться двухступенчатой, трехступенчатой и т.д.

Выборка, в которой на начальных этапах отбираются кластеры, а на последнем этапе – люди (представители совокупности), называется **многоступенчатой** или **кластерной**³. В некоторых изданиях на русском языке кластеры называются гнездами, а кластерная выборка – гнездовой.

Использование кластерной выборки избавляет исследователя от необходимости составлять полный список всех представителей совокупности. Вместо этого составляются списки кластеров: первичных единиц отбора – для всей совокупности, вторичных единиц отбора – для тех ПЕО, которые попали в выборку на первой ступени, и т.д. Списки людей нужны только для проведения последней ступени отбора. Они составляются для тех небольших по размеру кластеров, которые были отобраны на предпоследней ступени. При опросах по месту жительства списки людей заменяются списками домохозяйств. Эти списки могут быть получены на основе домовых

² В англоязычной литературе единицы отбора первой ступени называются primary sample units (PSU), а единицы отбора второй ступени – secondary sample units (SSU).

³ Можно применять сразу оба названия – многоступенчатая кластерная выборка. Иногда термину “кластерная” придают более узкий смысл, называя так выборки, в которых в отобранных кластерах опрашивают всех людей поголовно, а все остальные выборки называют многоступенчатыми.

книг жилищно-эксплуатационных организаций или сельских администраций, а могут быть составлены интервьюером непосредственно на местности, что достаточно просто для небольших кластеров.

Таким образом, у кластерной выборки отсутствуют два главных недостатка простой случайной выборки – не требуется список всех представителей совокупности и интервьюер имеет возможность опросить нескольких человек, проживающих на небольшом расстоянии друг от друга.

Кластерная выборка является случайной, т. е. для каждого человека (элемента совокупности) должна быть обеспечена определенная (желательно – равная) вероятность попасть в выборку. Для этого кластеры должны отбираться с вероятностью, пропорциональной числу элементов в кластере. Такой способ отбора часто называют **ВПР-отбором** (по первым буквам слов “вероятность, пропорциональная размеру”) или **PPS-отбором** (от аналогичного английского выражения “probability proportional to the size”). Число элементов совокупности в кластере называют **размером** кластера.

Если отбирать кластеры с вероятностью, пропорциональной размеру, а людей внутри кластера – с равной вероятностью, то для любого человека из изучаемой совокупности будет обеспечена одинаковая вероятность попадания в выборку. Это следует из того, что итоговая вероятность отбора получается путем умножения вероятности отбора кластера p_1 на вероятность отбора человека внутри кластера p_2 . Если в i -ом кластере содержится A_i элементов, а во всей совокупности – N элементов, то вероятность PPS-отбора i -го кластера равна $p_1 = A_i/N$. Вероятность отбора одного человека в кластере, состоящем из A_i людей, равна $p_2 = 1/A_i$. Итоговая вероятность попадания человека в выборку получается после умножения p_1 на p_2 , она равна

$$p = p_1 p_2 = \frac{A_i}{N} \frac{1}{A_i} = \frac{1}{N}.$$

Эта вероятность в итоге не зависит от размера кластера A_i и будет одинаковой для любого человека из совокупности.

Когда последовательно отбирается n_1 кластеров и в каждом кластере отбирается по n_2 элементов, то общая вероятность отбора будет равна

$$p = p_1 p_2 = n_1 \frac{A_i}{N} n_2 \frac{1}{A_i} = \frac{n_1 n_2}{N} = \frac{n}{N},$$

где n – общий размер выборки.

Аналогично вычисляется вероятность и при многоступенчатом отборе. Например, при трехступенчатом отборе вероятность равна

$$p = p_1 p_2 p_3 = \left(n_1 \frac{A_i}{N}\right) \left(n_2 \frac{B_j}{A_i}\right) \left(n_3 \frac{1}{B_j}\right) = \frac{n_1 n_2 n_3}{N} = \frac{n}{N}.$$

Отметим, что кластеры надо отбирать “с **возвращением**”, т. е. все кластеры, в том числе и уже попавшие в выборку, участвуют в каждом из n_1 отборов. Поэтому один и тот же кластер может попасть в выборку два и более раз. Повторное попадание кластера в выборку означает, что внутри кластера тоже должен проводиться повторный отбор. Если в кластере, попавшем в выборку один раз, отбирается n_2 человек, то в попавшем в выборку два раза – дважды по n_2 человек, в попавшем в выборку три раза – трижды по n_2 человек, и т. д. То же самое относится и к многоступенчатому отбору, когда на второй ступени отбираются не люди, а более мелкие кластеры. Их количество тоже увеличивается в соответствующее число раз.

У кластерной выборки отсутствуют два главных недостатка простой случайной: не нужен список всех представителей совокупности и можно опросить нескольких человек, проживающих на небольшом расстоянии друг от друга. При этом уменьшается стоимость исследования, но растет статистическая погрешность

Кластерная выборка получается дешевле простой случайной. За уменьшение стоимости приходится платить увеличением статистической погрешности. Потеря точности кластер-

ной выборки происходит из-за того же, из-за чего уменьшается ее стоимость, а именно из-за группировки респондентов внутри кластеров. Респонденты, живущие недалеко друг от друга, часто дают похожие или даже одинаковые ответы на вопросы анкеты.

Например, если в одном селе опрашивается 10 человек, то при ответе на вопрос о том, по какой цене они покупают хлеб, водку или другие продукты, все они назовут цену своего сельского магазина. В результате будет получено 10 одинаковых ответов. Ту же самую информацию можно получить, опросив всего одного человека в этом селе. Если аналогичная ситуация повторится во всех кластерах, то точность выборки при оценке средней стоимости покупаемого населением продукта совпадет с точностью простой случайной выборки, размер которой в 10 раз меньше размера кластерной выборки.

Размер простой случайной выборки, имеющей такую же статистическую погрешность, что и применяемая выборка, называется **эффективным размером** этой выборки. В приведенном гипотетическом примере эффективный размер выборки будет в 10 раз меньше ее реального размера.

Понятие “эффективный размер” используется при сравнении выборок между собой, поскольку реальный размер выборки не отражает величину ее статистической погрешности. Чем меньше величина статистической погрешности, тем больше эффективный размер выборки, и наоборот. Про реальный размер выборки этого сказать нельзя.

Для измерения качества выборки используют параметр, который называется дизайн-эффектом и обозначается *deff*. Он получается в результате сравнения выборки произвольного типа с простой случайной выборкой такого же размера. Простая случайная выборка играет здесь роль эталона. **Дизайн-эффект** показывает, во сколько раз реальный размер выборки *n* больше или меньше ее эффективного размера $n_{эф}$ ⁴.

$$n = deff n_{эф}.$$

Связь между статистической погрешностью выборки Δ и статистической погрешностью Δ_0 простой случайной выборки такого же размера выражает следующее соотношение:

$$\Delta = \sqrt{deff} \Delta_0.$$

Если $deff > 1$, то погрешность будет больше погрешности простой случайной выборки, т. е. применяемая выборка “хуже”. Если $deff < 1$, то ее погрешность меньше, т. е. она “лучше”. Если $deff = 1$, то выборки одинаковы по точности.

Кластерная выборка всегда менее точна, чем простая случайная, т. е. ее дизайн-эффект всегда больше единицы. Потеря в точности происходит из-за наличия зависимости между ответами респондентов одного кластера. Для измерения степени этой зависимости используют показатель, который называется коэффициентом внутрикластерной корреляции и обозначается *roh* (rate of homogeneity). Он принимает значения от нуля до единицы; 0 означает полное отсутствие зависимости внутри кластеров, 1 – максимальную зависимость (внутри каждого кластера все рес-

⁴ Это одно из возможных определений. Классическое определение следующее: дизайн-эффект равен отношению дисперсии выборки к дисперсии простой случайной выборки такого же размера (т. е. он показывает, во сколько раз дисперсия первой выборки больше или меньше дисперсии второй).

понденты отвечают одинаково). На практике rob принимает всегда промежуточное значение между 0 и 1. Для разных параметров совокупности rob может принимать разные значения.

По результатам опроса можно оценить величину rob по любому измеряемому признаку. Для этого существуют специальные программные средства.

Дизайн-эффект кластерной выборки зависит от двух факторов: от коэффициента внутрикластерной корреляции rob и от размера подвыборки в кластере n_c . Эта зависимость выражается формулой

$$deff = 1 + rob(n_c - 1).$$

При малых значениях rob в каждом кластере можно опрашивать больше респондентов. При больших rob число опрашиваемых в кластерах надо сокращать, а необходимый размер выборки достигается за счет увеличения числа отбираемых кластеров.

Исследователь не может повлиять на величину rob , это свойство кластеров, которое можно измерить, но нельзя изменить. Единственное, что он может сделать, это использовать в качестве единиц отбора другой тип территориальных единиц с другим значением rob . А вот количество человек n_c , которое будет опрашиваться в кластерах, полностью зависит от исследователя. При большом n_c стоимость выборки уменьшается, но погрешность растет. При малом n_c стоимость растет, а погрешность уменьшается.

Существует некоторое оптимальное значение n_c . Чтобы его определить, надо из общих затрат на исследование попытаться выделить затраты, связанные с кластерами, и непосредственные затраты на проведение интервью. К первым относятся время и транспортные расходы интервьюера на то, чтобы добраться до места нахождения кластера. Если кластером является городской квартал, то это время и стоимость проезда интервьюера до квартала и обратно. Если кластером является село, то стоимость кластера определяется временем, которое интервьюер затрачивает на дорогу туда и обратно, а также стоимостью проезда на электричке, автобусе, попутной

машине и т. п. В затраты, относящиеся к кластеру, входит также стоимость проживания интервьюера в гостинице, когда опрос проходит в удаленной местности и его не удастся завершить в течение одного дня.

Стоимость проведения интервью определяется длиной вопросника и средней длительностью интервью, а также временем, затрачиваемым интервьюером на поиск респондента после прибытия на место проведения опроса (в нужный квартал, село и т. п.).

Для определения величины n_c важны не столько сами стоимости, сколько их отношение. Если обозначить через C средние затраты на один кластер, а через I – средние затраты на одно интервью, то оптимальное значение размера выборки в кластере можно вычислить по следующей формуле:

$$n_c = \sqrt{\frac{C}{I} \frac{1-rob}{rob}}.$$

Полученное значение n_c будет оптимальным в том смысле, что обеспечит минимальную статистическую погрешность при фиксированной стоимости исследования, или, что эквивалентно, обеспечит заданную погрешность при минимальных затратах.

Для вычисления n_c надо знать помимо отношения стоимостей C/I еще и коэффициент внутрикластерной корреляции rob . Обычно его определяют по результатам предыдущих исследований, в которых были использованы

кластеры того же типа (районы, населенные пункты или городские кварталы).

В тех случаях, когда оптимальное значение n_c вычислить не удастся из-за отсутствия нужной информации или по другим причинам, размер подвыборки в кластерах определяется исходя из числа имеющихся интервьюеров, максимально допустимой нагрузки на одного интервьюера и других подобных соображений.

Подведем итог. Кластеризация уменьшает стоимость выборочного исследования, позволяя отбирать респондентов, проживающих на небольшом расстоянии друг от друга. При этом увеличивается статистическая погрешность. При изучении общественного мнения больших масс населения, проживающих на обширной территории, это единственный способ создать случайную выборку.

5. Различия между стратифицированной и кластерной выборками

Нами были рассмотрены два приема, используемые для создания случайной выборки, – стратификация и кластеризация. Между ними есть существенные различия.

Статистическая погрешность кластерной выборки тем больше, чем сильнее зависимость в ответах респондентов внутри кластеров, т. е. чем более похожи по своим взглядам люди, входящие в кластер. И наоборот, чем более непохожи друг на друга люди внутри кластера, тем погрешность будет меньше.

Страты должны содержать как можно более однородные элементы, кластеры – как можно более разнородные

Поэтому при формировании кластерной выборки лучше использовать такие единицы отбора, которые содержат более разнородные элементы совокупности. В этом состоит одно из отличий кластеров от страт. Страты должны содержать как можно более однородные элементы, кластеры – как можно более разнородные.

Это различие между стратами и кластерами вполне объяснимо. В стратифицированную выборку обязательно входят элементы из каждой страты. Каждый отобранный элемент представляет в выборке элементы только своей страты, чем лучше он их репрезентирует, тем точнее выборка. Если каждая страта будет состоять из очень похожих элементов, то страты будут представлены с минимальной погрешностью, а значит, будет минимальна и статистическая погрешность всей выборки.

В кластерной выборке, в отличие от стратифицированной, каждый отобранный кластер должен репрезентировать все элементы совокупности. Чем больше отдельные кластеры похожи на всю совокупность, тем точнее кластерная выборка. Если каждый кластер будет являться маленькой копией всей совокупности, в которой, как в капле воды, отражается все многообразие имеющихся мнений, то результат исследования будет мало зависеть от того, какие именно кластеры попадут в выборку, в этом случае погрешность кластерной выборки будет минимальной.

На погрешность стратифицированной выборки влияет только погрешность измерения внутри страт, степень различия страт между собой на погрешности не отражается. На погрешность кластерной выборки больше всего влияют различия между кластерами, результат сильно зависит от того, какие именно кластеры попали в выборку. Погрешность измерения внутри кластеров тоже влияет на общую погрешность, но значительно меньше.

Еще одно различие между стратифицированной и кластерной выборками состоит в том, что стратификация уменьшает статистическую погрешность, а кластеризация – увеличивает. Поэтому дизайн-эффект стратифицированной выборки всегда меньше или равен единице (если страты в выборке представлены пропорционально), а дизайн-эффект кластерной выборки всегда больше единицы.

6. Стратифицированные кластерные выборки

Несмотря на различие между стратификацией и кластеризацией, оба эти метода формирования выборки могут применяться одновременно.

В результате их совместного применения получается стратифицированная кластерная выборка. Для создания выборки такого типа надо формировать страты не из отдельных элементов совокупности, а из кластеров. При этом требование однородности страт сохраняется. Это означает, что в одну страту следует помещать похожие между собой кластеры.

Число создаваемых страт обычно равно либо числу кластеров n_1 , которые надо отобрать, либо в два раза меньше, т. е. равно $n_1/2$. В первом случае из каждой страты отбирается по одному кластеру, во втором случае – по два. Отбор кластеров проводится независимо в каждой страте с вероятностью, пропорциональной размеру кластеров.

При формировании многоступенчатой выборки стратификация может применяться на любой ступени отбора. На каждой ступени страты создаются из соответствующих данной ступени единиц отбора, на первой ступени – из ПЕО, на второй – из ВЕО, и т. д. На последней ступени отбора страты формируются непосредственно из элементов совокупности, принадлежащих данному кластеру.

Большинство социологических исследований проводятся по стратифицированным кластерным выборкам. Стратификация и кластеризация – два основных методических приема, используемых при создании всего многообразия случайных выборок. Конечно, в арсенале разработчиков имеются также разнообразные технические приемы для проведения случайного отбора элементов и кластеров. К ним относится **систематический отбор**, при котором первый элемент отбирается случайно, а каждый последующий получается путем прибавления к порядковому номеру предыдущего некоторого фиксированного числа, называемого **шагом отбора**. При шаге отбора 10 отбирается каждый 10-й элемент, при шаге отбора 100 – каждый 100-й и т. д. Систематический отбор применяется также для отбора кластеров – в выборку попадает весь кластер, содержащий систематически отобранный элемент (при этом обеспечивается отбор кластеров с вероятностью, пропорциональной размеру). В число технических приемов входит также

контролируемый отбор, который позволяет увязывать между собой результаты отбора в разных стратах или кластерах и способствует повышению уровня контроля над выборкой. Есть

Несмотря на различие между стратификацией и кластеризацией, оба эти метода могут применяться одновременно. В результате их совместного применения получается стратифицированная кластерная выборка

и другие технические приемы. Но все они служат скорее вспомогательным инструментом для создания случайных выборок, основанных на стратификации и кластеризации.

7. Неслучайные выборки

В категорию неслучайных попадают все выборки, для которых невозможно вычислить вероятность отбора людей. Классификацию неслучайных выборок можно встретить во многих работах, но разные авторы по-разному их группируют и порой используют для одного и того же типа выборки разные названия. Поэтому, не претендуя на полноту и однозначность списка, рассмотрим несколько наиболее распространенных видов неслучайных выборок.

Выборка добровольцев, или **стихийная выборка**, характеризуется тем, что исследователь обращается с предложением принять участие в опросе ко всем желающим, а люди сами решают, стоит им откликнуться или нет. Призыв высказать свое мнение может прозвучать в эфире теле- или радиопередачи, а также быть опубликованным в газете или журнале в виде анкеты. Инициатор такого опроса обычно не знает, сколько людей услышали его призыв. А среди услышавших далеко не каждый надумает отозваться. Отреагирует, скорее всего, специфическая часть аудитории, не очень-то похожая на большинство зрителей, слушателей или читателей.

Квотная выборка состоит в том, что исследователь задает определенные пропорции между разными категориями респондентов, которые

необходимо выдержать. Обычно требуется воспроизвести в выборке известные из статистики пропорции всей совокупности по некоторым параметрам, например, по полу и возрасту респондентов, по уровню образования, по типу места жительства и т. п. Эти пропорции называются квотами. Интервьюеру предоставляется определенная свобода при отборе людей, лишь бы они удовлетворяли заданным квотам. Эта свобода может в большей или меньшей степени ограничиваться правилами, которые он должен соблюдать. Например, интервьюер может проводить опрос во всем населенном пункте или только на его части (на указанной улице или в указанном квартале), в любом месте (на улице, в магазинах, в транспорте) или только по месту жительства респондентов и т. п. Но в пределах заданных ограничений интервьюер сам решает, кого ему опросить. (В этом отличие квотной выборки от случайной стратифицированной, при которой интервьюер должен опросить определенных, заранее отобранных людей.)

Целевая (экспертная) выборка строится по принципу принадлежности респондентов к группе людей, интересующих исследователя. Эти люди часто называются **целевой группой**. Примерами целевых групп могут служить владельцы автомобилей определенных марок, покупатели корма для собак, слушатели радио “Эхо Москвы”, читатели “Коммерсанта”, служащие банков и т. п. У исследователя обычно нет надежных статистических данных о составе и структуре целевой группы, поэтому он не может задать точные квоты. Интервьюер может опросить любого человека, удовлетворяющего заданному критерию принадлежности к целевой группе. Где и как искать таких людей, интервьюер, как правило, решает самостоятельно, он проводит **целенаправленный отбор**. Поиск представителей малочисленных целевых групп проще всего про-

водить там, где они чаще бывают, в **местах скопления**. Автовладельцев можно опрашивать на бензозаправках, покупателей корма для собак – у специальных магазинов, служащих банков – на месте их работы.

Доступная выборка получается тогда, когда опрашиваются только те представители совокупности, которые легко доступны для исследования. Например, изучение заболеваемости проводится на тех людях, которые обратились к врачу, изучение преступности – только по жертвам зарегистрированных преступлений, в выборку руководителей предприятий попадают только те, чьи предприятия включены в справочник, изданный два года назад, мнение родителей учеников выясняют у тех, кто пришел на родительское собрание, и т. д. Различие между доступной и целевой выборками весьма условно. О доступной выборке можно говорить в тех случаях, когда отсутствует четкое описание изучаемой совокупности и исследователь не озабочен вопросом, кого именно представляют опрошенные им люди.

Особой разновидностью целевой выборки является **выборка типичных единиц**. В нее входят “типичные” представители совокупности. Например, типичный город и типичное село каждого региона, типичные представители разных социальных групп и т. д. Выбор типичных представителей проводится на основе экспертных оценок или с применением специальных математических методов. Но и эксперты, и математоды опираются на имеющуюся информацию о совокупности, которая либо получена в предыдущих исследованиях, либо основана на данных статистики. Будут ли типичные по этим данным элементы оставаться типичными для вновь изучаемых параметров, еще большой вопрос.

Выборка методом “снежного кома” служит еще одной разновидностью целевой выборки. Она применяется тогда, когда представите-

лей изучаемой совокупности трудно отобрать другими методами. Трудности возникают либо из-за малочисленности самой совокупности, либо из-за сложности выявления тех, кто в нее входит. Вот несколько примеров таких совокупностей: эксперты в некоторой области (по демографическим проблемам, по утилизации ядерных отходов), представители сексуальных меньшинств, люди определенной национальности (грузины, евреи, китайцы), люди с очень высоким уровнем доходов. Метод получения выборки основан на том, что почти каждый представитель целевой группы может назвать еще одного или нескольких человек, которые в эту группу входят. Поэтому сначала интервьюеры любыми методами ищут первых респондентов, часто среди своих знакомых, а те, в свою очередь, подсказывают, кого еще можно опросить. В результате число опрошенных растет, как снежный ком.

Мы уже отмечали, что неслучайные выборки применяются на практике гораздо чаще, чем случайные. Это связано с тем, что они, как правило, проще и дешевле. Преимущество неслучайных типов выборки особенно сильно проявляется при исследовании малочисленных и трудновыделяемых целевых групп. Хотя и для таких групп можно применять случайные методы отбора.

Общей чертой всех неслучайных выборок является то, что состав отбираемых респондентов существенно зависит от пристрастий и предпочтений отдельных людей. Решение о том, кто именно будет опрошен, принимают либо исследователи (выборка типичных единиц), либо интервьюеры в рамках заданных исследователем ограничений (квотная, целевая и доступная выборки), либо сами респонденты (выборка добровольцев и “снежный ком”). Пристрастия и предпочтения людей обычно вносят в выборку неслучайные искажения. Интервьюеры воль-

но или невольно отбирают более симпатичных и приятных для себя респондентов, избегая людей угрюмых, озлобленных, неопрятно одетых. Исследователи при отборе типичных представителей руководствуются своими научными гипотезами, для проверки которых как раз и проводится опрос. О существенных различиях между добровольными участниками опросов и остальными людьми уже говорилось раньше.

Искажения, возникающие из-за влияния неслучайных факторов отбора, могут иметь хаотический характер и в значительной степени компенсировать друг друга. Но иногда они направлены в одну и ту же сторону, их влияние складывается. В этом случае возникают систематические смещения.

8. Смещенные и несмещенные выборки

Что такое смещение выборки и в чем его отличие от статистической погрешности? Чтобы разобраться в этом, вернемся опять к простой случайной выборке размера n . В такой выборке возможны любые комбинации n элементов из всех N элементов совокупности. Общее число разных выборок равно C_N^n , это все возможные выборки такого размера. Обозначим их число через L .

При оценивании по выборке какого-либо параметра, например среднемесячного дохода, в разных выборках будут получаться разные значения. По одной выборке средний доход равен, скажем, 4563 рублям, по другой – 4687 рублям и т. д. Теоретически можно посчитать средний доход для каждой из всех L возможных выборок (практически это, конечно же, неосуществимо). В одних выборках средние доходы совпадут, в других – будут различаться. Каждому значению дохода будет соответствовать своя точка на горизонтальной оси “средний доход”. Над этой точкой на оси нарисуем небольшой кружок, обозначающий соответствующую выборку. Если

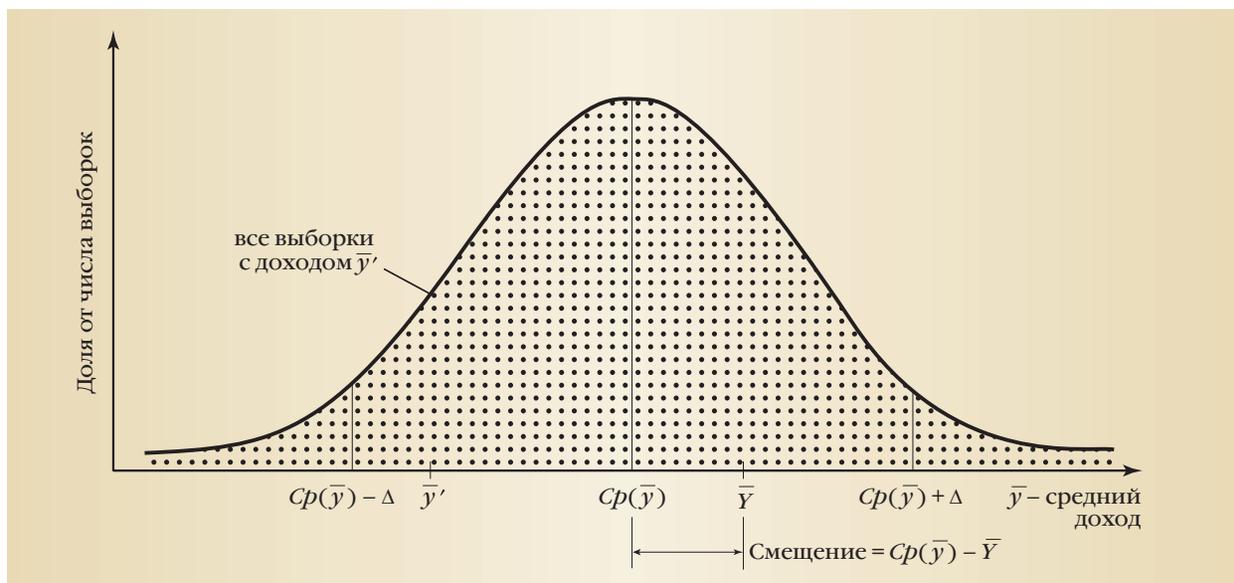

Рис. 1. Распределение оценки среднего дохода \bar{y} для всего множества выборок фиксированного размера

один и тот же доход получается в нескольких выборках, то нарисуем несколько кружочков друг над другом. Такими кружочками обозначим все возможные выборки. Картинка, которая получится в результате, изображена на рис. 1⁵.

В категорию неслучайных попадают все выборки, для которых невозможно вычислить вероятность отбора людей

Верхняя граница кружочков, обозначающих выборки, напоминает очертания холма. Если принять число всех выборок за единицу, то высота столбика над некоторой точкой \bar{y}' на горизонтальной оси показывает долю выборок, в которых средний доход равен \bar{y}' рублей. Вершина холма лежит над некоторой средней точкой, которая на рисунке обозначена $Cp(\bar{y})$, это среднее

значение дохода по всем L выборкам⁶. Выборки группируются симметрично вокруг этой средней точки, чем дальше от нее, тем число выборок меньше. 95% всех выборок расположены в интервале $Cp(\bar{y}) \pm \Delta$. Это доверительный интервал, а Δ – статистическая погрешность. И только 5% выборок лежат справа или слева от границ интервала.

Исследователю надо стремиться к тому, чтобы средняя точка $Cp(\bar{y})$ совпадала со значением \bar{Y} , которое получится, если бы опросили все население. Будем называть величину \bar{Y} истинным средним доходом, хотя это и не совсем так⁷.

Когда среднее по всем выборкам $Cp(\bar{y})$ совпадает с истинным значением параметра \bar{Y} , то такой способ получения выборки называется **несмещенным**. Если же эти значения не совпадают, $Cp(\bar{y}) \neq \bar{Y}$, то способ получения выборки называют **смещенным**, а разность $Cp(\bar{y}) - \bar{Y}$ называется **смещением** выборки.

⁵ Изображенная кривая близка к плотности нормального распределения.

⁶ Значение $Cp(\bar{y})$ можно было бы вычислить по формуле $Cp(\bar{y}) = \sum_{i=1}^L \bar{y}_i / L$, как среднее арифметическое средних доходов \bar{y}' , полученных в каждой из L выборок.

⁷ Даже если спросить всех людей и все они ответят, величина \bar{Y} будет отличаться от истинного среднего дохода, поскольку далеко не все ответы будут правдивы. Возникнет так называемое невыборочное смещение, которое никак не связано с выборкой. Смещения могут также возникнуть из-за невозможности опросить кого-то из респондентов, включенных в выборку (из-за того, что интервьюеру не удастся с ними встретиться, или из-за их отказа от участия в опросе). Эти смещения связаны не с особенностями случайной выборки, а с особенностями респондентов и с уровнем профессионализма интервьюеров. Хотя их обязательно надо учитывать при планировании исследования.

В теории вероятности есть теорема, доказывающая несмещенность простой случайной выборки. Это означает, что картинка, изображенная на *рис. 1*, справедлива для любого параметра, оцениваемого по простой случайной выборке, и для любой совокупности, из которой эта выборка получена. Все выборки будут несмещенными (т. е. точки $Sp(\bar{y})$ и \bar{Y} совпадут), а различия возможны только в высоте холма и крутизне его склонов. Очертания холма зависят от размера выборки и от степени различия между всеми людьми совокупности по оцениваемому параметру. Чем больше выборка – тем выше и круче холм, чем выборка меньше – тем холм ниже и положе⁸. Когда размер выборки одинаков, то для параметров, по которым различия между всеми людьми невелики, холм будет высокий и крутой; чем больше между ними различия – тем ниже и положе холм.

Простая случайная выборка позволяет получить максимальное число различных выборок данного размера, а именно все существующие выборки. Применение стратификации или кластеризации сокращает число потенциально возможных выборок. В стратифицированной выборке всегда выдержаны заданные пропорции между стратами (пропорции зависят от способа размещения выборки). Те выборки, где эти пропорции нарушены, недопустимы. В кластерной выборке в каждом кластере отбирается заданное число людей. Выборки, в которых на кластер приходится другое число людей, также не попадают в число возможных.

Таким образом, когда исследователь собирается применить определенный тип стратифицированной или кластерной выборки, он тем самым исключает из числа возможных огромное число выборок, которые могли бы возникнуть при простом случайном отборе. Однако число оставшихся выборок все равно будет очень большим.

Как изменится вид рисунка, если на нем оставить только те кружочки, которые соответствуют типу применяемой выборки, а остальные стереть?

Начнем с выборки, стратифицированной по уровню дохода людей. Предположим, что у ис-

следователя есть достоверные статистические данные о доле людей с низким, средним и высоким уровнем доходов и что он выдерживает эти пропорции в выборке. Раз пропорции выдержаны, значит не могут получиться такие выборки, в которых больше чем нужно людей имеют низкий доход или, наоборот, слишком много людей имеют высокий доход. На *рис. 1* этим выборкам

Преимущество неслучайных типов выборки особенно сильно проявляется при исследовании малочисленных и трудно выделяемых целевых групп

соответствуют множество кружочков, расположенных на левом и на правом краях. Все их надо стереть как недопустимые. Недопустимые выборки могут оказаться и в центре. Например, если выборка на 99% состоит из очень бедных людей и на 1% – из очень богатых, то посчитанный по такой выборке средний доход может совпасть с истинным средним доходом, то есть эта выборка будет расположена точно по центру рисунка. Однако в ней не выдержаны правильные пропорции между тремя доходными группами (в частности, полностью отсутствуют представители средней группы), значит, выборка недопустима. То есть недопустимым выборкам соответствуют все крайние кружочки, а также часть кружочков в центральной части. После их удаления с *рис. 1* холм станет значительно уже и выше. Напомним, что общая площадь, занятая кружочками, не меняется и остается равной 1, поскольку за единицу принято число всех допустимых выборок.

Если бы исследователь создавал страты не по уровню доходов, а, например, по возрасту людей, то изменения в рисунке были бы аналогичные, хотя и не такие существенные. Недопустимым выборкам соответствовали бы кружочки как по краям, так и по центру рисунка, но недопустимых выборок по краям было бы больше. В результате холм стал бы поуже и повыше, но не так значительно, как при стратификации по

⁸ При небольших размерах выборки – обычно менее нескольких десятков человек – гладкость и симметричность склонов холма может нарушаться, к малым выборкам математическая теория уже неприменима.

уровню до-
ходов.

Увеличе-
ние крутизны
холма означает
уменьшение ве-
личины довери-
тельного интер-
вала Δ , а значит,
и уменьшение ста-
тистической погр-
ешности. Поскольку
в пропорциональной
стратифицированной
выборке погрешность
никогда не увеличивает-
ся, следовательно, и ши-
рина холма тоже не увели-
чивается, чаще всего он
становится выше и уже,
в крайнем случае, остается
таким же. При этом выборка
всегда остается несмещенной,
т. е. середина холма совпадает
с истинным значением оцени-
ваемого параметра. (При непро-
порциональном размещении
выборки между стратами ширина
холма в принципе может увели-
читься, но выборка по-прежнему
останется несмещенной, поскольку
при вычислении среднего учитыва-
ются веса страт.)

Теперь перейдем к кластерным
выборкам. Для них множество недо-
пустимых кружочков будет расположе-
но по всей площади холма, однако в цен-
тральной части их все же будет больше,
чем по краям. Поэтому после удаления
всех лишних кружочков холм станет ниже
и шире, чем для простой случайной выбор-
ки. Это связано с тем, что дизайн-эффект
кластерной выборки на практике всегда
больше единицы, и она всегда приводит к уве-

личению статистической погрешности. Однако,
как и стратифицированная выборка, кластерная
выборка будет несмещенной, если все процеду-
ры отбора проведены правильно.

Получается, что при стратификации исклю-
чается больше выборок, расположенных по кра-
ям холма, при кластеризации – больше выборок,
расположенных в центре, но при этом и страти-
фицированная, и кластерная выборки всегда оста-
ются несмещенными⁹. Соотношение между
простой случайной, пропорциональной страти-
фицированной и кластерной выборками пока-
зано на *рис. 2*.

Несмещенность случайных выборок обеспе-
чивается применяемым способом отбора, при
котором каждому представителю совокупности
стараятся обеспечить равную вероятность по-
падания в выборку. В тех типах выборки, где при
отборе людей применяются неравные вероятно-
сти, различия в вероятностях обязательно учи-
тываются при вычислении средних значений
(как это делается, например, в непропорцио-
нальных стратифицированных выборках).

Несмещенность каждого типа случайной вы-
борки обосновывается в специальной литерату-
ре по выборочным методам (иногда в форме тео-
рем с доказательствами). Для оценивания пара-
метров применяются специальные формулы,
вид которых зависит не только от типа выборки,
но и от параметра. Есть формулы для оценки
среднего (например, среднего дохода), для оцен-
ки доли людей (в процентах), для оценки отно-
шения двух величин, для оценки параметров ли-
нейных регрессионных моделей и т. п. У каждо-
го типа случайной выборки есть также свои осо-
бые формулы для вычисления величины
статистической погрешности. Широко извест-
ные формулы для простой случайной выборки
неприменимы к выборкам других типов.

А что можно сказать про неслучайные вы-
борки? В разных типах неслучайных выборок
имеются свои ограничения на способ отбора
респондентов. В квотных выборках должны быть
выдержаны заданные квоты. В целевых выбор-

⁹ Напомним, что несмещенной является вся выборка целиком. Невозможность опросить кого-то из респондентов, включенных в выборку (из-за того, что интервьюеру не удастся с ними встретиться, или из-за их отказа от участия в опросе), может приводить к смещениям, которые напрямую от выборки не зависят.

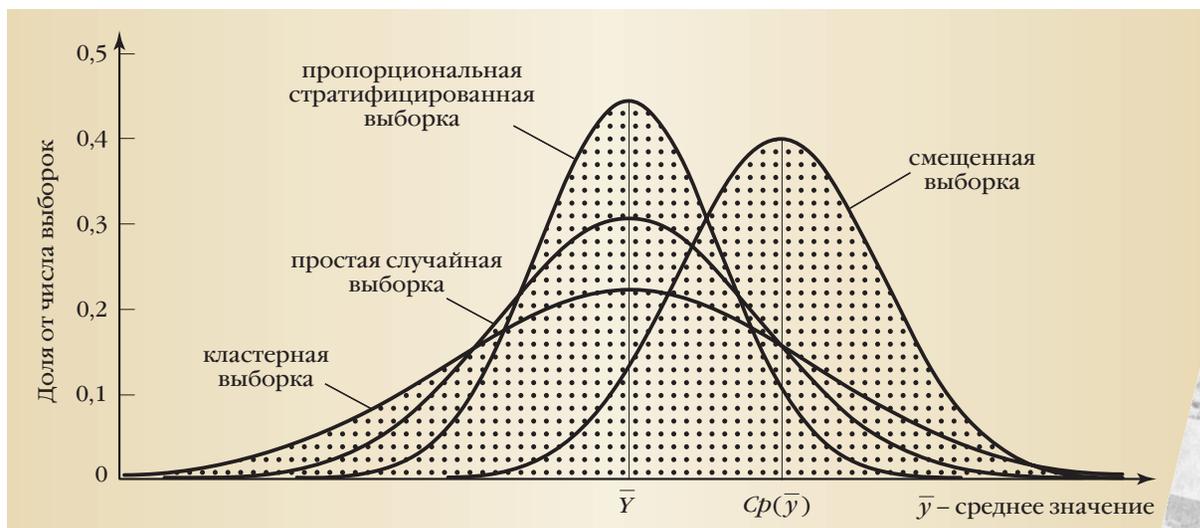

Рис. 2. Распределение оценки среднего значения параметра \bar{y} для разных типов выборок

как могут регламентироваться точки, в которых надо проводить опрос, например, может быть задан перечень “мест скопления”. В выборке типичных единиц есть свои правила, по которым определяют, кого можно отнести к типичным представителям совокупности. Но в рамках формализованных правил отбора у интервьюера всегда остается свобода самому решить, кого именно ему опрашивать. Предпочтения интервьюеров, участвующих в опросе, тоже накладывают свои ограничения на множество возможных выборок. В выборке добровольцев и в опросах методом снежного кома вместо предпочтений интервьюеров в качестве ограничений действуют желания и настроения респондентов.

Для каждого типа неслучайной выборки существуют свои картинка, показывающие, как распределяются возможные выборки по осям разных параметров. Но поскольку здесь есть влияние предпочтений интервьюеров или респондентов, вид картинка точно предсказать невозможно. Какие именно кружочки на рис. 1 окажутся недопустимыми и должны быть удалены, а какие останутся, зависит от многих субъективных факторов. В одних случаях выборки получатся несмещенными, а в других – могут очень сильно сместиться влево или вправо. Для неслучайных выборок не существует доказанных теорем и готовых формул для расчета погрешности. Поэтому исследователь может полагаться только на свой опыт и интуицию.

Строгое выполнение квот не гарантирует несмещенность выборки по другим, не котируемым параметрам. Например, исследователь может добиться, чтобы квоты по полу и возрасту респондентов были выдержаны с точностью до одного человека. Это обеспечит несмещенные картинка по осям “доля мужчин” (“доля женщин”) и “возраст”. Все крайние точки на соответствующих картинка исчезнут, останутся только узкие и высокие столбики выборок, совпадающие с истинным процентом мужчин и истинным средним возрастом в совокупности. Но по оси “средний доход” картинка может оказаться иной, весь холм с выборками может сместиться влево относительно истинного среднего дохода. Это произойдет, например, если у большинст-

ва интервьюеров осознанно или неосознанно будет присутствовать установка: не опрашивать тех, чей социальный статус выше, чем у них самих (им может не нравиться немного пренебрежительное отношение к ним респондентов). Тогда в каждой половозрастной группе будут опрошены люди, чей доход ниже или примерно такой же, как у интервьюера, что приведет к смещению выборки по доходу.

Многие исследователи, применяющие неслучайные выборки, используют комбинацию случайных и неслучайных методов отбора. Например, при опросе населения сначала создается случайная выборка населенных пунктов, она формируется как кластерная выборка. Внутри этих населенных пунктов отбираются домохозяйства случайным маршрутным методом. Этот метод является реализацией случайного систематического отбора с определенным шагом. И только при отборе респондента в домохозяйстве применяются квоты, т. е. неслучайный отбор. Такие комбинированные методы отбора позволяют снизить вероятность смещения выборки, но все равно не дают полной гарантии.

Неслучайная выборка всегда может оказаться смещенной, даже в том случае, когда до этого исследователь уже неоднократно применял данный способ отбора респондентов и каждый раз был доволен результатами. В практике известно много примеров неожиданных

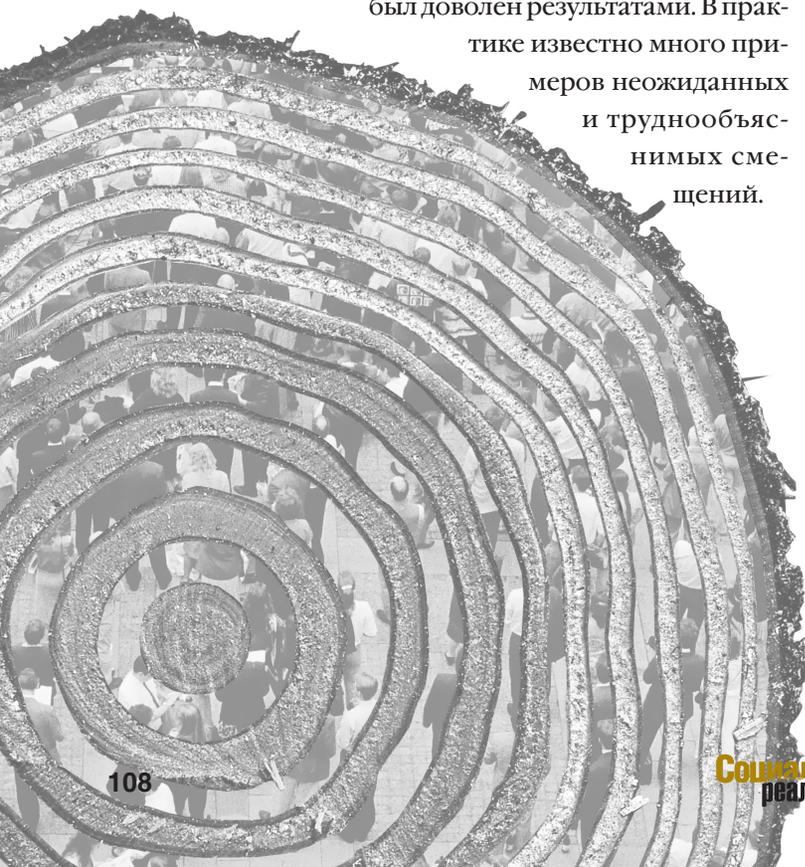
и труднообъяснимых смещений.

9. Репрезентативные выборки

Термин “репрезентативная выборка” применяется довольно часто, однако разные люди вкладывают в это понятие различный смысл. Но практически все придают ему положительный оттенок, подразумевая, что репрезентативная выборка – это прежде всего хорошая, правильная выборка.

Если переводить этот термин буквально, то он означает выборку, репрезентирующую, то есть представляющую, изучаемую совокупность. Причем представляющую правильно, в отличие от нерепрезентативной выборки, которая не представляет изучаемую совокупность или представляет ее неправильно. Правильное представление совокупности означает в первую очередь отсутствие смещений, поэтому термин “репрезентативность” ближе всего примыкает к понятию несмещенности выборки. Ведь результаты опросов, проведенных по несмещенной выборке, можно смело распространять на всю совокупность. Именно это имеют в виду люди, когда говорят, что выборка репрезентирует все население или какую-то его часть – сельских жителей, молодежь, автовладельцев и т. п.

Еще один смысл, который вкладывают в понятие “репрезентативность”, заключается в том, что в выборке должны быть представлены все категории респондентов, что ни одна из категорий не должна быть пропущена при отборе. Такое понимание репрезентативности очень близко к определению случайной (вероятностной) выборки как выборки, в которой каждый представитель совокупности имеет известную ненулевую вероятность быть отобранным. Использование термина в таком контексте, на первый взгляд, несколько не противоречит пониманию репрезентативности в смысле несмещенности выборки, поскольку случайные выборки являются несмещенными, – но все же некоторые различия есть. Например, в непропорциональной стратифицированной выборке соотношение между отдельными категориями людей может не совпадать с их пропорциями в совокупности. Размер выборки по некоторым категориям может быть сознательно увеличен или уменьшен, а несмещенность сред-

них оценок обеспечивается за счет использования при расчетах весов страт. Некоторые авторы называют такие выборки нерепрезентативными, хотя и признают необходимость и обоснованность нарушения пропорций между разными категориями респондентов. Отсутствие в выборке представителей отдельных малочисленных категорий людей, доля которых в совокупности не превышает величину статистической погрешности, тоже порой интерпретируется как нерепрезентативность выборки, хотя с точки зрения теории вероятности это вполне допустимо. Таким образом, в число нерепрезентативных во втором смысле попадают некоторые несмещенные случайные выборки, что свидетельствует о различии между таким пониманием репрезентативности и ее пониманием в смысле несмещенности.

Бывает, что после слов “репрезентативная выборка” идет уточнение, по каким именно параметрам она репрезентативна. Например, выборка репрезентативна по полу и возрасту, по типу места жительства, по национальному составу респондентов и т. д. Независимо от того, что имеет в виду автор, эти слова часто понимаются буквально. А именно, что пропорции в выборке и во всей совокупности по указанным параметрам совпадают. Нетрудно заметить, что это не совсем то же самое, что несмещенность выборки по этим параметрам. В простой случайной выборке возможны небольшие отклонения по любому параметру в пределах статистической погрешности. В начале статьи была посчитана величина погрешности для доли мужчин в выборке из 1000 человек – она равна $\pm 2,9\%$. Отклонения в этих пределах не означают смещенности выборки, однако могут восприниматься отдельными людьми как отсутствие ее репрезентативности по полу, то есть как признак некачественной выборки. И наоборот, репрезентативность по ряду параметров, в которой можно легко убедиться самостоятельно, часто воспринимается как надежное доказательство несмещенности выборки по всем параметрам, что, как известно, справедливо не всегда. Поэтому “репрезентативность по параметру” отличается от рассмотренных ранее понятий репрезентативности и не по-

зволяет провести четкую границу между смещенными и несмещенными выборками, случайными и неслучайными.

Иногда говорят о статистической репрезентативности выборки, имея в виду, что ее точность должна соответствовать целям исследования. Для решения одних задач статистическая погрешность должна быть небольшой, например, не более 3%, для других задач приемлемая погрешность может составлять 10% и даже больше. Когда величина погрешности отвечает целям исследования, выборку называют статистически репрезентативной. Такое определение применимо только к случайным выборкам, для которых можно вычислить статистическую погрешность. Случайные выборки, имеющие недостаточную точность, попадают в категорию статистически нерепрезентативных.

Таким образом, понятие “репрезентативная выборка” имеет много значений, не совпадающих одно с другим. Бывает трудно понять, в каком смысле этот термин употребляется. Порой плохие выборки могут быть названы репрезентативными, и наоборот, хорошие, правильные выборки могут попасть в категорию нерепрезентативных.

Наверное, если подсчитать, какие слова чаще всего встречаются вместе со словом выборка, то сочетание “репрезентативная выборка” займет одно из первых мест. По распространенности его сможет опередить разве что сочетание “случайная выборка”. Возможно, такое широкое употребление этих словосочетаний объясняется многообразием значений, которые в них вкладываются. Об этом важно помнить, встречая или используя эти выражения. ■

Литература

Kish L. Survey Sampling. John Wiley and Sons, Inc., New York, 1965.

Йейтс Ф. Выборочный метод в переписях и обследованиях. М.: Статистика, 1965.

Кокрен У. Методы выборочного исследования. М.: Статистика, 1976.

Авторы номера...

Петр Бавин
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”

Елена Вовк
Старший специалист
аналитического
отдела Фонда
“Общественное
мнение”

Марина Иванова
Специалист
Фонда
“Общественное
мнение”

Елена Петренко
Директор
по исследованиям
Фонда “Общественное
мнение”

Людмила Преснякова
Кандидат
политических наук.
Ведущий специалист
отдела социологии
Фонда “Общественное
мнение”

Ирина Шмерлина
Кандидат
философских наук.
Старший специалист
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии РАН

Алексей Чуриков
Директор
по технологиям
Фонда “Общественное
мнение”,
преподаватель
ГУ–ВШЭ

Подписка – 2007

на журнал “Социальная реальность”

Заполните купон и отправьте в Агентство “Книга-сервис” по адресу:

117168, Москва, ул. Кржижановского, д. 14, корпус 1;

или по факсу: (495) 129-0154, 719-08-22

Адрес e-mail для связи: **public@akc.ru**

Подписаться на любые номера журнала можно в течение всего 2007 г.

На основании указанных Вами данных после получения купона

Вам будет выставлен платежный документ (счет или квитанция)

Вышедшие из печати номера будут Вам высланы по почте после получения оплаты

Подписка принимается только на территории Российской Федерации

линия отреза

Отметьте, пожалуйста, крестиком номера журнала
“Социальная реальность”, на которые Вы хотите подписаться

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Подписной
индекс

C86301

Стоимость подписки на один месяц 200 рублей (включая НДС)

Фамилия

Имя

Отчество

Почтовый индекс

Область/край

Город/село

Улица

Дом корпус квартира

Телефон подпись дата

Дополнительная информация для юридических лиц

ИНН

КПП

Полное юридическое название

Юридический адрес (при несовпадении с почтовым)

Улица

Дом корпус

В 2007 году бесплатная рассылка будет продолжаться в ограниченном объеме по списку редакции.

линия отреза

Книжная серия

Фонда “Общественное мнение”

Монографии

Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. 2002.

Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. 2002.

Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. 2002.

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.

Под ред. В. А. Колосова 2003.

Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. 2003.

Галицкий Е. Б. Методы маркетинговых исследований. 2006.

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. 2005.

Переводы

Уолтон Д. Аргументы ad hominem. *Пер. с англ.* 2002.

Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. *Пер. с англ.* 2005.

Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. *Пер. с англ.* 2003.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. *Пер. с англ.* 2003.

Гофман И. Анализ фреймов: организация повседневного опыта. *Пер. с англ.* 2004.

Липшман У. Общественное мнение. *Пер. с англ.* 2004.

Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. *Пер. с англ.* 2004.

Хроники социологических наблюдений

Поговорим о гражданском обществе. 2001.

Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября. 2001.

Десять лет социологических наблюдений. 2003.

Социологические наблюдения (2002–2004). 2005.

Контакт:

Тел. (495) 745-8765

E-mail: izdat@fom.ru

Басманова Светлана Борисовна, Семенова Елена Николаевна
119421, Москва, ул. Обручева, д. 26, корпус 2